

КАЛЕНДАР

ЛЕМКО-СОЮЗА

СОСТАВИЛ
ВАНЬО ГУНЯНКА

ГАНЧОВЯНКА

ЦІНА 50 ЦЕНТОВ

Краяне

Лемкы-Карпатороссы!

Купуйме и помагайме тым, котры сочувствуют и помагают розвитку нашей народно-робочой организации Лемко-Союза, а оминайме тых, котры идут против интересов робочого народа.

В СОЗНАНИЮ НАША СИЛА!

и

ЛІПША БУДУЧНОСТ!

Открывайте Библиотеки

и

Школы Для Старших!

Учтесе, чытайте и другим объясняйте, як мы можеме и повинны боротися за наши робочы интересы и защищати народны права.

ЦИ МАТЕ ВЫ НА СВОЕМ ПЛЕИЗИ

Народный Дом?

БУДУИТЕ НАРОДНЫ ДОМЫ!

Открывайте Русскы Народны Школы!

Закладайте Театральны Кружки!

Организуите робочы оркестры и хоры!

Подбайте о нашу молодеж, ей развитье и науку —

бо

в сознательности молодежи

ліпша

будучност нашего народа!

Книжки в Редакции "Лемко"

* * *

1. Мапа Лемковины на полотні \$2.00
2. " " на папері 0.50
3. Карпаторусский Буквар.
— Ваньо Гунянка 0.15
4. Старый Край — Ваньо Гунянка 0.10
5. Борьба за Национальные Права и Борьба за Социальную Справедливость—Дрѣ С. С. Пыжь --- 0.10
6. Мысли о Кооперации—
Родный Лемко 0.10
7. Прикарпатская Русь подѣ Чехо-словацкимъ Режимомъ —
Дрѣ С. С. Пыжь 0.10
8. Сім Грѣхов Головных—В. Гунянка 0.10
9. Збийска Полянка—Родный Лемко 0.10

ДРАМАТИЧНА БИБЛИОТЕКА

1. Лемковске Весіля и Співанкы 0.10
2. Спаношене Хлопство 0.10
3. Ицко Сват ----- 0.10
4. Муж Умер—Комедия—П.Ф. Телеп 0.10

Карпаторусский
КАЛЕНДАР

Лемко-Союза

— на —

1935

Составил Ваньо Гунянка

ГОД ИЗДАНИЯ X.

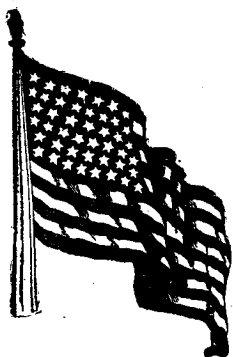
ПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ ЛЕМКО-СОЮЗА

КЛИВЛАНД, ОГАИО — 1934

2490 Professor St.

Cleveland, Ohio

Американскы Легальны Свята

1) Кажда недѣля (воскресенье) въ году.

2) 1-го января — Новый Годъ, празднують во всѣх штатахъ, за исключеніемъ шта.: Массачусетсъ, Аркансасъ, Миссиссиппи и Нью Гемпширъ.

3) 12-го февраля, день рожденія президента Авраама Линкольна, празднують: Коннектикутъ, Нью Джерзи, Нью Йоркъ, Пенсильванія, Делаваре, Каролайна, Вестъ Вирджинія, Илинойсъ, Индіана, Кензасъ, Мичиганъ, Миннесота, Савтъ Дакота, Нортъ Дакота, Монтана, Ютагъ, Колорадо, Айова Орегонъ, Вашингтонъ, и Вайомингъ.

4) 22-го февраля, день рожденія перваго президента Соединенныхъ Штатовъ Юрія Вашингтона — празднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ штата Миссиссиппи.

5) 30-го марта, Великая Пятница; празднуется въ штатахъ: Массачусетсъ, Миссиссиппи, Пенсильванія, Алабама, Луизіана и Теннесси; въ другихъ штатахъ губернаторы спеціальною прокламаціею проголошуютъ той день святочнымъ.

6) 30-го мая — Декорейшинъ Дей. -- Того дня украшаютъ гробы — могилы погибшихъ воиновъ въ часѣ гражданской войны. Празднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ штатовъ Аркансасъ, Флорида, Джорджія, Луизіанна, Миссиссиппи, Нью Мексико, Нортъ Каролайна, С. Каролайна и Тексасъ.

7) 4-го іюля — Фортъ офъ Джулай — день проголошенія независимости Соединенныхъ Штатовъ. Празднують во всѣхъ штатахъ.

8) Въ первый понедѣльникъ сентября — День Труда — Лейборъ Дей, — празднують во всѣхъ штатахъ.

9) Послѣдній четвергъ въ ноябрѣ — День Благодаренія — Тенсгивингъ Дей, праднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ шт. Вайомингъ.

10) 25-го декабря — Рождество Христово — латинскій Кризмасъ. Празднують во всѣхъ штатахъ.

Кромѣ вышеназванныхъ праздниковъ, гдѣякіи штаты празднують: Ден: Колумба — 12 октября; День штатныхъ и федеральныхъ выборовъ — Элекшинъ Дей — обыкновенно въ первый вторникъ въ ноябрѣ. Кромѣ того, каждый штатъ мае свои отдѣльны праздники.

АМЕРИКАНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Годы

1492. Христофоръ Колумбъ, италіянецъ, открылъ Новый Свѣтъ.
1497. Іоаннъ Каботъ, англичанинъ, открылъ континентъ Сѣверной Америки.
1565. Испанцы поселилися въ Ст. Августинъ, Флорида, найстаршій теперь городъ въ Соединенныхъ Штатахъ.
1607. Поселеніе Вирджиніи, первая успѣшная колонія въ 13-ти первоначальныхъ стейтахъ, начата англичанами.
1609. Генри Гудсонъ, англичанинъ, находящійся на службѣ голандцевъ, открылъ рѣку Гудсонъ.
1620. Англичане начали заселяти Массачусетсъ.
1647. Массачусетсъ ухвалилъ законъ о устройствѣ публичныхъ школъ.
1664. Англичане забрали голландцамъ город Нью Амстердамъ и назвали его Нью Йоркъ.
1682. Англійскіи Квакеры поселилися въ Пенсильваніи.
1733. Англичане начали заселяти Джоржію, послѣднюю изъ первоначальныхъ стейтовъ.
1759. Англичане отнесли окончательную побѣду надъ французами въ Квебекъ.
1775. Началася революційная война противъ Англии.
1775. Битва у Бункеръ Гилль между американцами и англичанами.
1776. Декларация Независимости отъ Англии, проголошена въ Филадельфіи.
1776. Американцы выиграли битву у Трентон.
1777. Американцы выиграли битву у Саратога.
1789. Американцы при помощи французовъ, отнесли окончательную побѣду надъ англичанами у Йоркставнъ.

1789. Согласно Конституции, Джордж Вашингтонъ сталъ первымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.
1803. Соед. Штаты откупили отъ французовъ Луизиану.
1807. Робертъ Фултонъ побудовалъ первый пароходъ.
- 1812—1815. Вторая война съ Великою Британіей.
1819. Флориду купили Соед. Штаты отъ Испаніи.
1819. Первый пароходъ, Саваннагъ, перешол Атлантическій океанъ.
1823. Объявлено доктрину Монро, чѣмъ о-стережено европейцевъ передъ устройваніемъ колоній въ Америкѣ.
1825. Открыто Каналь Ири, черезъ что Нью Йоркъ сталъ торговымъ центромъ Соединенныхъ Штатовъ.
1830. Въ Соед. Штатахъ по разъ первый употреблено съ успѣхомъ первый локомотивъ.
1845. Анектовано Тексасъ.
- 1846—1848. Война съ Мексикою, по которой Соед. Штаты получили югозападные стейты и территоріи.
1848. Открыто въ Калифорніи золото и тамъ начали поселятся американцы.
- 1861—1865. Гражданская война между южными и сѣверными стейтами.
1863. Президентъ Линкольнъ проклямовалъ свободу для негровъ.
1863. Сѣверныи стейты выиграли битву подъ Геттисбургъ.
- 1865—1870. Принято 13, 14 и 15 додатокъ до Конституции, дающій неграмъ свободу и право голосованія.
1869. Оконченъ будову желѣзной дороги, соединяющей Нью Йоркъ съ Санъ Франциско.
- 1882—1902. Запрещено иммиграцію китайскихъ рабочихъ на 10 лѣтъ.
1884. Начато употреблять электрическіи трамваи (стриткаръ).
1898. Анектовано Гавайскіи острова.
1898. Война Соед. Штатовъ съ Испанією, освобожденіе Кубы и присоединеніе Филиппинскихъ острововъ и Порто Рико.
1902. Братья Райтъ вынашли летательную машину.
1914. Окончаніе будовы Панамского Канала.
- 1917—1917. Война Соед. Штатовъ съ Германіей.
1920. Побѣда республиканской партіи на президентскихъ выборахъ.
1923. Смерть Президента Гардинга. Вице-президентъ Кальвинъ Кулиджъ вступилъ на постъ Президента Соед. Штатовъ.
1924. Переизбраніе Кальвина Кулиджа на президентскихъ выборахъ.
1926. Празднованіе 150-лѣтія Американской Независимости.
1929. Крахъ на Американской биржѣ и початокъ страшной депрессіи и безработя.
1932. Проваль республиканской партіи на выборахъ, выборъ президента Франклина Делано Рузвельта, демократа.
1933. Президентъ Рузвельтъ и его "Нью Диль," НРА.

МѢСЯЦЪ ПРЕЗИДЕНТОВЪ

—о—

Мѣсяцъ февраль можеме назвати мѣсяцемъ великихъ Президентовъ. Въ томъ мѣсяцѣ американскій народъ праднуе годовщину рожденія найславнѣйшихъ Президентовъ С. Ш.: Линкольна—12 февраля и Вашингтона—22 февраля. Обѣ годовщины сдѣлалися національными праздниками. Годовщина Вашингтона празднуется во всѣхъ штатахъ, а годовщина Линкольна лемъ въ сѣверныхъ штатахъ.

ДЖОРДЖЪ ВАШИНГТОНЪ былъ первымъ Президентомъ Соед. Штатовъ. Онъ былъ избранъ единогласно Президентомъ въ 1789 году и 30 апрѣля того же года вступилъ на свою должность. Родился 22 февраля 1732 года, а умеръ 14 декабря, 1799 г.

АВРААМЪ ЛИНКОЛЬНЪ былъ 16-тымъ Президентомъ Соед. Штатовъ. Избранный Президентомъ въ 1860 году, онъ былъ принужденъ вести страшную войну съ южными штатами, которые изъ-за спора о рабствѣ негровъ оторвались отъ федераціи съ сѣверными штатами и основали свою независимую отъ Сѣвера конфедерацію. Война окончилась побѣдой сѣверныхъ штатовъ и единство Соед. Штатовъ было спасено. Во время войны негры были освобождены отъ рабства. Въ 1864 г. Линкольнъ былъ переизбранъ Президентомъ на слѣдующій срокъ, но 14 апрѣля 1865 года былъ убитъ акторомъ Джономъ Бутомъ.

Родился 12 февраля 1809 года.

Январь 1935 January

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П	Н. Г. Обр. Г. Василия В.	14	Илярия
2 В	Сильвестра	15	Павла
3 С	Прор. Малахии	16	Маркила п.
4 Ч	Собор 70 Апостолов	17	Антония ав.
5 П	Нав. Бог. Теопемпта	18	Присти
6 С	Богоявление Господне	19	Мария и тов.
7 Н	34 по С. Д. Иоанна Кр.	20	2 по З.К. Севастиана
8 П	Эмилиана	21	Агнеты
9 В	Св. мч. Полиевкта	22	Винкен.
10 С	Григория прп. и Домет.	23	Раймунда
11 Ч	† Теоодосия Вл.	24	Тимофтея
12 П	Татианы мч.	25	Нав. Ап. Павла
13 С	Єрмила и Стратон. мч.	26	Поликарпа
14 Н	35 по С. Д. Отцев	27	3 по З. К. Иоан. Зл.
15 П	Павла Тив. и Иоанна прп.	28	Леонида
16 В	Пок. Ап. Павла	29	Франца
17 С	† Антония Вел. прп.	30	Мартина д. м.
18 Ч	Афтанасия и Кир. пр.	31	Петра из Н.
19 П	Сич. Макария прп.	1	Игнатия
20 С	† Евфтимия Вел. прп.	2	Мат. Б. Громн.
21 Н	36 по Со. Д. Максима	3	4 по З. К. Власия
22 П	Тимофтея ап., Анастасия	4	Вероники
23 В	Климентия	5	Агаты
24 С	Ксении прп.	6	Тита еп. Дор.
25 Ч	† Григория Бог.	7	Ромульда
26 П	Ксенофонта прп.	8	Иоан. прп. из Мат.
27 С	† Перм. Иоанна Злат.	9	Апольония
28 Н	37 по С. Д. Ефрема	10	5 по З. К. Поп. Сх
29 П	Пер. мощ. Игнатия Б.	11	Появл. МБ. Люрд.
30 В	Трох Св.	12	Григория П.
31 С	Кира и Иоанна безср.	13	Трох Святых

Февраль 1935 February

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1	Ч	Трифона
2	П	Стритение Господне
3	С	Симеона и Анны пр.
4	Н	Митаря и Фарисея Ис.
5	П	Агафии мч.
6	В	Вукола прп.
7	С	Парт. и Луки прп.
8	Ч	Феодора Стр.
9	П	Николая мч.
10	С	Харлампия мч.
11	Н	О Блудном Сыні Власия
12	П	Мелетия св.
13	В	Мартина прп.
14	С	Авксентия прп.
15	Ч	Онисима ап.
16	П	Памфила мч.
17	С	Лют. Феодора вмч.
18	Н	Мясопустная Льва
19	П	Архипа ап. и Максима
20	В	Льва еп.
21	С	Тимофея прп.
22	Ч	Найд. мощ. Евг.
23	П	Поликарпа свмч.
24	С	† 1 об. Гл. Иоан. Крест.
25	Н	Сыропустная. Тарасия
26	П	Порфирия св.
27	В	Прокопия
28	С	Василия исповідника

14	Валентина
15	Фавстина и Иов.
16	Юлианны
17	Старозап. Юлиан.
18	Симеона
19	Сух. Маркелина
20	Сух. Льва еп.
21	Феликса еп.
22	Маргар из К.
23	Петра Дам. еп.
24	Мясопустна.
25	Матфея Ап.
26	Цесария
27	Виктора
28	Александра
1	Альбина еп.
2	Павла м.
3	Сыропуст. Кунег.
4	Андрияна
5	Иоанна від. Хр.
6	Перпетуи
7	Фом. Акв.
8	Иоанна Божого
9	Франциски рим.
10	Вступ. 40 Мучен.
11	Григория В.
12	Григория В. пап.
13	Христины

Март

1935

March

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч	Евдокии прмч.
2 П	Еоодота свмч.
3 С	Евтропия и ин. мч.
4 Н	1 Поста. Гарасима прп.
5 П	Канона мч.
6 В	42 мучеников в Амории
7 С	Василия свмч.
8 Ч	Ееофилякта прп.
9 П	† 40 муч, в Соваст.
10 С	Кондрата и ин. мч.
11 Н	2 Поста. Софрония патр.
12 П	Ееофана исп.
13 В	Пер. мощей Николая
14 С	Венедикта прп.
15 Ч	Агапия мч.
16 П	Савина и Юлиана мч.
17 С	Алексия прп.
18 Н	3 Поста Кирила Ерус.
19 П	Хризанта и Дарии мч.
20 В	О. О. Убитых
21 С	Якова исп.
22 Ч	Василия свмч.
23 П	Николая и тов.
24 С	Захарии и Якова
25 Н	4 Поста Бл. Пр. Бог.
26 П	Собор Ар. Гавриила
27 В	Матроны
28 С	Иляриона прп.
29 Ч	Марка и Кир. прп.
30 П	Юанна Листв. прп.
31 С	Поклон. Ипат. прп.

14	Матильды к.
15	Климентя
16	Кирияка м.
17	Суа. Патрикия
18	Кирила
19	Юсифа Обруч.
20	Евфимии д.
21	Венедикта ав.
22	Катерины шв.
23	Феликса м.
24	Глуа. Гавриила
25	Благов. ПДМ.
26	Вел. Суб. Еман.
27	Рунерта
28	Св. Пон. Юанна К.
29	Кирила
30	Квирина
31	Средопост. Бальб.
1	Гугона
2	Франца
3	Ришарда
4	Изидора
5	Винцентия
6	Келестина
7	Чорна. Елифания
8	Дионисия еп.
9	Марии клеоп.
10	Езолия
11	Льва В. пап.
12	Юлия пап.
13	Герменегильды

Апріль 1935 April

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 Н	5 Поста. Маріи Іер. прп.	14	Квітна Юстина м.
2 П	Тита прп. и Амфианы	15	Анастасий м.
3 В	Никиты	16	Венедикта
4 С	Іоанна прп.	17	Аникита
5 Ч	Ееодосія Тирского	18	Аполонія м.
6 П	Евтихія св.	19	Георгія
7 С	Григорія св.	20	Ееодора
8 Н	Квітна. Иродиона	21	Воскр. Хр. Анзол.
9 П	Евстахія мч.	22	Сотера и Кая мм.
10 В	Терентія	23	Войтеха
11 С	Антипы свмч.	24	Фиделиса
12 Ч	Василия прп.	25	Ап. св. Іос. Мар.
13 П	Артемона свмч.	26	Клита и Марка
14 С	Мартина папы рим.	27	Петра Кан.
15 Н	Воскресение Христова	28	Біла. Павла
16 П	Світ. Понед. Агапии	29	Петра из Вер.
17 В	Світл. Вторн. Симеона	30	Катерины
18 С	Іоанна Д. прп.	1	Филиппа и Якова
19 Ч	Іоанна Староп.	2	Хр. кн. Атаназ.
20 П	Ееодора Трих.	3	Цар. К. П.
21 С	Януарія свмч.	4	Зн. св. Хр. Фльор.
22 Н	1 Еомина. Ееодора	5	2 по Пасхі Теодора
23 П	† Георгія вмч.	6	Іоанна
24 В	Саввы	7	Флявii и Домит.
25 С	Марка ев.	8	Станислава еп.
26 Ч	Василия свмч.	9	Григорія Наз.
27 П	Симеона свмч.	10	Изидора
28 С	Ясона и Сосипатра ап.	11	Францишка
29 Н	2 Мирносиц. Евстахія	12	3 по Пасхі. Панкр.
30 П	† Якова апостола	13	Серватія

Май

1935

May

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1	В	Еремея пророка
2	С	Аванасия ВА.
3	Ч	† Θεодосия Печ. прп.
4	П	Пелагии прпмч.
5	С	Ирины мч.
6	Н	3 по Пасхі. Іова
7	П	Явление Чест. Креста
8	В	Іоанна Богослова
9	С	† Пер. м. св. Николая
10	Ч	† Симона Зил. ап.
11	П	Мокия свмч.
12	С	Епифания и Герм. патр.
13	Н	4 по Пасхі Самарит.
14	П	Ізидора мч.
15	В	Пахомия
16	С	Θеодора освящ.
17	Ч	Андроника ап. и Юлий
18	П	Θеодота мч.
19	С	Патрикия
20	Н	5 по Пасхі. Сліпорожд.
21	П	† Костантина и Елены
22	В	Василиска мч.
23	С	Михаила прп.
24	Ч	Вознесение Господне
25	П	Третье Об.р Гл. І. Кр.
26	С	Карпа ап.
27	Н	6 по Пасхі. Св. Отцев
28	П	Никиты еп.
29	В	Θеодосия прмч.
30	С	Исаакія прп.
31	Ч	Ермия и Ермея

14	Боафатия
15	Софии и 3 дочерей
16	Пон. св. Д. Бл. Анд.
17	Пасхалиса
18	Сух. Венанция м.
19	4 по Пасхі. Петра
20	Сух. Бернардина
21	Тимофея
22	Юлии дивы
23	Дезидерия еп.
24	ПДМ. Слов. вір.
25	Григория VII пап.
26	5 по Пасхі. Филип.
27	Беды В.
28	Августина еп.
29	Юлия д.
30	Вознесение Господ.
31	Петронели
1	Бл. Якова Стр. еп.
2	6 по Пасхі Маркел.
3	Пр. Сер. Ис. Кльот.
4	Квирины
5	Бонифатия
6	Норберта еп.
7	Роберта
8	Медарда еп.
9	Сош. св. Духа
10	Маргареты кор.
11	Варнавы ап.
12	Онуфрия
13	Антония

Юнь

1935

June

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 П	Юстина мч.
2 С	Никифора св.
3 Н	Сош. Св. Духа
4 П	Св. Троицы Митроф.
5 В	Доротея сщмч.
6 С	Иллариона прп.
7 Ч	Феодосия влмч.
8 П	Феодота Страд.
9 С	Кирила св.
10 Н	Всѣх Святых Тимое.
11 П	†Варѳоломея и Варнавы
12 В	Онуфрия
13 С	Акилины мчц.
14 Ч	Елисея пророка
15 П	Амоса пророка
16 С	Тихона еп.
17 Н	2 по С. Д. Мануила
18 П	Леонтия мч.
19 В	Юды Фад. ап., Зосима
20 С	Меѳодия смч.
21 Ч	Юлиана Тарс. мч.
22 П	Евсевия свмч.
23 С	Агрипины мчц.
24 Н	3 по С. Д. Рожд. I. Кр.
25 П	Февронии
26 В	Давида прп.
27 С	Самсона прп.
28 Ч	Пер. мощ. Кира и Иоан.
29 П	Петра и Павла ап.
30 С	Собор Апостолов

14	Василия
15	Боже Тіло
16	Св. Троицы
17	Райнера
18	Евфрема
19	Юлианны
20	Сильверия пап.
21	Альойзия
22	Павлина еп.
23	2 по С. Д. Агрип.
24	Рожд. Иоанна Кр.
26	Вильгельма
26	Павла и Иоанна
27	Владислава кор.
28	Иринея
29	Петра и Павла ап.
30	3 по С. Д. Павла
1	Пр. Крови I. Хр.
2	Посѣщ. ПДМ.
3	Анатолія
4	Феодора еп.
5	Антонія
6	Луки мч.
7	4 по С. Д. Кир. и М.
8	Елизаветы пр.
9	Вероники
10	7 Братьев мч.
11	Пия I. папы
12	Иоанна Гл.
13	Анаклита

Юль

1935

July

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 Н 4 по С. Д. Космы и Дим.

2 П † Пол. Рыз. Пр. Бог.

3 В Якинта мч.

4 С Андрея

5 Ч † Кирила и Меѳодия ап.

6 П † Аѳанасия Антон.

7 С Ѳомы и Акакия прп.

8 Н 5 по С. Д. Прокопия мч.

9 П Панкария свмч.

10 В Антония печерского

11 С Евфрема мч., Ольгы

12 Ч Прокла и Илария мч.

13 П Собор Арх. Гавриила

14 С Акилы ал., Кирика мч.

15 Н 6 по С. Д. † Волод. В. кн.

16 П Аѳинатена свмч.

17 В Марины вмчц.

18 С Якинта и Эмилиана мч.

19 Ч Макрины и Дия прп.

20 П † Илии пророка

21 С Симеона и Иоанна прп.

22 Н 7 по С. Д. Марии Магд.

23 П Трофима

24 В † Бориса и Гліба

25 С Успение св. Анны

26 Ч Ермолая свмч.

27 П † Пантелеймона вмч.

28 С Прохора и др. ап.

29 Н 8 по С. Д. Калиника мч.

30 П Силы и др. ап.

31 В Евдокима праведника

14 5 по С. Д. Бонавен.

15 Генрика

16 М. Б. Шкаплер.

17 Алексія

18 Симеона из Л.

19 Винк. из П.

20 Чеслава

21 6 по С. Д. Пракседі

22 Марии Магдалины

23 Аполинария еп.

24 Кунегунды

25 Якова ап.

26 Анны

27 Рудольфа Акв.

28 7 по С. Д. Викторѧ

29 Марѳы д.

30 Руфина м.

31 Игнатия

1 Петра в оков.

2 МБ. Англ.

3 Обр. св. Стефана

4 8 по С. Д. Дом.

5 МБ. Сніжной

6 † Преображение Г.

7 Каѳѳанія

8 Кирияка м.

9 Романа

10 Лаврентія м.

11 9 по С. Д. Сусанны

12 Кляры д.

13 Гиполита

АВГУСТ 1935 August

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С	Рр. Ч. Х.
2 Ч	Перен. мощ. св Ст.
3 П	Исаака и др. прп.
4 С	7 Мол. в Ефесі мч.
5 Н	9 по С. Д. Евсиния мч.
6 П	† Преображение Г. --
7 В	Доментия и Пасива мч.
8 С	Емилиана еп.
9 Ч	† Матѳея апостола
10 П	Лаврентия мч.
11 С	Евпла мч.
12 Н	10 по С. Д. Фотия
13 П	Максима исп.
14 В	Михея пророка
15 С	Успение Пр. Бог.
16 Ч	Пер. нерук. Обр. Господ
17 П	Мирона мч.
18 С	Фльора и Лавра мч.
19 Н	11 по С. Д. Андрея
20 П	Самуила пророка
21 В	Ѳадея апостола
22 С	Агаѳоника
23 Ч	Лула мч.
24 П	Евтихия свмч.
25 С	Варѳоломея и Тита
26 Н	12 по С. Д. Андриана
27 П	Пимона прп.
28 В	Мойсея пророка
29 С	† Усікновеніе Г. I Кр.
30 Ч	Александра пат. Кон.
31 П	Пол. Пояса Пр. Бог.

14	Евсевия
15	Успение Пр. Бог.
16	Іоакима
17	Яцка в.
18	13 по С. Д. Елены
19	Людвика
20	Вернарда
21	Іоанны
22	Тимоѳея и тов. м.
23	Филиппа Б.
24	Варѳоломея ап.
25	14 по С. Д. Люд.
26	МБ. Честохов.
27	Юзефа
28	Августина
29	Усік. Гл. I Кр.
30	Розалий Лим.
31	Раймунда
1	15 по С. Д. Брон.
2	Стефана кор.
3	Зинона мч.
4	Розалии дівы
5	Лаврентия Юст.
6	Захарии пр.
7	Бл. Мольхиора
8	16 по Д. С. Р. МДМ.
9	Петра Кл.
10	Николая
11	Прота
12	Найсв. Им. МБ.
13	Филиппа м.

Сентябрь 1935 September

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА.

1	С	† Новый Год Церковный
2	Н	13 по С. Д. Маманта мч.
3	П	Анѳима свмч., Ѳеофила
4	В	Вавилы смч.
5	С	Захарии и Елизаветы
6	Ч	Чудо Арх. Михаила
7	П	Созонта мч.
8	С	Рождество Пр Бог.
9	Н	14 по С. Д. Иоак. и Анны
10	П	Минодоры и Митр. мч.
11	В	Ѳеодоры прп.
12	С	Автонома
13	Ч	Обр. Кр., Корнилия
14	П	Воздвижение Ч. Креста
15	С	Никиты вмч.
16	Н	15 по С. Д. Софии
17	П	Софии, Віры и Надежды
18	П	Евменія прп.
19	В	Трофима и Саввы
20	С	Евст., его жены и дітей
21	П	Кондрата ап.
22	С	Фокии свмч.
23	Н	16 по С. Д. Зач. І. Кр.
24	П	Теклы прмчч.
25	В	Евфросинии прп.
26	С	† Св. ап. Іоанна Бог.
27	Ч	Каристрата мч.
28	П	†Харитона прп.
29	С	Кирияка прп.
30	Н	17 по С. Д. Григория

14	Воздв. Ч. Креста
15	14 по С. Д. ПДМ.
16	Корнилия
17	Знаки св. Франциш.
18	Іосифа
19	Іануария еп.
20	Евстахія м.
21	Матѳея ап.
22	15 по С. Д. Ѳомы
23	Теклы д.
24	ПДМ. Выкупу
25	Владислава Г.
26	Киприяна и Юстина
27	Космы и Даміяна
28	Вячеслава кор.
29	16 по С. Д. Мих.
30	Іеронима
1	Благ. Іоанна
2	Ангел. Ст.
3	Кандида и Горар.
4	МБ. Рожан.
5	Плакида м.
6	17 по С. Д. Брун.
7	Марка пап.
8	Бригиды д.
9	Людвика
10	Францишка
11	Емилиана
12	Максимилиана еп.
13	18 по по С. Д. Ед.

Ноябр 1935 November

Записки

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч	Космы и Дамияна
2 П	Акиндина мч.
3 С	Акепсима мч.
4 Н	22 по С. Д. Иоаникия В.
5 П	Галакта и Епистим. мч.
6 В	Павла св.
7 С	Иерона и др. мч.
8 Ч	Соб. св. Мих. Аристр.
9 П	Онисифора мч.
10 С	Ораса и др. ап.
11 Н	23 по С. Д. Мины, Викт.
12 П	Иоанна милостивого
13 В	† Иоанна Златоустого
14 С	† Филиппа апостола
15 Ч	Гурия и др. мч.
16 П	† Матѳея ап. и ев.
17 С	Григория еп. чудотв.
18 Н	24 по С. Д. Платона
19 П	Авдия пророка
20 В	Григория Д.
21 С	Введение в Храм ПБ.
22 Ч	Филимона ап., Келикии
23 П	Амфилоха и Григория
24 С	Екатерины вмч.
25 Н	25 по С. Д. Клементя
26 П	Алипия Створл. прп.
27 В	Якова свмч.
28 С	Стефана прпмч.
29 Ч	Пашамона и Филимона
30 П	† Андрея апостола

14	Иосафата еп.
15	Гертруды
16	МБ. Остробрам.
17	23 по С. Д. Сальом.
18	Романа м.
19	Елизаветы
20	Феликса
21	Введ. в Хр. ПБ.
22	Келикии д и м.
23	Климентя пап м.
24	по С. Д. Иоанна
25	Екатерины д. и м.
26	Леонарда
27	Валерияна
28	Здиславы
29	Сасурнина
30	Андрея ап.
1	Адв. Елигия еп.
2	Бибияны д.
3	Франца
4	Варвары
5	Саны еп.
6	Николая еп.
7	Амросия еп.
8	2 Адв. Неп. З. ПДМ.
9	Леокадии д.
10	МБ. Льорет.
11	Дамасия м.
12	Александра м.
13	Лукии д.

Декабр 1935 December

Записки

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 С	Наума пророка	14	Спиридиона еп.
2 Н	26 по С. Д. Аввакума	15	3 Адв. Валерияна
3 П	Софонии пророка	16	Евсевия еп.
4 В	Варвары и Иоанна	17	Лазаря еп.
5 С	† Саввы осв.	18	Очикув. МБ.
6 Ч	Николая св. чудот.	19	Немесия еп.
7 П	Амросия еп.	20	Θеофила м.
8 С	Патапия еп.	21	Θомы апостола
9 Н	27 по С. Д. Гануля	22	4 Адв. Зенона м.
10 П	Мины и Иермогена мч.	23	Виктории д.
11 В	Даниила Столпника	24	Адама и Евы
12 С	Спиридона	25	Рождество Хр.
13 Ч	† Евстратия и Авкс.	26	Стефана
14 П	Тирса мч.	27	Иоанна
15 С	Елевѳонтия свмч.	28	14 т. дїтей убиен.
16 Н	Пред Рожд. Аггея пр.	29	Нед. по Рожд.
17 П	Даниила пророка	30	Евгении еп.
18 В	Севастияна	31	Сильвестра
19 С	Бонифатия мч.	1	Новый Год 1936
20 Ч	Игнатия свмч.	2	Макария
21 П	Юлиана мч.	3	Геновефы
22 С	Анастасии вмчц.	4	Вмч. Емилияна
23 Н	Навеч. Рожд. 10 мч.	6	30 по С. Д. Телесф.
24 П	Евгении	6	Трех Царей
25 В	Рождество Христово	7	Лукияна м.
26 С	Собор Пр. Богородицы	8	Иоанны д.
27 Ч	Прмч. Стефана, Θеод.	9	Северина ав.
28 П	Просв. Б. Н. по М. Н.	10	Юлияны и Васил.
29 С	Прп. Макария мч.	11	Альойсия
30 Н	По Рожд. Мчц. Анисии	12	1 по Трох Цар.
31 П	Мелании прп.	13	Леонтия еп.

1935

Уж минул Рочок старый, як вшытко минат старе,
И бідный го проклинат, а богач благодарит . . .
Бо бідный народ терпіл — без хліба, без роботи,
А богач полный жытя и силы и охоты . . .
Зас иде Рочок Новый, Девятсот Тритцет Пятый
И кличе бідный народ — за себе постояти !
Бо треба нам всім знати, и каждому зособна,
Што без борьбы за право — все будеме голодны . . .
За право бідных людей — на жытя ту на світі,
Боротися мусиме — раз треба розуміти
Всім нам бідным робочым, всей нашої бідной класі,
Бо як з біды вымреме — уж буде по невчасі . . .
Мы всі лемкы частичка той бідной массы світа —
Нам разом треба стати за наше право жытя :
Як там на Лемковині, в наших Родных Карпатах,
Так ту, хоц на чужыні, з робочом класом стати,
Класом труда, будовы, што світ тот будувала :
Фронт еден против войны и против капитала
З робочом массом світа мы мусиме творити,
Коли ишы зме жывы и кед хочеме жыти

ВАНЬО ГУНЯНКА

Двадцет Літ (1914--1934)

Война.

20 ЛІТ тому назад почалася страшна світова война, котра шаліла понад 4 літа, и за тот час забрала огромны жертвы в людях и их маетку. Тота страшна світова война не дастя поровнати в истории з нияком другом войном, бо сама она забрала больше жертв, як всі войны за тысяч літ, разом взяты.

Припомнийме собі огромны чысла жертв той страшной світовой войны. И так:

1. Убитых солдат, записаных	10,000,000
2. Пропавших без вісти	3,000,000
3. Убитых цивильных	13,000,000
4. Раненых	20,000,000
5. Остало сирот	9,000,000
6. Бездомных біженцов	10,000,000
7. Умерло от тифа и инфл.	15,000,000

Потерпіло людей ----- 80,000,000

80 миллионов, то значит столько людей, як мают всего населения Франция и Италия, дві великы державы світа, разом взяты.

А тепер страты в маетку:

В самых грошак	\$200,000,000,000
Страта в маетку	37,000,000,000
Страта через застановленя продукции	44,000,000,000
Страты нейтральных держав	2,000,000,000
Страта через страту людей	67,000,000,000

Страты в маетку світа .. \$350,000,000,000

Страты маетковы народов, як видиме, огромны, 350 миллиардов долларов, то страта едной третой добра, богатства всего світа, то страта национального богатства одной наибольшей державы світа, Америки. Вшытко богатство Америки, землю, лісы, богатства в землі, земледіліе, промышленность, будовы и т. д., оцінювали в еден час меньше больше на таку сумму. Так, што,

коли бы самой Америкі пришло заплатити кошта и страты той світовой войны, то на каждого американца, от колыскы до найстаршого, припало бы заплатити около 3 тысяч долларов. На каждую душу на світі припало бы около 20 дол., штобы покрыти тоту страту.

Розуміеся, никто николи той страты не покрыл, ани покрыти не може. Человічество тяжко покутуе, терпіло и терпит страшны недостатки и тягары за минувшу войну и буде ищы долго терпіти, нести тот тягар и біду, за тото страшне преступление против себе.

И ніт такой державы, такого народа, што бы дашто заробил на той страшной войні. Каждая из воюющих держав понесла огромны страты, котрых никто не може выровнати. "Побідителі" ищы больше стратили от "побіжденных." Всі стратили, кромі кучкы людей, капиталистов, котры подвоили, потроили и подесятерили свои капиталы.

Што заставило народы воювати, убиватися и нищити свое добро? Нич инше, лем малокультурность, ліпше повісти, фальшива культурность, фальшива культура. Нам здавалося до войны, што мы культурны люде, што Европа выпередила другы части світа в культурі, цивилизации, што она світит цілому світу, што цілый світ должен брати примір от Европы. Мы совсім не думали, до войны и в час войны, о своей культурі. Мы, культурны люде, приміром, были переконаны, што война мусит быти. Вірующы в Бога вірили, што война от Бога, што Бог от часу до часу ссылат войну на народы за их гріхы. Як же тоты люде вірующы понижали того Бога, коли представляли собі его, яко зачинщика страшной войны и мордерства, бога знищыня! Якы же люде были легковірны, коли из одной стороны вірили, што бог найліпше существо, найліпший их отец, наймилосерднійший, са-

ма любов, а з другої країни той бог запричинят страшну війну, жене людей, без вибора, на страшне мордерство и сам помагат єдним мордувати других! И так учили нас, а мы той науці вірили.

Други, т. з. учени, невіруючы в бога, а природу, тоже нашли собі усправедливіня для войны. Они повідали, што война уж єст в натурі, што в той натурі вшытко веде войну: шуры с шурами, волкы з волками, малпы з малпами, а што человек тыж часть той природы, то он так само мусит вести войну: Раса з расом, народ з народом, человек с человеком. И як старый человек, як далеко сягают памятки жытя человека на землі, от человека пещерного, кудлатого, до культурного, выголеного, все войны были, а с того выходит, же все и будут...

Як тамты віруючы в бога не могут поняти такого культурного бога, котрыйбы не лем не наганял свои діти до взаимного мордерства, але заперечыл того взаимне мордерство — так и тоты другы, “учены,” не хотят припустити, штобы человек дошел до такой культуры, до такого розума, штобы так помудріл, штобы понял, што война несе му біду, несчестя и смерть!

Найперше, здаєся мі, што многы из нас, дороги чытателі, віруючы, откинули совсім такого бога, котрый запричинят войну и пхає людей до войны. Такого бога быти не може, штобы мог молитися до него цар Николай и кайзер Вильгельм, и тысячы царских и кайзеровских попов, о побіду русских або німцев, єдних над другыма, о вымордуваня якнайбольше єдних або других! Сегодня мы пришли на того, што таких богов могут ишы представляти африканским або даяким монгольским диким племенам, а не нам, культурным людям, Не хочєся сегодня вірити тому, штобы цар або кайзер почитали сами такого бога, котрый гнал народы на страшне мордерство. А коли наравду в такого бога вірили, то были ишы барз темны люде, замало культурны, штобы предводити двом найбільшым европейским народам. Правдоподобнійше, што они того свого бога мали лем для страху для своих подданных и для своей военной пропаганды. Мы знаме, што кайзер Вильгельм именовал свого бога “німецким

богом” для ліпшой пропаганды ненависти німцев до других.

Што до другой теории невіруючых учених, што война, як даяка хороба, находится уж в крови, в натурі человека, так тота теория, віра, тоже нигде не суца, бо людска натура мінятся разом з ростом культурности, людскости, людского чувства. Культура не стоит на одном місті. Велика розлука в культурности африканского людодіа, а пересічного европейця! Уж тот европеец не буде істи мясо человека. Правда, гдєси в Германіи нашлося недавно пару смакошов людского мяса, яко забыток старой природы, но то дуже рідко трафляться. Правда и того, што нашы білогвардейскы, фашистскы редакторы ишы часом вернут в темны вікы, пишут и смакуют дитячы котлеты, но то рідкы люде. Словом, з вынятком тых пару наших запомоговых редакторов, мы, карпатороссы, давным давно освободилися от такой мерзкой привычки, хоробы, як людодіство, разом зо всім культурнійшым уж світом.

А раз мы уж отдавна не іме людского мяса, то тепер черга освободитися нам от убийства человека. И само собом розумієся, што, з ростом нашей культуры, освободимєся и от того, а тым самым освободимєся от войны. Не загорами тот час, што так само, як тепер мерзко подумати нам з вами о людодістві, так само нашы будущы поколіня будут мерзитися войном и всяким убийством.

Лем за самых тых мынувших 20 літ, от 1914 до 1934, за час войны, Русской Революции и за повоеанный и пореволюційный час, на наших очах, за нашего жытя, в людской натурі, в людской душі, в душі народных масс світа, зашла огромна переміна, культурна переміна, люде отдалилися от войны, от убийства; мимо того, што убийство существует, и война грозит, но того убийство и война стают што раз больше мерзкыма, а тоты, котры хотят того убийства и войны, падають штотаз ниже в очах народных масс.

Тоты 20 минувших літ зробили великий переворот в душі народных масс світа. Не треба думати, што до войны не было великих, любящих бідный народ, учителей. Почавшы от Христа, таких учителей

было много, но управление народами, державами, світом, оставало в руках фальшивых, хитрых, лакомых на богатство людей, тоты люде мали власть и силу в руках, и людей, котры хотіли открыти народу очы, преслідували и убивали. Установляли собі права и законы такы, якы им выгодны были. Но все таки при помочы лем самых законов и самой милитарной силы не могли бы утримати массы бідного народа в послушенстві и покорности.

И ту зограло велику ролю духовенство. Давно праві каждая держава мала иншого бога, ліпше повісти богов, бо давнійше кохалися люде в множестві богов. Коли приміром дві державы вели войну, то и богы тых держав билися зо собом. Пануюча клясса увиділа, што при помочы богов дуже легко управляти бідным темным народом и тримати го в покорі и послушенстві. И потому всякым поганским жрецам тых богов, духовенству, правительства, пануючы, давали шыроковы привилеи. Так в каждой державі утворилася сильна духовна клясса, котра смотріла за тым, штобы тота бідна масса народа повинувалася богатой, пануючой кляссі. Тота работа духовенства была надзвычай легка, бо из богов утворило страшну силу. Богы насылали бурю, метали громы, ссылали всякы хоробы, войны, чумы, холеры, за непослушенство пануючым. Жрецы так тых пануючых возвеличыли, што уж самых их поробили богами и казали массі вірити в божество пануючых. Римскы императоры почиталися як богы, народ вірил, што они богы.

Именно в тот час выступил Христос, в час найтяжшого рабства, темноты, угнетения бідных масс и цілых народов. Но як видиме, што римска пануюча клясса, римскы императоры были дуже хитры люде. Они знали, што они не в силі управляти другими народами без помочы их духовенства. Мы видиме, што римляне оставили привилегии еврейским книжникам, фарисеям и первосвященникам. Мы видиме, што тоты еврейскы первосвященники, фарисеи, книжники, поставилися против члена своего народа, против Христа. А чом? Не еврейкой религии они пред Христом боронили, але своих классовых привилегий, бо Христос учыл, што всі люде пред богом равны. То-

го они признати не хотіли, и соединилися з римлянами, з угнетателями своего еврейского народа, против бідных еврейских масс и Христа, яко предводителя и учителя тых народных масс. А тоты самы первосвященники, книжники и фарисеи, або шляхетска и духовна клясса еврейского народа, кричала пред своим народом, што они найбільшы патриоты, бо они стоят за законы Мойсея и пророков, а Христос валит тоты законы. Сама масса народа была темна и глупа, пошла за своим врагами, а не за Христом, помогла своим врагам убити своего учителя и своего найліпшого приятеля Христа.

Такым самым патриотизмом, як в тоты часы книжники и фарисеи, затемняют тепер наш народ нашы книжники и фарисеи, наше духовенство и нашы фальшивы патриоты. Так само мы их находиме в союзі з врагами народа, находиме их в союзі з богатом кляссом, с фашизмом, з Гитлером, со всіма клеветниками на тоты партии, котры хотят добра бідной массі народа, и на лідеров тых партий, а найбільше выступают, агитуют и клеветуют на Сов. Союз, яко робочу державу, державу именно той бідной кляссы. Они прут до войны против той державы. Они кинули бы сейчес миллионы того бідного народа на заріз, єдних на других, найбы мордувалися, найбы вымордували сами своих честных лідеров, штобы лем заховати, спасти свои классовы привилегии. Мы видиме, што наше духовенство так само, як стары фарисеи, спасат привилегии угнетателей, богачов и их самых. Для своей пропаганды употребляют того самого старого патриотизма, религиозных законов, котрых употребляли стары книжники и фарисеи, против Христа и его науки.

Но нашы патриоты, хранители тых старых законов, забыли, што мы не жыеме уж в часах римских императоров-богов, а жыеме в XX віку, коли каждому робочому и селянину доступна просвіта, книжка, газета, котра учит его думати и розсуждати о добрі и злі. Што в світі стоит одна найбільша и найсильнійша держава, котра закасувала всякы классовы привилегии, держава робочых и селянских народных масс. И тота держава росне в силу, втоды як другы, классовы державы, тратят свои силы в классовой борбі, в депрессии и кризисі. Одна их надія,

война. Надіються, што война цофне народны массы взад, як каждая война, што война застановит прогресс тых народных масс, застановит ей борбу за правдиву свободу и справедливость.

И, здаеся, што мимо того, што народны массы, в послідню страшну войну переконалися, што война не приносить им нич инше, лем смерть, знищыня, біду, хоробу, они бы забыли о том, если не старшы, то молоде поколіня, под впливом патриотичной пропаганды богатой кляссы и духовенства, як приміром забыли уж о страшной войні німці под впливом гитлеровской пропаганды, але в тых остатных 20 літах сталося штоси таке, таке велике историчне событя, котре стало непобідимым муром против войны. Тым огромным историчным событьем

Велика Русска Революция.

Америка, Англия, Франция и Италия записали в свою историю велику побіду над Германиом и Австриом. Меншы державы, як Польша, Чехословакия, Югославия, Румынія, записали воскресеніе своих национальных, "самостийных" держав, або присоединеніе великих территорий, единоплеменных, або иноплеменных народов. И славятся по старому такыма великыма историчныма актами, яко актами великого патриотизма, фактом побідоносной войны, завоюваньом новых территорий и поневоленьом новых народов. Славятся старом славом Александров, Цезаров, Наполеонов.

Нам, пересічным карпатороссам, послі той світовой войны, здавалося, што ниякий народ не вышол так обезславленный из той світовой войны, як наш русский народ. Бо даже побіждены німці мали свого Гинденбурга, котрый мал силу згнести німецку революцию. Мы, русскы, кромі "проклятых" большевиков и их вождя Ленина, никого не мали, штобы спасал Россию и русский народ.

Но якже тоты историчны факты и их слава, в так коротком часі, перемінилися! Гордость, слава милитарных побідителей зышла нанич! А слава русского народа взросла до небывалой высоты в истории світа, в истории народов. Именно, через тоту революцию!

"Славны" побідители, побідили Германию,

забрали ей колоніи и німецку территорию, але не лем же не побідили войну, а Версальским "миром" засадили глубший корень дальшых, страшнійшых воен. Выграна война, вмісто ововоч побіды, принесла им страшный кризис, депрессию, котра выкинула на улицу десятки миллионов безработных. Управители побідоносных держав хватаются за диктаторскы права, штобы при помочы силы згнести недовольство народных масс. Слава милитарных побід погасла совсім. Их мыслители, великы писатели, плачут, што не видят ниякого выхода из той біды, што замерат европейска, высока цивилизация. Ниякого выхода ніт. А ту война висит в воздухе: Из одной стороны видят ясно, што така война несе цілковите знищыня, загладу, а из другой стороны не видят ниякого ратунку против той войны, бо они выучили свои народы, што война мусит быти.

Русский народ побідил найстрашнійшого врага человечества, войну. Побідил войну через революцию. То така велика побіда. Якой ищы не знае история. Мы, русскы, маме на што быти горды сегодня.

Нам по войні здавалося, што русский народ найбільше пониженный и упокореный в минувшой войні, што он первый уступил из фронта. Но сегодня нам ясно, што русский народ первый понял велику правду, што его врагы не тоты німецкы робочы и селяне в окопах, а его найбільшы врагы сидят в Петрограді, Москві, его врагы тоты кляссы, котры захватили добра його державы, а его женут на смерть, с иконами на німецкы пушкы. Што його врагы царска династия, поміщыкы, капиталисты, духовенство, и што ниякой побіды на фронті он не найде, покаль не отнесе побіду над своим врагамы внутри, и вообще побіду над войном.

И русский народ, через розгром своих внутренних врагов, побіждае войну будовом новой державы и новой культуры, котра кріпне каждый рок и росне в большу силу от войны. Здаеся, што сегодня Сов. Союз уж мае большу силу, як война. Недавно Ллойд Джордж, один из штырох вершытелей судеб человечества в Версалі, заявил, што "еслибы не Сов. Союз, война уж бы была." Што то значыт? То значыт, што Русска Революция побідила войну. Сов.

Союз, найсильніша сегодня в світі держава не лем не хоче войны, но стоит на дорозі той войны. Тоты, што хотят войны, мусят спішыти, бо если войну отвлечут на яких 10 літ, они не будут мати уж силы ани почати той войны. Сегодня они ищы мают силу почати, но кончыти будут уж не они. а народы світа, и то покончат з ньом, с тым найбільшым несчасьем людства, раз на все. Предводителем світовых народных масс. их учителем нового жытя, буде Сов. Союз.

Такий переворот в світі зробила Велика Русска Революция в 1917 року. Овоч той революции доступный не лем русскому народу и другим народам Сов. Союза, но всему людству. Через русский народ и його революцию и социялистичну будову, людство побідит найстрашнійшых своих врагов: Войну и безроботя. Русский народ, своим новым, социялистичном системом своей державы уж побідил войну и безроботя.

Капитализм, социялизм, фашизм.

Люде жыют на землі богатствами, добрами той землі. Повідают, што на місячку люде жыти не можут, бо там лем една выпалена пустыня, зато жытя быти там не може. На землі того жытя ест, бо земля має средства для жытя, великы добра, богатства, на землі и в землі. Люде перерабляют тоты богатства земскы своим трудом, при помочы земледілія и индустрии в продукты, готовы для жытя. Коли ищы люде не знали земледілія и индустрии, жыли дико и жывилися лем дичыном, ци то мясом дикого звіра, ци дикым овочом. Было то жытя тяжке и получене на каждом кроку зо смертьом от сильнішого дикого звіра, от дикой природы. И здаеся, человек пропал бы в той дикой природі, коли бы му тота природа не дала ліпший розум от других своих творов. Тот розум помог человеку стати хозяином над другыма творами природы и ей богатствами землі. Но не у всіх людей тот розум еднако розвивался, лем у едных скорше, а у других повольніше. Едны были больше способны, другы меньше способны. Тоты больше способны ужывали своего ліпшого розума для себе, штобы собі ліпше и выгудніше жытя устроити от других. И устроювалися ліпше тоты мудрійшы, хи-

трійшы, сильнішы, коштом слабшых розумом, хитростью и силом. Устроювалися выгудніше так, што просто захватили земскы добра, яко свою власность, установили такы права, такы законы, такую религию, котры, по просту признавали такой порядок, такую "справедливость" за святу, ненарушыму. Для охраны и обороны такой справедливости зорганизували правительство и милитарну силу для его обороны.

Такий порядок в світі уважался найсправедливым и найсвятійшым, так пануючом кляссом, як и поневоленом. Коли нашолся даякий мудрый, а справедливый человек, котрый повіл, што такой порядок на світі, штобы мала часть людей контролювала всі земскы богатства, несправедливый и што всі люде должны мати еднаке право ужывати тых богатств, такого попросту убивали, яко найбільшого збродняра, безбожника, революционера, зрадника державы и народа. И народ так был выученый правительством и духовенством, што свято вірил в такой порядок и такую справедливость и, што инакша справедливость на світі не може быти, бо тота от бога.

Таку справедливость перебрал в наслідстві и капитал от феодализма. (феодализм, стара европейска система, оперта на шляхті, котру цари, королі наділили великыма обшарами землі и лісов. На той землі и в лісах сам пан, ани його родина не робила, а робили невольники-селяне. Шляхтич распоряджал так землями, ей плодами, як и селянами и их трудом. Шляхта была занята войном, службом королю и охраном той панской, феодальной системы).

Капитал пришол з машыном. Давно, покаль человек не выдумал машыну, перераблял богатства землі на потребны річы рукама, потом простыма, ручныма машынами. Но мысль человека не переставала робити, и человек придумовал штораз хитрійшы машыны, а скоро запряг в тоты машыны уголь, потом придумал мотор, запряг нафту, недавно електрику. Як в тых часах земледілія присвоили собі огромны землі-богатства шляхтичы, сильнішы мудрійшы, а массу народа зробили рабами невольниками, так само с появлением машыны нашлись сейчас хитрійшы люде, котры присвоили собі тоты машыны, фабрики и земны

богатства для тех фабрик, в котрых перерабляли тоты богатства на потребны чело-віку продукты. Массу народа, своими законами, выділили совсім из тех земных богатств. Масса бідного народа стала совсім от них зависима, бо в их руках нашлись богатства землі, т. е. средства для жытя людей на землі. Пришло до такого порядка на світі, што тоты, котры захватили тоты земны богатства в свои руки и средства переработки тех богатств на річы потребны людям для жытя, поставили собі свои правительства в державах, установили выгоды для себе законы в державах, "заинтабулювали" на себе тоты земны богатства, и таким способом, така богата группа людей в державі диктуе всім гражданам, цілою массі народа, бо тота масса совсім зависима от тех пару богатых людей, котры контролируют всі річы, потребны для жытя. И они лем втоды уділят тех річей, коли им отдаме свою роботу. И нич бы мы и против такого порядку не мали, найбы они тримали на себе заинтабулюваны тоты богатства, але жебы уділили людям, сколько им потребно для жытя, хоц и за их роботу, але коли они лем втоды нашу роботу, нашу силу потребуют, коли на нашой роботі можут заробити. Коли же не можут на нашой роботі заробити, работы нашой не потребуют, а плоды земскы скорше загниют, як уділят бідному народу, бо повідают, што то их власность и они можут с тыма плодами земныма и плодами людского труда робити, што лем хотят. Таке право, закон, устройство, система світовой господаркы.

И тота система господаркы в индустриальных, промышленных державах трималася долго; а могла триматися зато, бо капиталисты, што не продали из выпродукованных товаров в своей державі, то продавали в другой меньше промышленной, на світовом маркеті. В той світовой торговлі капиталистов крылася и война. Минувшу світову войну запричынила конкуренция двох великих капиталистичных союзов, кооперативов. Из одной стороны англо-французский союз капиталистов, связанный уж с американским, из другой стороны капитал германский, котрый пред войном выкидал штораз то больше на світовы мар-

кеты своих товаров и почал выперати товары англо-американско-французскы. О тоты світовы рынки им росходилося, а не о даяку свободу, демократию, освобождение поневоленных народов, и т. д., як проповідували народам, штобы их заставить мордуватися.

Никотра страна той войны не выграла, бо тота война была так страшна, завзята, затажна, што так обідніла світ, што народы стали жебраками и купувати товаров не были в силі, не лем заграничных, але своих, дома выробленных. И в том крыеся кризис капитализма, на котрый сегодня смотриме и от котрого страдаме.

При помочы машины, капитал може напродукувати товаров велику массу, но кто тоты товары може от него купити? Давнійше меньше продукувал и продавал за границу, сегодня може продукувати больше, а за границу продати не може. В своей державі капиталисты можут продати лем на тоты грошы, котры выплатят рабочим, бо всі грошы они мают. Значыт, рабочий може купити товару найбільше лем за тоты грошы, што их достане за роботу от капиталиста, бо не може грошы подрабляти. Тот, што не робит, гроша не мае, купити не може. Значыт, же тоты рабочы, котры у капиталистов, хоцбы и нич не одложили, лем каждого centa, якого заробят у капиталиста, отдавали назад за товар, то тот капиталист може найвеще достати назад тоты грошы, котры дал рабочому за роботу! А гдеж профит?

Ту уж не лем о профиті не мож говорити, але не може капиталисту вернуться за машины, фабрику и т. д. Перше капиталисты продавали за границу и то было заробок. профит, сегодня барз мало за границу можут продати.

Думают, што ратуются, як выкидают рабочих с фабрик, а на тех, што оставят в работі, наложат веще работы и дадут им меншу платню, што их товары будут меньше стояти. Ба та чым меньше выдадут гроша, тым штораз меньше продают товаров, бо як народ може купити, як не робит и не дадут му гроша? Як може больше купити и тот, котрый робит, як му плату уріжут? Скади народ возьме?

И при такой системі, с каждым днем,

бідніють народны массы, бідніе край, бідніють, банкрутують, грызутся сами капиталисты. И не може поправитися жытя народа при такой системі, нияк не може поправитися так долго, покаль народу не дадут возможность ужывати богатств, плодов земных, продукции фабрик, покаль не заведут такую систему, котра бы тоты богатства справедливо ділила, такую систему, такой закон, по котрому тоты богатства земны належали бы не единицам, а всему народу. Такой порядок, такой закон, што земны богатства, плоды землі, средства продукции, переробу тых богатств, фабрики, належат до всего народа, народ властителем того швыткого — такой порядок зовеся

Социализм.

Уж больше як от сто літ, коли ищы промышленность была слабо розвита, жыли учены люде, котры предсказували кризис, конец капитализма, и што на місце капиталистичного устройства приде устройство, порядок социалистичный, справедливый порядок для народных масс. В своих книжках они доказали, што такой порядок музит прити, а штобы он скорше пришол, бідный народ, массы рабочих, должны організуватися и боротися за тот справедливый порядок. Ищы раз собі повториме: За такой порядок, штобы всі земны богатства, значыт земля, минералы в землі, лісы, фабрики, належали до всіх людей в державі, яко одной компании, одного кооператива, корпорации, а тотя корпорация, кооператив, называла бы ся социалистична держава. Каждый член, гражданин той державы, от маленькой дитины до старика, мал бы свой ровный з другыма гражданами шер того общего богатства, и при його роботі, до какой он способный, был бы забезпеченый средствами жытя до смерти. На сколько тотя держава богата в земледілие и промышленность, настолько богаты граждане плодами земледілия и промышленности. В богатых державах богаты и граждане, при невеликой роботі, забезпечены всі всіма выгодами жытя. В бідной державі должны робити тяжше и обходитися будь-чим, до часу, покаль не зробят своим трудом свою державу богатом. А зрештом, раз земны добра будут в руках народов, то меж ни-

ма конкуренции не буде, так што всі народы світа свяжутся даколи в союз и богаты народы будут ділитися своима богатствами з бідныма народами. То лем для капиталистов интерес нищыти добро, богатство, товар, штобы не стратил в ціні. Для народов такого интереса не буде, ліпше оддати тым народам, што того богатства не мают.

До войны тотя социалистична идея была дуже слаба, а социалистична, робоча партия, хоц была и чысленна, приміром в Германіи, но дуже слаба идейно. Социализм, то была слаба віра в ліпшу будущность бідного народа, але што тотя ліпша будущность мае прити якисым чудом, без борбы, без жертв. Лідеры социалистов с початком войны зрадили народны массы и сами, яко великы патриоты, пхнули бідну массу на войну. Наибольшыма патриотами показались німецкы социалисты, а тым самым рабами кайзера Вильгельма и німецкых капиталистов, в котрых интересі велася тотя война.

Лем русска социалистична партия розділилася на большинство и меншинство, и то то большинство, назване "большевиками," под лідерством Ленина, заявилося рішительно против войны, а за народну революцию, за социалистичну власть. И як видиме, хоц русска социалистична партия была малочысленна, ищы и розділилася, а она одна перетворила социалистичны теории, социалистичну віру — в діло, в факт, устройство, в социалистичный порядок, в социалистичну державу.

И нам не было ясне тотя велике діло тых людей в России больше як десят літ, покаль капиталистичный світ не охватила страшна экономична, господарска депресия, страшный кризис, безработя, из котрого капитализм не може найти ниякого выхода. Правительства капиталистичных держав трагят голову, якисы реформы придумують, но лем на помацкы, на сліпо, без пляну на дальше. Не хотят допустити той мысли, што капитализму пришол конец, што ту треба иншого порядку, пляну глядати. О социалистичном порядку не хотят подумати, бо то значыло бы кляссове зрвнания, зреченя привилегий и ліпшого жытя от другого, отданя того богатства, котре забрали народу.

Але чуємо о соціялістах і комуністах, яко двох партіях, котры хотят иншого порядку. Так соціялісты як комуністы — хотят того самого соціялістичного порядку. Обі тоты партіи соціялістичны. Обі стремлят до одной цілі, до соціялізма, значыт одобраня земских богатств от капиталистов и отданя на власность народа. Но соціялісты повідають, што такий порядок дастся завести без революції, особливо там, где панує демократія, где народ має право голоса, то народ сам выбере собі соціялістичне правительство, котре переведе соціялістичный порядок. Комуністы в тото не вірят, они повідають, што пануюча богата клясса, в котрой руках находится капитал, а через капитал вся державна машина, школа, пресса, войско, полиция, оружие, николи до того не допустит, штобы народ выбрал соціялістичне правительство. А хоцбы даколи и выбрал, то самы тоты соціялісты лідеры, министры, дадут себе прекупити богачам. Дают доказательства, што такы соціялістичны лідеры уж были министрами, хоцбы, приміром в Германіи, но ниякого соціялістичного порядку не заводили. Комуністы, напротив, голосят о собі, што они не вірят в свободны выборы, бо при выборах бідну массу избирателей все ошукають, в капиталистичных школах виховають в капиталистичном духу, набють той молодежи в голову, што при демократии каждый може быти богачом, што каждый має возможность и свободу. А тота возможность и свобода фальшива. По науці соціялістов-комуністов лем силом, через революцію, може бідный народ выдерти богатства з рук капиталистов, и лем через диктатуру пролетариату, бідного народа, може быти заведений соціялістичный порядок.

В том розходяться соціялісты с соціялістами-комуністами. Ціль их в теории тота сама, до цілі идут другыма дорогами. Першы (II-гий интернационал) повольном дорогом, дорогом политики, тымчасовой згоды с капиталистами, уступок — комуністы (III интер.) идут радикально, борбом, революціом. Но близость перемены того порядку в світі тепер уж не в силі той або другой партіи, а:

1. В незадалости дальшой капиталистичной

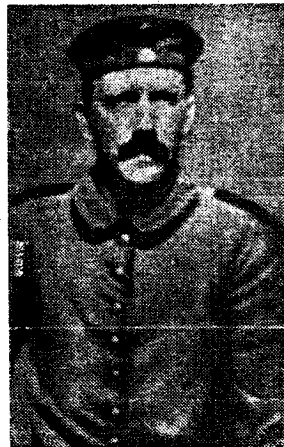
господаркы для жытя челоівчества. На наших очах капитализм гниє, розкладатся, люде уж при капитализмі не богатіють, а бідніють.

2. Рост силы и богатства одинокой в світі, але зато найбогатшой, соціялістичной державы, Сов. Союза. Рост Сов. Союза, его силы, богатства, ліпшого жытя для населения соц. державы, то страшный удар по старым порядкам. А што найбільше розходится о тото жытя, зато мы видиме, што часть капиталистичной и поповска пресса, ставит найбільше на пропаганду голода в Сов. Союзі.

3. Рост освідомлення народных масс. Народны массы освідомлят найліпше кризис капитализма, безроботя, живый, наочный примір незадалости капиталистичной господаркы.

Фашизм.

В остатных роках штотраз частійше слышмые слово "фашизм," "фашисты". Слово тото походит от староримского слова "фасцисты." То были стражники в старом Римі, пред Христом, котры носили топоры, примочованных до вязкы кыйов. Тота вязка грубых прутов, кыйов, мала означати, што тоты римскы паны, собраты, тримаються разом. Тота вязка кыйов служыла якбы за топориско той сокиры, здаєся, што середный кый был топориском той сокиры.

Капраль Гитлер 20 літ тому назад.

Такы вязкы зо сокирами, котры звалися по латині "фасцес," несли на раменах стражники тых старых римских панов, сатрапов, коли невольники выносили тых панов в "лектиках" (в крытых, мягких постелях) на улицу, на гостину от одного пана до другого, на шпациер, и т. д. Бо треба нам знати, што римский пан, котрый владіл тысячами рабов, невольников, и тысячами рабынь, из каждого поневоленого народа. Лем римляне

были панами, а в краях, котры завоювали, то панам того народа, священникам, хоц и другой віры, давали даякы привилегии, штобы им помогли тримати бідный народ в карбах, в неволі, в рабстві. И так и было.

Тоты “фаскы”, вязкы из кыйов, то был символ, знак, што тоты панове тримаются разом против бідного народа, то был знак панской силы, власти.

Муссолині 20 літ тому.

Скоро послі воіны италійский народ зробыл революцию, хотіл о-свободитися от гнету пануючой, шляхетской и богатой кляссы, но меж народом нашолся зрадник его иатерессов, котрый даколи стоял за бідный народ, выступал яко социялист, но коли виділ замішаня, близку побіду бідного народа, захотіл славы и власти и продался богатой кляссі и шляхті. А же был человек способный, добрый оратор, взял за собом часть народа, особливо горячой, малодумаючой молодежи, вооружыл тоту молодеж при помочы богатой кляссы, назвал свою тоту банду “фасцисты” и при помочы тых фасцистов здусил революцию бідного народа и захватил власть в Италиі. Тым человеком был Муссолині. Розумієся, што в старом Римі тых фасцистов, котры носили топоры и стерегли римских панов, паны мали за стражников их панского порядку, значыт их панской отчизны, по латині “патрия,” зато тоты фасцисты были хранителями “патрии,” або “патриотами”. От того походит и слово патриот, то значыт тот человек, котрый хранит, стоит за отчизну, за край, державу, против даякого врага. Розумієся, што каждый гражданин хоче стояти за отчизну, за тот край, в котром он рожденный, за край, за землю своего народа. Штож, коли на том людском чувстві патриотизма робят богаче и шляхта великы иатересы, робят тоту отчизну своим власностью, своим богатством, и

того патриотичного чувства народа уживають для охраны тых своих богатств и привилегий. Правительство в их руках, маеток державы в их руках, через то вшитко в их руках, школа, пресса, выхованя народа. И того правительство, через свои органы, выховуе народны массы в том фальшывом

Муссолині сегодня.

патриотизмі, в фальшывом национализмі, по просту сліпит бідный народ тым патриотизмом, показуе народу всякых врагов на около, штобы отвернути ему увагу от той кривды, яку йому робят богаче в його власной отчизні. Передовсім наполняют свой народ ненавистью до в six других сусідных народов. Их газеты, книжки, выховуют народ так, штобы он думал о собі, што он лем мае мати право на світі, а другий народ то варваре. Так приміром учыли римлян стары римскы панове, што лем они, римляне люде, а вшиткы иншы народы варваре, дикуны. А идеалом Муссолиного тоты стары римскы панове. Он учыт, што талияне потомкы тых старых храбрых римских панов, котры завоювали праві цілый втоды знанный світ, и талияне маютепер ити слідами и воювати цілый світ. Але же ищы их кус за мало для такой работы, то Муссолині приказуе италиянским няням и мамам родити якнайвеще дітей, штобы их было вещь як других.

Як видиме, отцом новомодного фашизма италиянский диктатор Муссолині. Он вынаходник того дикого национализма, для ратунок банкротуючого капитализма. Бо то и ест фашизм: Ратунок, остатный ратунок капитализма, як остатный ратунок для римских панов было божество римских императоров. Штобы засліпити темну массу, штобы она не виділа кривд, якы ей чынят римскы панове, то зробили для ней из римского императора “правдивого бога живо-

го," до котрого темный народ молился, хоц мер з голода.

Другым приміром фашизма, то гитлеризм, німецкий фашизм. Коли німецьки богаче, фабриканты, юнкеры поміщики, увиділи, што німецкий народ зачынат прозривати, што зачынат познавати своих врагов внутренних, што зачынат розуміти, што його біда не походит от заграниці, але такой от його богатой кляссы, по приміру италянскої богатой кляссы нашли в бідной массі способного крикача-оратора, Адольфа Гитлера, агитатора и пропагандиста и дали му средства, грошы, штобы он организувал такую партию фашистов для отвернення увагы бідного народа от правдивой причыны його біды, а звернул тоту увагу в другую

Гитлер сегодня.

сторону. И не завелися в Гитлері, тым больше, што в Германіи был дуже добрый грунт для такой дикой, ненавистой, национальной пропаганды, бо Германія вышла побіжденной из світовой войны. Тот німецкий фашизм показался далеко дикшиим от италянскогo, а то зато, што в Германіи были сильнійшы робочы организации и всі тоты организации робочы треба было фашистам згнести. Як Муссолині учит свой народ, што он потомок гордых римских панов и зато италиянам належытся цілый світ, так Гитлер учит німцев, што они найвысша, найдоскональша раса, народ, на світі и им належытся пануваня над світом. Запанувати над світом треба через войну и вынищыня вшыткых, кто лем стане німцям на дорозі до того запануваня. Найперше, розумієся, треба поневолити и вынищыти, славян, яко найблисших сусідов. А што найвекша славянска держава Россия, треба знищыти Россию. Як Муссолині, так и Гитлер учат свои народы єдного: Што мают запанувати над світом. Видиме с того, што они мали бы быти найбільшы друзья, бо оба хотят

того самого. Тымчасом они сходятся лем в одном: Во вражді против робочой державы, Сов. Союза. А коли росходится о маленьку Австрию, то Муссолині и Гитлер поставилися против себе, як найбільшы врагы.

Розумієся, што ни Муссолині, ни Гитлер, не вірят в тоту высшость своих народов, не вірят в завоюваніе своими народами світа, им треба такой науки лем для опянення бідной массы, для осліпленя высшостью над другыма, будущыма завоюваныи, штобы, як сказано выше, отвернути ей увагу от несправедливостей в самой державі, в самом италянском и німецком народі.

Головна засада фашизма вернути, цофнути народ взад, в темны вікы. Мы видиме,

Сталин 20 літ тому, в Сибірі.

што німецьки фашисты палят всяку прогрессивну литературу, нищат всяку науку, котра в спомиват дашто о братстві народов, о ровности людей и о ровности граждан в своей німецкой державі. Німецьким фашистам и християнска наука за прогрессивна, бо учит о ровности людей потому они откидуют совсім християнство, яко не німецьку науку, национальну науку, а жыдовску. Натоміст проповідуют поворот до старых, поганских німецьких божков и богинь. Повідают учителя фашизма німцям, што християнство учит любви ближнього, а даже любви врага, а стары богы германскы учат ненависти и храбрости, зато стары богы ліпшы. И мают правду, што для німецьких капиталистов и для их охранных фашистов стары богы, богы крови, убийства, ненависти, правильны богы. Бо они християнства и так николи не уважали. Тото християнство ужывали тоже лем для ошуканства и выкорыстаня народа. При християнстві мусят быти ищы больше фальшивы, при поганстві они больше открыты.

В Италиі и Германіи, як видиме, тот фашизм открытый и має диктаторску власть

в руках. В других капиталистичных державах меньше открытый, но робит такую саму роботу, значыт охраняет богату кляссу, а дусит бідну кляссу народа. До таких других горядных фашистских держав належыт Польша, Румынія, Югославія, Австрія (религийный, католицкий фашизм). Болгарія. То в Европі. В Азії Японія, часть Китая (правительство Чиянг Кайшека) и т. д.

И так званы демократичны державы, як Франция, Англія, Чехословакія, тоже фашизмом заражены, но уж в меншой мірі. И Америка пробуе ратувати капитализм фашизмом, бо и в Америкі находятся лидеры, котры проповідают старый патриотизм, стару систему, яко одинокий ратунок Америки.

Против всего того старого світа, старого патриотизма, старой системы, стоит сильна робоча держава, з новым конституциом, з новым, социялистичном системом, з новым патриотизмом, привязаным не до богатой кляссы, не для охороны интересов богатой кляссы и шляхты, а для охороны, для стражы интересов бідной кляссы, бо власть в той державі, через революцию, захватила бідна клясса народа. Том одиноком державом, то:

Советский Союз.

Уж 17-й рок Сов. Союз в войні с цілым капиталистичным світом. Спочатку тотая война была кровава, но по пару літах интервенции и гражданской войны, тотая война с капиталистичным світом перешла в войну економичну (господарску) и войну душевну. Значыт, в той войні розходится о тото: Кто ліпше потрафит газдувати, ци социялисты, ци капиталисты. Кто из двух завзятых противников переконат массы народа, што его система ліпша, убідит, переконат, словом и ділом.

Нич в той войні о веце не розходится. Кто из тых двух противников докаже народным массам світа, што його державна господарка ліпша для народных масс, што при його системі господаркы народ богатіе, штораза ліпше жые и ліпше обеспечене жытя человека в державі, тот выграт.

Из світовой войны памятаме, што военный штаб союзников доносил того а того дня, о своей побіді, а немецкий штаб доносил о том, яко о своей побіді. Кто был душевно за німцами, то вірил немецкому “бе-

рихту”, а кто был душевно за союзниками, то вірил донесению союзников. Человек, котрый не мірял тоты “берихты” душой, чувством, лем розумом, взял оба берихты, поровнал, и из тых обох “берихтов” вытянул правду. Правда звычайно была така, што никто не выграт так як доносит, але

еден з них все-таки набил другого ліпше.

Так и ту, из той войны, яка иде меж тыма двома системами, можеме вытянуть розумом правду такую, што капиталисты набиты ліпше. Бо коли статистика капиталистичных держав показуе постоянный упадок продук-

Сталин и Ворошилов
сегодня.

ции капиталистичной господаркы, то статистика Сов. Союза показуе постоянный рост продукции социялистичной господаркы. За первых 6 місяців 1934 року, продукция сов. промышленности выросла о 19.7 процент, коли продукция капит. держав не лем не выросла, але шалено упала. Што то значыт? То значыт, што в Сов. Союзі жытя поправляются, богатіе, а в капит. державах погоршатся, бідніе. В Сов. Союзі каждый робит, кто лем хоче, значыт, каждый причыняется своим роботом до державного богатства, в капиталистичных державах десятки миллионов люда не робит, значыт сила тых десятков миллионов пропадат марно. А хоц и голодуют тоты миллионы, то и так лем штоси мусят зісти, значыт ідыт з готового, на страту других, на страту газдовства державы, цілого общества. Коли в Америкі около 30 миллионов душ на рилифі, то хоц их и слабо кормят, што ледво в них душу тримают, хоцбы лем по 10 центов денно, то три миллионы денно, то зробит выше одного миллиарда, значыт тысяч миллионов рочно. Через сам рилиф Америка бідніе на миллиард долларов рочно, на миллиард дол. бідніют через тот рилиф тоты, што

платят податок, што ищы дашто маюг. А до того треба додати страту той роботы, котру бы тоты люде зробили для народа, для державы, коли бы робили. Капиталистична система господаркы выкинула их з роботы, а через то позбавила державу их силы, продукции, наложила на тых што робят и дашто маюг великий тягар хованя тых безработных. Могли бы зме назвати тых безработных людей трутнями, коли бы они по своей вині не робили, а довольно іли и ужывали світа. Но они не робят по вині системы, бо хотят робити, а отжывляються так, што ледво жыют. Они великы мученикы нездалой господарчой системы.

Но не лем тоты безработны мученикы, а и тоты робочы, котры робят. Тота система така уж абсурдна, што чым больше народа совсім не робит, то тым больше жене до роботы и кладе тяжший тягар на тых, што ищы робят. И тот робочий, што робит, нияк не обеспеченый, ци завтра буде робити, його работа все на волоску висит, а через то и його жытя висит на волоску. Тота непевность роботы, непевность жытя, мучыт каждого з нас в капиталистичной державі, на сміх, она мучыт и каждого капиталиста! И капиталист, богач, непевный при той спекулянтной господаркы, ци он за рок буде ищы богатый.

Тепер каждому из нас насунеса вопрос: Та чомже народ терпит тоту капиталистичну систему, уж тепер, при той людской цивилизации, при том прогрессі, совсім абсурдну и мучытельную?

Причина тому — людска капиталистична душа.

Повыше вспомнено, што кромі господарской войны, сов. правительство веде войну душевну, то значыт борбу с том капиталистичном душем людства. А тота капиталистична душа пересякнена капиталистичныма привычками, от котрых дуже трудно ей освободитися. Человік капиталистичной культуры, капиталистичной школы, не може нияк порозуміти, як можна рахуватися с тым, што и другы люде жыют на світі. Человіку капиталистична школа, культура, дала самолюбиву, егоистичну душу, котра спекулюе над тым, жебы лем ей добри было, жебы лем она жыла выгодно, ліпше от другой. Така душа, по ученому, зовеса

“индивидуализм”, дбаня о самого себе, без взгляду на другого. И хоц в одной родині дбат найперше каждый сам о себе, каждый еден другого старатся подысти, ліпше убраться, дуже часто приходит в одной родині до маетковых споров, судов, а даже убийств, однако ест и родинный “индивидуализм”, што една родина з другом беся о ліпшы кускы землі, о межу, о лісок. Ест и народный “индивидуализм”, што цілый народ выдерат другому народу, слабшому от себе, землю, богатство, нищыт тот слабший от себе народ. Тот народный индивидуализм называтся “национализм”, а острый, дикий национализм, як приміром німецкий, италийанский, польский, называтся “фашизм”.

Уж Христос боролся с том самолюбивом душем, с еврейским индивидуализмом и еврейским национализмом, з науком книжников и фарисеев, што лем еврейский народ избранный, а всі другы народы, то гои. Уж Христос воспитувал у своих учениках социялистичну душу, душу любви ближнього, душу общественну, социялистичну. Розуміеся, што не лем еврейскы старшыны, але и тогдашня римска власть, власть римских аристократов и кесаров была против той науки, против такой души. Сегодня лем имя нам остало послі Христовой науки, сама наука, коли вышла из пещер, из подземелья на світ, была здоптана, лем имя оставлене для затемнения бідного народа.

Но сегодня, при днешной цивилизации, при грамотности бідного народа, при телеграфі, радию, науку лекше роспространити среди бідного народа, лекше го вылічыти от старых привычок и от таких хороб души, котры му коротят жытя.

Коли было вспомнено о той душевной борбі, яку веде сов. правительство, то тота борба ведеса с том егоистичном, самолюбном, капиталистичном душем. Побіда социялистичной системы в Сов. Союзі зависіла больше от побіды сов. правительства в той душевной борбі, як от той великой будовы фабрик и заводов.

Если бы Сов. Союзу не удалося очыстити народну душу от той науки и привычек капитализма, ціла тота работа, социялистична будова вышла бы на нич. На тото и надіялися остаткы русской богатой кляссы и заграничны капиталисты, што капита-

листяну душу русского мужика преробити не можна, што каждый хоче мати свой кусок землі, свое смітя, што русский мужик николи соціялистом не буде. Аж в остатних двох роках, с побідом колхозов, побідила в Сов. Союзі соціялистична душа над душою капиталистичном, а тым самым русский мужик стал найкультурнійшым чело-віком світа. Бо треба знати, што соціялистична культура высша от капиталистичной. Тото мусит признати и каждый думающий, интеллигентный человек. Росходилося до тепер лем о тото, ци люде уж доросли до соціялистичного жытя. В том лем люде несогласны. Єдны утверджают, што люде ищы не доросли до такой культуры, штобы могли справедливо пользоваться богатствами світа, што ищы долго будут жыти по дикому, кто больше выдре другим, слабшым, того земного богатства, тот має право жыти ліпше, кто меньше шпекулянтный, меньше пажерный, мусит бідувати, значыт люде честны, pracowиты, мусят на світі бідувати, а шпекулянты неробы жыют собі выгодно, коштом того честного, pracowитого. Для ліпшой шпекуляції того бідного, честного леловіка треба дачым ліпше отуманити. Для того туманеня ужывають чувств того бідного человека, як религийного и национального, штобы им лекше было туманити.

Коли говорят о "демократичной" свободе, то тота "свобода" тоже не для бідного народа, а для шпекулянтов. Они маот тоту свободу, а не честный, бідный народ. Бо што то за свобода, коли вы не можете, як не має грошы, жыти на світі? Вы хочете заробити тоты грошы, честно заробити, а они повідят, же для вас работы нїт. Лем одна свобода вам остае, умерти з голоду. Правда, можете ищы выпросити, выжебрати, жебы затриматися при жыті. Але ци то не понижат достоинство человека, не понижат його честь? Та хоцбы и тота помоч, котру дают, не понижат она человека? Ци то культурно?

Выходит, што тота культура, в котрой мы жыеме в капиталистичных державах, культура нисша, а культура соціялистична, где каждого человека уважают за человека и признают каждому равне право до общого земного, природного и перепродукованного для ужытку богатства, кто лем причи-

нятся своим трудом до того богатства. Тота культура высша и справедлива. И тота культура родится в Сов. Союзі для цілого світа. Родится при великих жертвах народов Сов. Союза. Но тота нова высша, соціялистична культура стоит тых жертв.

Высшость рас...

Много кричат німецкы фашисты, гитлеровці, о высшости германской расы. Но уж сам тот факт, што німці тоту свою высшость розуміют так, што, яко высшы, сильнійшы, маот пановати и угнетати другы, слабшы расы, маот слабших выкорыстувати — тото уж доказуе их нисшу душевну культуру. Німці смотрят на славян, яко на меньше культурных людей. Но якраз русска революция, Сов. Союз и побіда соціялистичной системы над капиталистичном у славян, бо у русского народа, доказуе, што славяне найкультурнійше племя, русский народ найинтеллигентнійший народ и найхрабрійший народ. Бо ищы стары философы говорили, што тот найхрабрійший, котрый сам себе переможе. Русский народ перемог сам себе, свою некультурность, а стал сегодня найкультурнійшым народом світа, бо русский человек позбылся егоистичного национализма, и своей старой, пажерной натуры, присущой ищы другим народам. Русский народ, организованный в найсильнішу державу світа, выступил первый в обороні угнетеного человечества, в обороні бідных кривдженых масс світа. И мы бы мали причину быти горды, што мы "найвысша раса", а не гитлеровці, котры выганяют з души німцев вшытко тото, што припоминает о братстві людей, о любви меж людьми, а німецкий народ показуея податный той гитлеровской науке и дае вестися, з завязаныма очами взад, в темны, середньовічны часы.

Дватцет минувшых літ зробили великий переворот в жыті людском, соткам миллионов людей переменяли душу, из фальшивой, пажерной, кровожадной души — на душу признающу право своему ближньому на справедливое жытя.

И мы, лемкы, пред 20 літами думали иначе, тепер уж многи из нас думают совсім иначе. Думают иначе тоты, котры уж побідили в собі тоту пажерну, капиталис-

тичну душу, думають чесно честны робочы. И тоты честны люде, передовсім робочы массы, організуются для борбы за тоту нову, справедливу, соціалістичну культуру, котра веде до ліпшой соціальной справедливости, до братства народів, значыт правдивой національной свободы, а што найголовнійше, раз на все кончыт зо страшным несчастьем челоуічества, з войном.

И робочы світа мают уж едну сильну, організовану, робочу державу світа, Сов. Союз, котра стоить цілом своїм сілом за

тоту нову культуру. Зато каждый культурный челоуік, каждый честный рабочий долужен быти другом Сов. Союза и все быти готовый выступити в обороні Сов. Союза, перед нападом на него зо стороны імперіалістов, капіталістов, перед нападом старой культуры на нову, людску культуру. Рост и побіда Сов. Союза, то побіда той новой культуры. Побіда фашизма, то побіда людской темноты, національного гнета и середньовічного рабства.

Ваньо Гунянка.

ВПЕРЕД

Уж и мы, лемкы, вперед идеме
И вредителей уж познаеме!
Идеме вперед простом дорогом,
Стаеме в борбу з нашим ворогом!

Уж видят тоту наши ворогы,
Што уж стаеме на свои ногы!
Видят, же правду, світло, науку
Знищыти не мож на жадну штуку!

Тото доказал наш Звїзд Лемковский,
Тот славный праздник, праздник Юнкерский,
Где делегаты и делегаткы
Рішали справы честно и гладко...

И зас в неділю народа много —
Прибыло в Юнкерс з дальшой дороги:
Пришла Ансонія, Стамфорд, с Пасайка —
Бо Лемко-Союз то уж не байка!

Наш Лемко-Союз сила народа,
Робочой віры, бідного рода!
Голос Союза, то голос массы
Русских из Карпат робочой кляссы!

Лем вперед дальше, Сестры и Братя!
Треба си руки всім нам подати,
Престати сваркы едны з другыма —
Бо тепер наш час, наша гостина!

Юстина Жыдык

делегатка 3-го Звїзда Л. С.

ИСТИНА

Што то є з вами сестры Лемкыні?
Вшиткы, як една, ту на чужыні,
Чом не станете в ряды едноты
Додати една другой охоты?

Та уж и ганьба столько писати,
Же мы хочеме тыж дашто мати...
А не будеме до того часу
Покаль не сполним свою задачу...

Яка задача, то Вам напишу:
Выбудовати сой власну хыжу,
Але не з глины або желіза
Лем треба всім нам в члены Союза!

А што ся пише и бесідуе,
Сколько отділов женских истнуе,
На пальцах руки мож зрахувати,
Бо мы не знаме за свое дбати!

Выбийте собі тоту з головы,
Же хлібусь буде с самой половы!
Хліб може быти лем с чыстой муки,
Для жытя треба школы, науки!

А наш учитель, што звеся "Лемко,"
Вымагат от нас дуже маленко:
За два доляры на рок заплаты
Можеме вельо наук черпати —

Може нам в жытю дуже помочы,
Бо он народу отверат очы...

Най дакто повіст, ци не истина,
Што вам ту пише сестра Кристина?...

Кристина Пырч

чл. Л. С., ч. 4, Юнкерс.

Мысли о Лемко-Союзе

ОДИН из наших членов писал раз в газеті "Лемко," што Лемко-Союз, то путеводна звезда в густой темноті, в котрой блукат наш карпаторусский народ. И правду мае тот член, правильно, трафно назвал нашу организацию; Лемко-Союз то перва наша зорничка среди темной ночи. Лемко-Союз дае нам нову надію и віру, што мы выйдеме из той темноты на світ. Лемко-Союз, то перва наша, правдиво наша, народна школа жытя. И потому он для нас, всіх сознательных карпаторусов, так дорогой. Для многих из его членов Лемко-Союз так дорогой, што им уж здаеся, што без него не было бы ниякого жытя на світі.

Не знам ниякой другой организации, да же у других народов, штобы в таких тяжких условиях родилася и розвивалася, як наш Лемко-Союз. Дост вспомнути, што и наших пару уж сознательных людей, а да же идейных интеллигентных, не вірило, што из нашей организации выйде дашто, што она може утриматися без даякой помочи, што она може розвитися среди такой темноты и неволі нашего народа. Врагы світла, а приятели народной темноты, бо в темноті им добри жыеся, як вообще всякой нечистой твари, попросту сміялися над початками нашей работы. А як сегодня уж видиме, всі они помылилися, и тоты сознательны, идейны, пришли давно до нас, а врагов світла, паразитов, трутньов, Лемко-Союз, своим науком, освічат и показуе народу. Ба, они сами летят до того світла и пропадают от него, як цмы ночны. И мы видиме их в цілой их наготі, во всіх их гріхах головных. Мы тепер аж видиме, што не так чужы ворогы, як свои власны, тоты, што нас языком спасали, виноваты нашей нужді и темноті. Мы переконалися, што же бы освободитися от чужых врагов, угнетателей, найперше мусиме освободитися от своих, от тых, котры держат нас в тяжких ланцах темноты и мракобісія. От них може освободити нас лем правдива просвіта, правдива наука. А тоту правдиву науку, правдиву просвіту не можеме достати з ниякой

иншой страны, от никого иншого, лем от своей организации, лем от Лемко-Союза. Лем Лемко-Союз знае, як подходит до нас с том просвітом, жебы, послі долголіт-ной неволі и темноты, мы помаленки привычаилися до світла.

Пред нами статут Лемко-Союза. Возме з него пару параграфов, пречытайме и подумайме над нима, розберме. Поможеме собі вытолкувати тоты параграфы. Преконаймеся, што статут, устав, законы нашей организации, Лемко-Союза, боронят нас, што кто против того устава, против тых параграфов, он против организации и против нашего народа, што он наш враг, некультурный вызыскувач, приятель темноты, гріха, враг бідного народа.

Возме собі тот параграф о цілях и задачах Лемко-Союза:

Цілі организации.

"§ 6. Лемко-Союз ставит собі за ціль обединение всіх больше сознательных и прогресивных выхдоцев из Лемковины и их потомков в Соед. Штатах и Канаді: 1) для дружной работы над просвіщеніем, политичным воспитанием и загальным культурным поднятием трудовых лемковских масс в Соед. Штатах и Канаді, штобы таким способом освободити их от жестокого вызыску всякими паразитами и спекулянтами на народной темноті и не организованности, и сділати их сознательными борцами за лучшы условия жызни для трудящихся масс Нового Світа. 2) для несения материяльной и моральной помочи лемкам в Старом Краю, штобы они также могли пробудитися к сознательной народной жызни, объединити свои силы и боротися против национального и социального гнета, под яким ныні находится Лемковина, и штобы так могли статися вполне равноправными членами родины свободных славянских народов Европы.

§ 7. Каждый член Лемко-Союза должен уяснити собі, што вслідствие особенно неблагоприятных условий своего историч-

ного розвитку лемки остаються найбільше занедбанymi культурно и найбільше угнетеными среди всіх племен русского народа, и што дорога к их национальному и социальному равноправію веде через развитие свойой культурно-национальной жызни и свого народного языка и через освобождение широких народных масс от темноты, всяких забобов и других послідствій их тяжелого прошлого."

Ци може культурный, сознательный человек выступити против таких благородных, народных задач организации? Повтаряме ищы раз, што не може, а особливо член нашего народа, котрый знае тоту положыня нашего народа.

А однако, коли посмотриме коло себе, то увидиме, што тоту наша народна организация, котра выполнят честно тоты свои задачи, має тьму врагов. Смїло можемо повісти, што николи ищы не было у нас, карпатороссов, такой организации, котра бы мала столько врагов, як наш Лемко-Союз.

Што тому причина? Причина ясна: Лемко-Союз веде просвітительну роботу среди нашего народа розумно и честно, ясно высвітлят правду, ясно представляют тяжке положыня карпаторусского народа и причыны того тяжкого положыня.

А мы видиме, што мимо того, што положыня наше тяжке, находятся среди нас люде, што им барз добри поводится среди того народа. Што мимо того, што наш народ найбіднійший, а среди нас находятся и чужы люде, котры не могли найти легкого, даремного хліба у свого народа, а у нас го нашли, мимо того, што у нас того хліба так маленько, найменше от всіх других. Мы видиме, што наш народ все бідніе, а они богатіют среди нас. И то так ту в Америкі, при наших организациях, як и в старом краю на наших бідных селах.

Причина — наша темнота, несознательность.

Тоты люде, котры выкорыстуют наш народ, обідняють го, а себе обогащают его добром, не могут стерпіти того, што Лемко-Союз учит тот народ. Такой организации, котра учит народ, они николи не признают, они за организацию, але за таку, штобы тримала народ в темноті, ищы ліпше затем-

няла. На человека, котрый запротестует против их работы, шмарятя дораз всі, обезоружат го, усунут из такой их организации, если бы он хотіл указати на их подлу работу, на их ошуканство, затемняня, выкорыстуваня, одераня бідного народа.

Но коли з єдним человеком было им легко тоту зробити, з организацией им уж дуже трудно. Им николи ищы таке не притрафилось, штобы мали до работы с честном, культурном народном организацией. Они знали и знут, як боротися с честным человеком, як го треба заплювати, але при честной организации потратили головы.

До сего часу они чулися так беспечны, што совсім не старались тым, што даколи народ провидит, пробудитя. Они, каждый из них, старался лем тым, як єден вещь скорыстати от другого, як єден от другого ліпший уряд засісти при "запомоговой" организации, як єден от другого ліпшу парافیю достати, и дуже часто дусилися сами за ліпшу половинку народного добра. Доходило меж нима до завзятости, до ненависти, до биткы за тоту ліпшу половинку. Предсідатели с предсідателями, кассеры с кассерами, редакторы з редакторми, протоереи с протоереями, епископы с епископами. Гнес они, благодаря Лемко-Союзу, стают приятелями, годятя меж собом, ділятя, як найсправедливше могут чужым добром. Припоминам собі єдну конвенцію нашой запомоговой организации, як на той конвенции дусилися двох кассиров, як єден протоерей подперал свого кассира, як другий кассир смарувал того протоерея, як на него розносил каррикатуры, сегодня тоты кассеры и тот протерей найліпшы приятели, найтісніше связаны, штобы спасати свои половинкы. Знаме протоереев, што добри з ножами на себе не ишли, а сегодня соединены в одно тіло. Знаме епископов, што роками вели войну єдны против других, сегодня сут разом. Православны и греко-католицкы батюшкы, превелебны и другы "патриоты," от початку нашой эмиграции в Америку вели завзятую войну меж собом. Сегодня видиме, што они обнимаются.

Весь тот переворот среди них, тоту згоду у них, тоту єдинство, запричинил Лемко-Союз. Лемко-Союз боретя против темноты, бо темнота причина біды нашего народа.

Они соединяются для обороны темноты, бодем при темноті народа они могут остати на своих позициях. Они того порозуміли.

В Лемко-Союзи соединяются всі честны, сознательнышы единиці нашего карпаторусского народа. Их не великы тысячи, не массы. Массы народа, темны, несознательны, остаются ищы при них. Наша задача просвщати тоту темну ищы массу. Сама масса народа, хоч и темна, але честна, и они то дуже добри розуміют, што тот, котрый порозуміе правду, раз на все перестане быти их жертвом, што раз на все перестане вірити в грушкы на вербі, што за такы грушкы, за такы пусты обіцянкы, зламанога цента не даст.

што тота нечыстота, яку они закоренили в нашем народі, занечыстит нашу организацию, и она почне загнивати. Коли видят даякий боляк, барз радуются. Лем же честны члены Лемко-Союза дораз познают боляк и чыстят.

Три группы членов в Лемко-Союзи.

Як в цілом нашем народі ест три группы людей, так и в нашей организации, в Лемко-Союзи, находиме тоты три группы членов, а именно: — Перва группа: Идейны, честны и сознательны члены.

Друга группа: Честны члены, але ищы несознательны.

ДЕЛЕГАТЫ III-го СЪЗДА ЛЕМКО-СОЮЗА В ЮНКЕРС,Н. I.

Даколи тоты люде, што тепер передовы члены Л. Союза, были найліпшы их люде, бо то люде честны, принимают до сердця вшытко, што уважают за правду. Тых людеи они ужывали яко свого орудия для выкорыстаня массы. Сегодня тоты люде для них уж пропали, бо познали их и их роботу. Тото зробил уж Лемко-Союз.

Они стратили найліпшых людеи, Лемко-Союз зыскал найліпшых. В них сила Лемко-Союза. Сила Лемко-Союза в честных людах, в честной и чыстой работі.

Они и того знают и маот ищы надію,

Третья группа: Здеморализуваны, нечестны, пажерны члены, або шкодники.

Тоты идейны, честны и сознательны члены, перва группа, то фундамент нашей организации. На них стоит вся будова Лемко-Союза. Они не лем держат Лемко-Союз материально, вспоминают, платят з охотом членске, при всякой случайности жертвуют, але они и учат несознательных, и то не лем членов организации, але и других членов нашего народа, котры ищы в организации не стоят. Такы члены не нарикают николи на тяжку роботу яку робят, бо их тішыт

тота робота, для них она легка. Коли такому члену удастся объяснить несознательному товаришу задачу організації, коли удастся му привести в організації свого товариша, члена нашого народа, он має велику радість и довольство из того. Його радує каждая нова сила в його відділі, каждый новый член. Його тішить каждый успіх його відділа, każde підприємтя, каждый заробок, його тішить рост всей організації, тішить го каждый н-р газети, каждый новый читатель той газети, każde слово в ней, каждая книжечка випущена організіаціом. Вы зауважыте, што на віділовых митингах тоты члены все стоят за свою організіацію, за выполнения обовязков взлядом центральної організації, бо они дуже добри розуміют, што без выполнения обовязков віділов взлядом всей організації, взлядом ей централі, організіація не може сполняти своєї просвітительной работы взлядом цілого народа, ани других своих задач, наложених на ню статутом організації. Они знають, што ниякий відділ не може существовати без центральної організації, без газети, літературы, лекцій, організацийной работы центра.

И што мы уж ясно сегодня видиме? Што тоты відділы, где больше тых идейных, сознательных членов, хоц они в членство малочысленны, стоят напереді в нашой організації, а відділы, где тых членов меньше, хоц и чысленны в членство, а не идут на переді. И материяльне положыня не грат великой ролі. Мы посмотме лем на два канадийскы відділы, на Торонто и Монреал: Тоты члены тых віділов найбіднійшы люде в нашой організації, мало кто из них робит, много из них на реліфі, но каждый, хоц лем часом дашто заробит, несе наиперше заплатити свое членске, выполнити свой обовязок до своей організації. Бо то його душевне жытя, душевний корм. Возме Стамфорд. Там наших людей дуже мало, відділ малочысленный, но всі члены того відділа сознательны. И видиме, што они большу роботу робят, як много других віділов по знаных, чысленных наших карпаторусских колониях.

Такого сознательного члена не треба просити до работы, як не треба просити сознательного нашого лемка до організації. Он

знає, што то його обовязок, зрештом, он з охотом иде, бо його тішить така організіація и робота для ней.

Друга группа членов, то лем ищы материял, котрый треба обробити, научыти. Тоты честны, а несознательны ищы члены, идут в організіацію, бо видят, што ліпшы люде идут, чуют сердцем, што то их організіація, для их народа. Але они ищы не розуміют ей задач, не розуміют ей работы и не розуміют, на што она, така організіація потребна. То часть того нашого честного народа, котрый выкорыстуют, ошукуют со всіх сторон, кто лем не хоче, але найбільше выкорыстуют и ошукуют его такой його "патриоты," то фальшывым патриотизмом, то фальшывым віром, при помочы котрой тягнут из него остатний цент. Задача нашой організації, головна задача учыти тых людей, не лем членов організації, але цілу массу. Из одной стороны організіація через газету, літературу, лекции, из другой страны члены той первой группы, на митингах віділов, на підприємтях, в приватных розговорах, учат тоту другу группу, и из той группы выходит штотаз то больше сознательных членов, а тоты зас учат других, и так організіація росне, кріпне, а тым самым наберат силы, просвіты весь наш народ, темнота помаленкы переломуеся, а на місто приходит спочатку ищы бліде світло, як предодньом, но оно штотаз ясніше, аж приде тот час, коли и нашому народу проясніе, послі темной ночи наступит ясный день.

Третья группа членов, як уж зме вспомнули, то тоты здеморализованы, пажерны, нечестны члены, або шкодники. Невелика кучка их в нашой організації. Тых людей родила система здирства, ошуканства нашого народа. Их сте виділи все в той группі при церквах, при братствах, при даякых банках, котра то группа старалася якым способом выкорыстати, ошукати народ. Прикликували они, громадили, зганяли народ для тых великих вызыскувачов, а зато все и сами дашто облизали, ци при даякой будові церкви, ци при даяком контракті, ци даяке "комишин," ци хоцбы при даяком підприємтяю, коллекті и т. д. Контролювати их не было кому, або хоц бы кто и хотіл контролювати, та они такую силу мали зо своим попом, котрый тримал темну массу в страху, што честну

контролю недопустили, лем таку, як они сами, сами себе контролювали.

Розумієся, што тоты головны в Лемко-Союз не пришли, бо они дораз зорієнтовалися, што то Лемко-Союз, но тоты, што им даколи помагали в обераню народа, гдетотры пришли. Єдны з них сподівалися, што ту буде можна скорше дашто урвати, бо тот народ, ошуканий там, приде ту. Другы недовольны были даяким поділом, же боссам за дуже, а им замало приходилося. Третьи мали даякы салуны, або муншайн варили, думали собі, што при організації скорше костумеров найдут. В души сміялися зо всякой просвіты. Они знали, што они наймудрійшы, им ниякой просвіты не треба. А народ ест лем на тото, штобы мудрійшы выкорыстали го, яким таким способом.

Но и тепер ту показуєся, што Лемко-Союз не длятого організуєся, штобы им грошы наганяти, а штобы народ просвіщати, штобы научыти народ, як має боронитися от всяких круков, выкорыстувачов, паже-рачов, шкодников народных. И мы видиме, же хоц им никто того не бесідує, хоц никто на них пальцом не показує, они сами выходят на верх, сами на себе показывают. Вы познате такого члена, бо он рыє под вашим віділом и рыє под цілом організації. Он ничым недовольный, што організіация робит. Знає, што сознательны, честны члены знают го и за ним не пидут, то старатся тых честных, несознательных членов збурити.

У нас, в нашой організації сут и такы типы:

Посварилися с попами, стали безбожниками, коммунистами, потом вступили в Лемко-Союз, где показалися найрадикальнійшыма лідерами, уж так за робочы права стояли, што здавалося, што дораз голову готовы на кобицю класти за робочы интересы, аж их втримувати треба было. А знате, с кым они гнеска? Та с тыма, што недавно на них проклинали! Они уж великы приятелі с попами и білогвардейцями, с врагами народа, бо им не вышло так, як собі рахували, не мали такой корысти и такого гонору в Лемко-Союзі, як сподівалися мати. То зламаны характеры, котры были зламаны том системом неволі, затемнюваня

и ошуканства нашого народа. То тото саме, што нашы духовники переходят из унії на православіє, а из православія вертают зас в католицизм, коли видят, же при католиках ліпше им платят, а як католики престанут, то зас на православіє переходят. А коли при православных, найзавзятійшы православны — так при католиках, найзавзятійшы католики.

Чом тото писати? А зато, бо то дуже важна річ, найважнійша річ знати, познавати людей коло себе, познавати характеры тых, с котрыма маме до работы, познавати своих врагов в жытю. Для організації найважнійша річ, штобы члены знали єдны других, штобы могли познати шкодников. Бо часто, дуже часто трафляється, што такой шкодник, по причині того незнання членов членами, достанєся до уряду віділа, и потом такой шкоды наробит, што поправити дуже трудно. Старчыт, коли такой шкодник не здаст рахунку, тай тото рознесєся помеж народ и народ тратит довірия, и рознесєся о Лемко-Союзі, што так само робят, як и другы. И зато шкодника треба открыти и позбытися го, бо шкодник точыт організіацию, бо он ненавидит честну організіацию и честных людей.

Шкодники в оргнізації то як хробакы в деревині, котры задержуют ей рост и запричыняют высахніня деревины. А наша організіация мусит рости и мусит быти здорова и сильна, бо має пред собом велику роботу.

О рості Лемко-Союза.

Юнкерский Съезд Лемко-Союза найліпше доказал нам, што наша організіация росне не лем в чысло віділов и членов. Тот рост не так важный. Далєко важнійший рост в свідомость, в сознание членов. Єсли віділы могли прислати на съезд понад 50 делегатов, а тоты делегаты были всі одного духа, одного хотіли, до одного стремили, одно думали, то в том ест огромный прогресс нашой організації, не лем нашой організації, але то доказує несподіваний рост сознания нашего народа. Тото радовало на съезді каждого делегата, радовало каждый віділ и весь наш народ. Бо Лемко-Союз представлят всю нашу карпаторуску, полмиллионну емиграцию в Америкі. Лем наш Лемко-Союз старатся поправити

долю нашего народа, другы організації служат тым, котры выкорыстуют тот народ. Новы віділы, рост членского, рост чытателей газеты "Лемко," доказуе, што и по създі наша організіція не лем же не перестала рости, не стоить на місті, але иде ищы скорше вперед, як до създа.

На гдєкотрых плейзах, при гдєкотрых отділах, здаєся тым сознательным членам, што слабнеме, бо их отділ слабне — бо єст много шкодников, котры бунтуют народ и т. д., што членского менше. Но, то неправда! Николи не думайме, што в чыслі членов в отділі єго сила! Мы мали такы приміры, што єден отділ наш был організованный при помочы протоєрея из России, што то около 200 членов. А тот отділ не мал ниякой силы. Сегодня ани половины тых членов, може даяка пята часть из них сознательных, але отділ, по нашому, далеко мощнійший, як перше. Коли христіянство было сильне? в тоды, як существовало малыма группами, христіянскими общинами, товариствами, ищы и под земльом не раз мусіло крытися. В тоды, як христіянство было за справедливость для бідного народа. Тото христіянство так было сильне, што полетіли пред його сілом престолы, золоты шапки поганских царей, сама римска имперія пред його сілом розвалилася. От того часу, коли христіянство перебрало золоты шапки, богатство, а разом с тым, розумієся, и шкодников чєловічества, христіянство слабло и до наших дней так ослабло, што першого ліпшого "большевика" боиться. Бо оно престало быти "віром" бідного народа, а стало "віром" богатой кляссы, стало орудием выкорыстувания бідной кляссы в руках богатых.

Идея Лемко-Союза, яко идея справедливости на світі, має в собі велику силу. Тота идея уж непобидима сегодня, бо сегодня світло, наука доступна каждому, доступна ажи нам лемкам, всіма забытым, доступна через нашу організіцію Лемко-Союз. И потому тым нашим сознательным членам народа тота наша організіція так цінна, так дорога, бо они уж порозуміли єй роль и силу для нашего народа. И она росне тота сила разом з ростом народного сознания.

IV Създ Лемко-Союза.

При конці мая, 1935, значыт всего за пару місяців, должен отбытися Четвертый създ Л. С. Он покаже нам, сколько мы взросли от минувшого създа, сколько мы взросли за рок. Създ отбудєся в околиці найгустійших наших лемковских колоній, при твердом углю, коло Скрантона. Там зыйдутся найліпшы силы нашего народа, радити над єго будучностью. Там мы должны показати світу, што мы, лемки, тоже готовы до борьбы за того жытя нашего народа, до борьбы за справедливость для всіх, не лем для єдиниц. Там мы должны показати, што мы уж не рабы, не темнякы, котрых каждый може туманити и выкорыстувати, а равны жытели землі.

И потому завчасу приготавлиме успіх того нашего Четвертого Създа. Каждый из наших отділов должен выслати столько делегатов, сколько на него приходит по числу членов.

Делегатом, ци делегатами, най каждый отділ выберат людей из той первой группы членов: Идейных, честных и сознательных, штобы достойно заступили свой отділ.

Просвітительна робота Лемко-Союза. . .

Наука уж побидила людску біду, нищету, голод и холод. Наука взбогатила чєловіка. И коли мы ищы сегодня видиме коло себе біду, нужду, холод и голод — то вся причына тых людских бід не в том, штобы не было того, што чєловіку потреба — а причына тых людских бід в том, што бідный народ не розуміє того, што наука побидила біду, он не вірит ищы в тоту правду, бідный народ не вірит в науку и єй силу.

Томас Эдисон, гєній электричества, дал людям огромне богатство. Но тото богатство захватила в руки богата клясса. Бідный народ смотрит на электрику, яко на дуже выгодну лямпочку, он видит лем тоту лямпочку, а не думат о том, яке огромне богатство электрика, яка огромна сила, не думат о том, што тото богатство, тота сила не в його руках, а в руках малой группы людей, котры распоряжают тым богатством, том сілом лем для своих профитов, а не для добра всего людства. И так, они богаты, а бідна масса остає бідна и при электричєстві.

Єст наука, котра называється хемия. Тота наука робит чуда, такы чуда, што не ученому хемисту трудно повірити:

В Англии, недалеко міста Лайстон, Михаил Р. Фарадей, внук англійского ученого, оставил собі на своей фармі, в stodолі, великы шафы с шуфлями, и в тых шуфлядах, при помочы електрикы и хемии, без ниякой землі, росне му корм для худобы и свин. В десятиох днях выросне кукуруза и заколосіе ярец. Тот урожай, в десятиох днях, дуже густый и тяжкий, и худоба страшно го любит и далеко ліпше

в своей stodолі? А газдыня не потребує ити на маркет, або на загороду, бо всяка ярина буде роси в ей кухни!

Але компания має патент на тоту науку, на тоты кабинеты, вы мусите заплатити за тот патент, за електрику, за хемію, жебы сте могли собі такой кабинет вставити. Инакше мусиме умерати з голоду. А же работы при такой научной системі все буде меньше, то нияк не заробите, жебы сте могли заплатити тот патент. Значыт, из той науки корыстают лем богаты, а бідны все бідуют. Богаты знают ціну науки, бідны

Отділ Л. С. в Торонто. (фотография знята по случаю лекции В. Гунянки).

береса, як от корма, котрый выросне на землі. Пишут, што скоро будут газдыні мати в кухни такы кабинеты, як "айсбаксы," где будут им вырастати свіжы ярины. Уж така компания основана, тот вынаход науки опатентованый, так, же тоты, котры мають грошы, такы кабинеты могут собі набыти.

И што повісте на тоту, же наука доходит до того, што вся работа на землі може перестати — бо фармер, газда, може собі весь корм для себе и худобы выплекати

ей не знают. Богаты захватили науку для службы собі, бідны о того не дбают, науку не цінят и не любят.

И як долго бідный народ не полюбит науку, не оцінит ей, так долго буде бідувати.

Мы, лемкы, и вообще карпатороссы, не лем же не цінили и не любили науку, мы ей ненавиділи! Мы ненавиділи школу, книжечку, газету. Всяке живе, нове слово здавалося нам безбоженством. Для нас лем вшыткю тото добре было, што старе, што наше дідовске и прадідовске. Наше духо-

венство поддерживало тоту нашу віру в дідовске и прадідовске и клало загату для науки нашому народу, видиме, што ищы до днес кладе нам колоды под ногы, жебы лем зме не крочыли вперед.

Лемко-Союз мае одну, велику задачу: Зламати в нашом народі тоту нелюбов к науці у нашого народа и повести го вперед до ліпшого жытя, через науку, через котру дошли и доходят до ліпшого жытя другы народы. Лемко-Союз не лем мае за задачу зламати нелюбов народа к науці, але взбудити к ней любов, заинтересовати наш народ науком, переконати го, што лем в науці його спасение. То головна задача Лемко-Союза.

Всіх наук Лемко-Союз дати нашому народу не може, ани до того не береся. Коли в народі буде пробуджена охота до науки, он буде глядати той науки всяди, як глядают ей сегодня народы в Сов. Союзі.

Найголовнійше орудие в той роботі Лемко-Союза, то печатне слово, газета, книжечкы, календар. Печатне слово, то найперше орудие в боротьбі против народной темноты.

Наша Газета "Лемко."

Кто чытат газету "Лемко," и чытал и чытат часом другы наши карпаторусскы газеты, мусит признати, што газета "Лемко" инша газета, не така газета, як другы наши газеты. Мусят тото признати наши приятелі и врагы. А чом газета "Лемко" инша газета?

Бо "Лемко", то перша наша газета, котра вышла из народа, и котра стоит за науку для нашого народа, а не за темноту. Газету "Лемко" тримают, из сознания, добровольно, из идеи, для науки — тоты члены нашего бідного, темного народа, котры уж познали, порозуміли тоту правду, што наше спасение в науці, просвіті, а не в темноті.

Другы наши карпаторусскы газеты, так встаром краю як и ту, на эмиграции, держат, утримуют, або наши врагы, для выкорыстаня нашого народа, або як ту в Америкі, удержуе сам народ, але не из сознания, а из несознательности. А зато, коли газета "Лемко", одинока наша народ-

на, карпаторусска газета, веде народ вперед, они тягнут взад. Тота работа корыстна для тых, што выкорыстуют народну темноту.

Розуміеся, што сила нашой газеты далеко больша, як всіх других "нашых" газет разом взятых, хоц они печатают тых газет соткы тысяч, а мы лем тысячы. Бо коли бы они, ту в Америкі, наши запомоговы организации, приняли такой параграф, што газету предплатат лем тот, котрый хоче из членов, то по всіх тых газетах не остало бы ани сліда, они не собрали бы, разом всі, ани 100 чытателей, ани на платню для редактора за один місяц. Ани кошта одного н-ра газеты не могли бы покрыти добровольном предплатом, хоцбы ей зложили вшыткы разом. Значыт, тоты вшыткы газеты, то плод народной темноты, несознательности. Наша газета "Лемко", то плод сознательной части нашого народа. И потому наша газета цінна для нашого народа, а тоты газеты, котры утримуются из темноты, не лем безцінны, але вредны для нашого народа, бо наражают го на великы материяльны, примусовы выдаткы, а вмісто науки, сіют темноту.

Вартость газеты зависит от редактора. Газету "Правду" редаговал за долги рокы Д-р С. Пиж, остатний рок редаговал другий "редактор". Видаткы на газету тоты самы. Но яка велика рижниця в вартости той газеты!

И зато нам треба знати, што при газеті найважнійший редактор. Не типография, машинерия, а редактор, розум редактора. Несознательны, темны люде судят так, што як напечатано на папері, то уж и газета. А то неправда, бо росходится, што напечатано. Ци тото мае даяку вартость для того, што за газету платит, ци не має ниякой вартости. А тота вартость зависит от редактора.

Несознательны люде, котрых совсім нияка просвіта, наука, не интересуе, не можут порозуміти, нашто то газета, нашто книжка, нашто платити редактора, коли для спасения выстарчыт дост поп и дяк. И они уважают роботу попа далеко важнійшу и труднійшу, як роботу редактора. Тым людем вшытко едно, ци газету пише Д-р Пиж, ци Дзвончик! "Оба дармоіды! Єден найлсы, най другий тепер іст"... И не можут тоты

люде нияк розуміти, як знаходяться такы глупы лемкы, котры стоять в Лемко-Союзі, платят за газету "Лемко", платят пейду Гунянкі, а он собі с олувком ходит...

Они, бідны, не розуміют, што редактора робота, ищы меж так затемненным народом, дуже тяжка. Така тяжка, што пару літ тому ученый человек, котрый знае наш народ, не мог повірити, штобы редактор "Лемка" мог тоту роботу зробити. И нам здаєся, што газета "Лемко" переламала нашу заотсталость, нашу неохоту, нелюбов к науці, отворила окенко в нашу лемковску темну хыжу, а коли то правда, то той роботы на грошы не можна оцінити.

Коли мы хочеме поступати вперед, побороги нашу народну біду, то мы мусиме побороги народну темноту, в котрой сиділ наш народ віками. В той борбі мусят для нас быти найдорожшы тоты люде, котры знают дашто, а готовы з нами разом боротися, учыти нас.

Мы, лемкы, дуже мало таких людей маме. Яко народ заотсталый, мы ниякой иншой науки не ціниме, кромі церковной. И зато мы выховали лем попов. Тоты нашы учены, котры не хотіли быти попами, забралися гет от нас, бо готовых міст не мали, а знали, што просвітительна робота для свого народа дуже трудна. И лем пару людей, с науком и с чувством до свого народа, остало нам таких, што хотят нам помочы, научыти нас, боротися за наше право на жытя, што учат нас правду.

Нам треба розуміти, што тоты люде для нас неоцінены. Як долго мы не порозуміеме того, што они першы люде у нас, так долго будеме мучытися в темноті.

Там, где бідный народ захватил власть в свои руки, а то в Сов. Союзі, русский народ и другы народы в Сов. Союзі порозуміли, што писателі первы люде. Сталин заявил, што писателі, то инженеры людской души. И правда. Коли наша карпаторусска душа така слаба, то вина тому того, што мы не цінили нияку просвіту. Нашу душу не строили тоты люде, котры хотіли бы, штобы наша душа была сильна для нас.

Нашу душу строили в нас тоты, котры хотіли, штобы наша душа была слаба, покорна. рабска, штобы она была им послушна, штобы они могли панувати над нашим душом

и тягнути з нас корысть для себе. Зато они наполняли нашу душу темными страхами.

Коли мы хочеме быти свободны, поправити свое жытя, мы мусиме пребудувати свою душу, из души рабской, застрашенной — на душу свободну. В том и ест ціль организации, газеты, редактора: Ци они претворяют народну душу из рабской, застрашенной — на свободну — ци застрашают ей ищы ліпше?

Мы видиме, што в нашем народі дотепер цінятся лем тоты организации, газеты, редакторы, котры ліпше знают народ застрашати. У нас утриманя одной церкви нераз и десят раз больше стоит, як утриманя цілой просвітительной организации. У нас тоты институции, котры будуются на утриманя нашой души в страху, процвітают. Мы зо страху складаме на них миллионы. Тых людей, што нас страшат, платиме по панскы, а коли найдеся такой, што хотіл бы освободити нас от страху, мы го маме за нич.

Просвітительна робота Лемко-Союза заключатся сегодня в печатном слові и в лекциях по плейзах. Штобы лем тоту роботу вести, треба мати таких людей, котры бы могли вести тоту роботу, значыт, штобы знали дашто. У нас тых людей ніт совсім. Як найдеся двох трех, то нам здаєся, што уж за много, што тоты люде не мают што робити.

Многим нашим патриотам здаєся, што варити "муншайн", то далеко тяжша робота, як выдавати газету "Лемко". Многим здаєся, што отправить службу божу, далеко тяжша робота, як выголосити лекцию о жыту, о світі, о людях.

А оно нам треба знати, што робота редактора, найтруднійша робота — розумієся такоого редактора, котрый хоче трудитися для просвіты своего народа. Бо робота такоого редактора, котрый выдае газету для затемнения и страху, дуже лекша, як робота попа. Зато така велика рижниця меж поповском газетом, а гезетом народном. И зато поповску газету може еден редактор выдавати и каждый день, бо каждый день може писати того само. Редактор народной газеты мусит ити с прогрессом світа, мусит найперше сам учытися. Редакторы народ-

ных, прогрессивных газет мусят учитися сами, штобы могли дашто написати для народа. Мусят знати передати того, што сами научылися, своим чытателям так, штобы они порозуміли того. Значыт, мусят учитися и от народа того, як треба передавати свои знания народу. Втоды лем их писаня мае вартость, инакше, хоцбы оно было и наймудрійше, а народ не розуміе, таке писаня не вартат нич.

Нам здаеся, што "Лемко" така газета, што она передае народу науку так, што народ розуміе, и потому она мае успіх у народа, потому робит свою просвітительну роботу. Але зато она и стоит много труда, далеко больше, як другы нашы карпаторусскы газеты.

Покаль Л. С. мае лем два тоты орудия просвітительной работы:

Печатне слово и лекции. Печатне слово росходится в тысячах, но оно и так недоступне массе народа. Штобы заинтересовати больше людей, от часу до часу выіде секретар организации, або редактор на лекцию, в колонию. Там уж збереся больше людей из того плейза таких, котры ищы не слышали о нашей организации. Лектор объяснит значыня науки, организации. Народ, порозумівшы, зблизится до организации, заинтересуеся газетом, книжком. Тоты, што были на лекции, росповідают другим своим знакомым, и так иде дальше, вкореняются в массах идея организации. Тых лекций у нас замало. У нас, при организации, должен бы быти еден такий ученый человек, котрый бы был занятый лем розъездом по плейзах и чытаньом лекций. Он бы мал задачу студиовати сам и престудиоване передавати ясно, зрозуміло, народу. Была бы то наша жыва, подорожуюча школа. При таком постоянном организаторе лекторі, организация вскрипла бы и выросла, так што не лем бы такий организатор был заплаченный, але придбал бы много новых членов для организации и чытателей для газеты.

На такого организатора дуже был бы подходящий в Америкі рожденый лемко, знающий лемковску бесіду. А ест такий? Ци не встыдно нам признатися, што мы не маме человека, ту в Америкі рожденного, на пол миллиона нашей эмиграции, котрый интересовал бы ся своим народом, його по-

ложыньом ту и в старом краю? А, здаеся, такого нашего ученого американца або американкы нит меж нами.

Коли нашы "патриоты-шкодники" пишут и бесідуют, што в нашей организации занято много работников, то розуміеся, што лем зато, штобы шкодити просвітительной работе. У нас нит людей для той работы. Коли были бы честны, идейны, учены люде, то работы для них дост. И организацию поставили бы так, што она заплатила бы тоту работу. У нас не одного, двоих редакторов треба, а што наименше десят. А у нас их нит. Для нас здал бы ся в каждой нашей карпаторусской колонии сознательный, ученый, добрый учитель. Но што нам о том говорити! Мы не любиме ищы науку, мы не хочеме науки, мы волиме платити и тримати тых людей, котры нас страшат и затемняют. Мы ненавидиме, не можеме стерпити едного двоих таких, котры бы нас хотіли дачого научыти, котры хотят поділитися з нами тым, што сами знают. Мы не хочеме нич знати.

И зато работа Лемко-Союза дуже тяжка. Наука Л. С. приходит нам дуже тяжело. Правда, мы зламали первы леды, але того мало. Нам треба людей, котры бы повели работу дальше, нам треба молодых сил, ученых сил. А штобы они нашлися у нас тоты силы, мы мусиме их высоко цинити, мусиме цинити найперше тых, котрых маме, бо як тых не будеме цинити, то новых не найдеме.

Работа Лемко-Союза в старом краю.

Хоц наша организация в поровнанию до нашей эмиграции в Америкі дуже слаба, а мы видиме, што она мае огромну силу моральну, огромне влияние и ту, в Америкі. Тоты нашы лидеры, котры вселяют в нас страх, котры при помочы страху тягнут из массы нашего народа корысти, сами набрали великого страху пред Лемко-Союзом. Народ, хоц помаленкы, двигатся. Уж на каждом плейзи, где ест отділ Л. С. ,што раз больше таких людей, што не боятся страхов, штораз больше смілых, идейных членов нашего народа, котры открывають очы другим.

Но нам треба знати, што наша организация мае огромне влияние на наш старый

край. Нашим братьям в старом краю здавалося по війні, што они пропали, што их уж так додусят тьма страхами, што ніт ниякой истоты, ниякой організації на світі, котра бы зауялася за нима, упомнулася о их народне право. И довідуються наши братья в старом краю, што их братья за морем організували таку організацію, бойову, робочу, котра стае в обороні свого народа в старом краю.

не може быти босконечна, забыта и дарувана. Што угнетены народы не хотят умерати, што захотят жыти, бо ажи тоты ничтожны лемкы, здавалося давно пропашы. двигают голову.

И нам треба знати того, што мы не сами, што з нами стоят всі угнетены народы, з нами стоит угнетена робоча клясса, а найважнійше, з нами стоит одна, найсильнійша

Василь Пидбережняк, родом из Бортного, Горлицкого повіта, член Л. С. ч. 29, в Ансоніи, зо своєю родиною.

Не всі знаме, який то переполох зробило в обозах врагов, паразитов и угнетателей нашего народа. Николи они не сподівалися того, штобы ищы и лемкы поднесли голову, уж всіма похоронены, уважаны за мертвых. И, як видите, хоц мы народец невеликий, хоц и організація наша не чысленна, а они прешрашылися больше, як великого народа и великой організації. А чом так прешрашылися, спеціально лемков?

Бо коли они видят, што и лемкы стают из мертвых, то им приходит страх от самой мысли, што и великы народы рушатся, што тота кривда, котру они робят народам,

держава світа, з нами стоит Сов. Союз, в борбі за права бідного, угнетеного народа.

И длятого наш Лемко-Союз мае таку огромну силу среди нашего народа. Длятого, што он стоит за право, за справедливость для огромной массы бідного народа. Она ищы неосознательна вся, тота народна масса, но скоро приходит до опамятаня, будится. И коли Лемко-Союз страшный нашим врагам, угнетателям, то не його сила, яко організації, а його просвіта, наука, котра помагат в пробужденію народных масс. Пред пробужденным народом они мают страх, а не пред Л. С.

Наша Молодеж

ШТО з нашом молодежию? Што з нашыма дітми ту, в Америкі, што они нас опуцают? Што з молодым поколіньом нашого народа в старом краю?

Подумаіме отповісти собі на тоты вопросы, на дуже важны вопросы, котры тычатыся будучности, значыт, продолжыня жытя нашого народа. Мы привыкли повторяти фразу, яку повторяют и други народы, што: "Молодеж будучность народа"... Лем же для других народов то не лем сама фраза, для других культурных народов то закон, а для нас, карпатороссов, остаются тоты слова лем пустом фразом. Бо ци ест ищы даяка группа народа, группа емигрантов в Америкі, штобы ту рождена молодеж так совсім не интересовалася судьбом своего народа ту, а ищы меньше в старом краю? Штобы так отвернулася от своего народа, от його языка? Ци мае ищы даякий другой народ, ту в Америкі, такы діти, котры бы покончыли средні и высшы школы, а не интересовалися своим народом даже настолько, штобы знали, откаль тоты його родиче пришли, як там, в том краю жыют його стрыкове и теты, його стрыечны и тітечны братья и сестры? Старокрайовый ученый человек, из старокрайовой школы, нияк того порозуміти не може, чом то так ест, што то за школа тота американска школа, што она не може розвити, ци не хоче розвити интерес дитины до ей родного народа. Я памятам, што мы, в старом краю, интересовалися индианскыма племенами в Америкі, а ту наша молодеж не интересуеся своим племенем. Не лем своим, лемковским племенем, але не интересуеся совсім русским народом, його культуром, литературом.

Лемко-Союз высылат от часу до часу лектора по наших лемковских колониях. На такую лекцию о своем народі дуже рідко появится наш американский уроженец або уроженка, хыба же даякий час пребывали в краю. Тоты, што ту рождены, а в краю

выхованы и вернулись в Америку, тоты нашы душом и тілом.

Два раз, в часі многих лекций приключылося, што ту рождены дівчата заинтересувалися лекциом о своем народі: Раз в Гери, где молоде, интеллигентне дівча, стенограферка, дочка Томашовских, цілый час с напряженом увагом слухала лекции о своем народі от початку до конца и по ей лици видно было, што надзвычай заинтересована судьбом своего народа. Один угорский лемко, сознательный член нашей организации, сейчас по лекции просился чья то дитина? "Я, гварит, ищы такой дитины не встрітил ту в Америкі, штобы так интересовалася своим народом. Ех, жебы то я был ей ровня в літах, то не посмотріл бым на другу! Мусіла бы моя быти!"

Тоту дитину не зробила таком ни американска школа, ни тоты американскы книжки, журналы — а зробила ей таком сознательном ей родна мати. Лем потом я переконался, што мати, наша сознательна лемканя. А што дитина любит свою маму, интересуеся тым, чым интересуеся ей мати, ей родиче. В Лорейн ест больше дівчат, котры интересуются своим народом.

В Елизабет дівчына Фучилы, найдеме ищы по инших наших колониях, але всі тоты діти, котры интересу-

Др Петро Лабовский сын Иосифа и Наталии Лабовских, родом из Лабовы пов. Нов. Санч, кончыл сего року лікарскы науки.

ються своїм народом, можемо легко поразувати на пальцях двох рук.

Штобы вернути нашу молодеж назад к нам, Лемко-Союз почал издавати Лемко Журнал для молодежи. Нам здавалося, што

Елена Венгрин, донька Амвросия Венгрин из Жегестова и Анны из Дзюбинских, из Верхмлі Малой.

молодеж заинтересується журналом, через журнал своим народом, всім русским народом, його культуром и литературом, а особливо Новом Россиом, котром интересується сегодня цілий світ. И в том духу мы почали издавати наш журнал. Но молодых лемков не заинтересовало то, што о нас и о Рос-

сии. — Пиште дашто фони — писали молоды лемкы. — Пиште дашто таке, як в американских журналах, интересны "стори" и вельо "фони" . . . ,
Розумієся, што мы не мали ціли конкуровати с американскыма журналами, их "сториями" и "фонами", бо раз, што мы их збитовати в тых "сториях" и "фонах" не можемо, а по друге не было смысла "битовати" их. Наша задача была, штобы нашу молодеж заинтересовати своим народом, його тяжкым положыньом, што Америка, то одинокий край, где наша лемковска и вообще карпаторусска молодеж мае возможность покончыти школы, стати интеллигентными, учеными людьми, и што тота молодеж упомнеся о нас, запротестуе пред світом против кривд, чынимых нашему народу.

Были пробы організувати при Л. Союзи одділы нашей молодежи. Здавалося, што так, в своей організації подумают о цілях

той організації. Но оказалось, што им и не в голові ціли той організації, им и не в голові даяка наука о своем народі, им в голові "гуд тайм". Они розуміют всяку організацию, всякий клуб, всякий кружок лем яко институцию "гуд тайма".

Коли вспомнути им, што треба бы занятися даяком науком, русском литературом, русским языком, русском новом культуром, они высміют вас.

А посмотриме на их лица, на их будову, то видиме, што они ниякы не сетнякы, выгядают на добры діти. И они з грунту добры, способны діти, ничым не уступають дітям других народностей. И што за причина, што они оставляют нас? Тому больше причин. Але возме лем головны три причины:

1. Наша заотсталость
2. Американска школа и литература.
3. Безвартна русска школа.

Мы, карпатороссы, эмигрували в Америку массово. Эмигровали всі, запорядком, утікали из своего краю массово, пред бідом. Пришли мы ту, в Америку, яко наибольше заотсталый народ в Европі. Мы розуміли тоту свою заотсталость и ганьбилися сами себе. Мы так ганьбилися той нашей карпаторусской заотсталости, што даже не хотіли признаватися до своего краю, не хотіли признатися, откаль мы ту пришли. Єдны из нас признавалися до австрияков, другы до гунгаров, треті до поляков, четверты захотіли уж быти украинцями, а пяты великороссами, лем жебы никто не подозривал, што мы пришли из того найбіднійшого карпатского краю, бо быти бідным, походити из бідного краю и народа, была велика ганьба.

И зато мы ганьбилися себе. И зато нашы діти ганьбилися и ганьбятся нас. Ганьбилися и ганьбятся своего народа, его краю, его языка, его народности, его бідноты.

До того ищы американска школа, капиталистична школа, выховувала, нашу молодеж в богацком духі, то значыт в том понятю, што школа и наука мае служыти для зыс-

каня ліпше платной роботы, бизнесу, богатства. Наука преподавалася не для самой науки, не для того, штобы тота наука послужыла народу, человечеству, его прогресу, а штобы, по скончыню школы можна было зробити больше гроша. Большим, высшим человеком уважанный был тот, котрый знал ліпше робити грошы. И потому американска школа учыла робити грошы. Ліпший американец, ліпший патриот был тот, што знал ліпше робити грошы. Идея правдывого американизма быти богатым.

И якже наши діти — діти найбіднійших эмигрантов — могли остати при нас, коли мы были наименшы, наостатнійшы люде в Америкі, бо мы были найбіднійшы? Та и литература американска не могла быти инакша при такой науці. Писатель писал не для науки, не для своей идеи, лем штобы зробити грошы, бо лем так был уважанный за великого человека и писателя. А штобы зробил сам грошы, он мусіл писати лем о том, як треба робити грошы, як бідному стати богатым, як бідне дівча взяла великий богач, як богачка полюбила бідача, як там зручно герой обрабовал банк, перлы, дияменты, принцы, принцесы, Монте Карло и т. п. То содержание американских журналов для нашей бідной молодежи. И мимо тых школ, якы она покончыла, она не може думати тверезо, она мечтат о богатстві, як мы бідны карпаторусскы эмигранты мечтаме о небі, о святых и о посмертном счастьею. И як они будут заниматься и инвересуватися найбіднійшыма людьми?

Наша т. з. **русска школа**, вмісто дати той молодежи даяке понятия о русской культурі, литературі, лем ліпше доказала им, што мы бідны, и уж ніт для нас ниякого ратунку, лем другий світ, смерть. Из нашей русской школы наши діти довідалися столько, што и тот русский народ мал богатых царей, архиереев и святых. Но не довідалася, што русский народ мае найбогатшу литературу во світі, што тота литература родит сегодня нову культуру, высшу культуру справедливости, што при той новой культурі богатым приходит ганьбитися своего богатства. Вмісто той русской литературы и новой культуры, наша русска поповска школа пре-

поднесла нашим дітям наш душевный корм, а то наши церковны обряды, молитвы и мечты о царстві небесном. Не дивно, што наша молодеж, накормлена в американской школі мечтами о земных богатствах, откинула посмертны богатства русской школы. Вшытко, што ся ей здало с американским, то повіданкы о русских принцах и принцессах, о их богатстві ту, на світі. И кромі тых принцов и принцесс, котры мали "гуд тайм" ту, на світі, нич больше наша молодеж из наших церковных школ в Америкі не вынесла.

Чытали зме в карпаторусских запомоговых газетах корреспонденцию о конвенции "Русских Православных Клубов" нашей молодежи. Из той корреспонденции довідали зме ся о великом "гуд таймі", вспанялом банкеті, танцю, ажи о дрессах наших дівчат, а не дознали зме ся нич, што тота конвенция постановила полезного для нашего народа, для нашей эмиграции, або для нашего старого краю. Наши діти не интересуются нами и нашим старым краем.

Но все-таки можеме поділити нашу молодеж на три части, што до того интереса своим народом:

1. Дуже маленка часть, котра почынат интересуватися своим народом и Сов. Союзом из своей интеллигенции, чувства, идейности. Вспомнули зме высше о таких единицах. Замічае, што тоты, котрых заинтересовала работа, идея, Сов. Союз, яко робоча держава, заинтересовала их бідна клясса народа, они вертают к нам.

2. Друга часть, тоже невелика, интересуется нами в бизнесовых цілях. Наша эмиграция организувала ту, в Америкі, много запомоговых обществ, котры с часом пришли до значных капиталов. Тыма капиталами заинтересованы гдекотры наши молоды американці и подходят к ним с патриотичныма фразами, котрых сами не розуміют, але слышали такы фразы от наших старых патриотов-лидеров и виділи, што при помочы того церковного патриотизма они трималися при тых организациях, то они думают, што и они удержатся.

3. Остатных, огромне большинство нашо-

Мирослав Кобан, студ. унив., сын бывшего председ. Л. С., выхавший в Сов. Союз.

коли тота перва группа нашей молодежи буде роснута. Коли наша молодеж порозуміе робочу идею, робочу борьбу за справедливость для бідного народа, коли она порозуміе перву робочу державу світа, Сов. Союз, она верне к нам. Тоты наши молоды, котры уж порозуміли робочу справу, они уж разом з нами. Правда, мало их ест з нами, бо мало ищы порозуміло тоту правду, што быти бідным и боротися за справедливость для бідного народа, далеко высша честь, як "честь" богатства. Коли наша молодеж порозуміе тоту правду, порозуміе честь, то она верне до нас и остане наша.

Наша задача, задача тых родичов, котры уж сознательны кляссово, помагати свим дітям порозуміти тоту правду. Коли они порозуміют, то втоды вернут до нас, мимо того, што мы бідны и угнетены. И лем так можут вернути к нам, а не иначе. Ниякы иншы школы, ниякы патриотизмы их нам не вернут, кромі робочой идеи, робочой правды.

И для нашей радости тота перва группа нашей молодежи росне, росне разом с загальным ростом сознательности робочой кляссы.

Старый Край, наша тысячлітняя земля, твердый, родный фундамент под будущность

го поколіня в Америкі, совсім их нич не обходиме мы, стары эмигранты, ни нашы организации, ни Нова Россия. Они скоро тратятя от нас, рыходятя и мечтают, якбы скоро стати богатыма американцами и якнайскорше затерти сліды своего происхождения.

Если мы можеме мати надію, што наша молодеж верне назад до нас, бідных робочых эмигрантов, то можеме мати лем так,

коли тота перва группа нашей молодежи буде роснута. Коли наша молодеж порозуміе робочу идею, робочу борьбу за справедливость для бідного народа, коли она порозуміе перву робочу державу світа, Сов. Союз, она верне к нам. Тоты наши молоды, котры уж порозуміли робочу справу, они уж разом з нами. Правда, мало их ест з нами, бо мало ищы порозуміло тоту правду, што быти бідным и боротися за справедливость для бідного народа, далеко высша честь, як "честь" богатства. Коли наша молодеж порозуміе тоту правду, порозуміе честь, то она верне до нас и остане наша.

Наша задача, задача тых родичов, котры уж сознательны кляссово, помагати свим дітям порозуміти тоту правду. Коли они порозуміют, то втоды вернут до нас, мимо того, што мы бідны и угнетены. И лем так можут вернути к нам, а не иначе. Ниякы иншы школы, ниякы патриотизмы их нам не вернут, кромі робочой идеи, робочой правды.

И для нашей радости тота перва группа нашей молодежи росне, росне разом с загальным ростом сознательности робочой кляссы.

Старый Край, наша тысячлітняя земля, твердый, родный фундамент под будущность

нашого народа. Мы, в Америкі, на чужой землі, на чужом фундаменти, из старого материялу, будуеме, организуемеса, учимеса. Не хочеса вірити, штобы лемкы в краю, на своей землі, из нового материялу, не будували, не организувалися, не училися. Наше молоде поколіня будущность нашего народа в старом краю. Мы, в Америкі, віриме в тоту наше молоде поколіня, віриме в його творчу силу, бо тоту наше поколіня в старом краю, то будущность нашего народа. Для молодого поколіня буде открытый цілый світ и його богатства, чекат го ліпше жытя, як маме мы, стары, але оно само з неба не упаде, в што мы стары вірили. Тоту ліпше жытя треба устроити, причынитися до будовы того жытя, боротися за него. Мы, стары лемкы в Америкі, віриме, што и наша лемковска молодеж в старом краю возмеса организувано до будовы того жытя и борбы за него.

Ваньо Гунянка.

ЗА ДЗЯБОМ

МЕРА барз шумне дівча. Хоц в Америкі трудно найти не шумне дівча. То не в старом краю, што сут шумны и нешумны дівчата. В Америкі шыткы шумны дівчата. В Америкі дівчата не ділят на шумны и брыдкы, лем на легкы и тяжкы. Яку хочеш? Легку, ци тяжку? Часом мода выйде на тяжкы, але веце легкы в моді. Тепер уж отдавна иде мода на легкы дівчата. Нашы лемковскы дівчата не тяжкы, бо то горского поколіня, а знате, што люде в горах мусят быти легкы, бо якбы по вершках могли ходити. И зато уж сама природа так дала, што люде в горах легкы, а в долинах тяжкы. Люде в горах двигают ноги в гору, як ходят, а люде на долинах волочат ноги за собом.

Зато и нашы лемковскы дівчата, впервом поколіню, отдідичыли по своих родичах тоту легкость и шыткы ноги. А ноги в Америкі у дівчате найпершы. Голову сфискуе, гамбу сфискуе, але ноги трудно сфискувати, нияк не можна сфискувати. Зато нашы лемковскы дівчата не маот ниякого клопоту з ногами. Німку зараз познате, же німка, бо ноги ищы німкам не выроди-

лися, не выгладли, познате, што німка. Але вернийме до Меры.

Мера барз добри учылася в школі. Рада была быти перша. Што ей остало часу от науки, читала. Читала “Тру Сторис”, “Правдивы истории”, як бідны дівчата выходят за миллионеров, а як бідне дівча выйде по любви за бідного “бойса”, то праві все им счастья послужыт и гнет збогатиют. Як богаты боссы залюбляются до своих секретарок и стенограферок и потом женятся. И ищы о принцах и принцессах, котры уж счастливы родятся. Простый человек мусит аж найти счастья в часі свого короткого жытя. А як тоты “тру сторис” и “Лов сторис”, тоты писателі тых “сторис, оповідають, то в Америкі не барз трудно счастья найти. Каждый може найти, а особливо молоде, шумне дівча. И зато Мера была певна, што она скоро того счастья найде. Раз, же учытся добри, тичеркы ей хвалят. Друге, же шумна. Каждый бесідуе, же тота Мера шумне дівча. Хоц шыткы американскы дівчата шумны, але Мера ищы шумнійша, гардша от других, шытка, росла. Мері ани повідати того не треба было, бо сама того добри знала.

— Лем жебы скоро тот “гайскул” покончыти, то я собі добрый “дзяб” найду — думала Мера.

— О, мое дівча не таке, як другы американскы дівчата! — хвалился Гриц, Мерин няньо! — То вам така запобіглива, вырахувана, мудра. Она собі добрый дзяб найде. Моя Мера високо выйде...

— Моя Мера барз добри учытся — повідала мама. — Хоц с того дівчате дочекамся потіхы. А и шумна, цілком на мене подана. Така сама, як я была, як ем дівчыла.

— Вера! — повідала Мера. — Вы сте были проста дівка! Деси сте там коровы доили и грулі окопували...

— Та лем ся, дзецко, уч, жебы-с так тяжко не робило, як я робила. То для мене радость велика, што будеш як пані...

И Мері все снилися лем солодкы сны: Як то она выйде зо школы, як буде стенограферка, потом сподабатся самому великому боссови, бо буде робити, буде смотріти и за другыма. Босс дораз познат, што Мера инше дівча от других. Так само, як тота стори, што колиси в шові виділа, така сама

стори снилася раз Мері, лем же в той стори, што ся ей снила, то уж она сама была том секретарком.

Лем жебы скорше школу покончыти! А потом дзяб, счастья, отвореный світ, богатство — як в повіданках, котры чытат. Та преця мусят правду писати, не можут же шытко цыганити...

И покончыла Мера школу, добри покончыла. Няньо и мама остатні центы згребли, кус допозычыли, жебы шумный дресс купити и шумный перстень. На “гредуейшендей” не было шумнійшого дівчате от нашей Меры, няньови и мамі здавалося, што шыткы люде на ню смотрят, а и самой Мері так здавалося. Радостны были и родиче и Мера, коли вернули до дому и довольны были Америком...

— Ой, боже! — гварит мама до няня, коли вышли до свого бедрума. — Ты гвариш не раз, же ліпше было в старом краю! Та гдеж в старом краю мог ес так выховати и выучыти діти, як ту?

— Дай покий — отгрызся няньо. — Хоцбыс што повідала, то в старом краю якоси беспечнійше як ту. Што будеме на старость робити? Уж тепер не робю, хоц ем ищы не такой старый, а як прейде за пятдесятку, то гудбай работа. И як жыти?

— Ей, ид сомаре! Та маме діти! Добры діти маме, сама Мера нас до смерти доховат. Повідала, што она хоче быти барз богата и буде богата. Уж завтра за роботом пиде...

И зараз завтра рано Мера выбралася за роботом по Нью Йорку. А Нью Йорк місто велике, найвекше місто на світі и найбогатше місто и найліпше місто для глядана счастья. Сам Алл Смит, бідный хлопец, даколи з газетами літал, а тепер перший богач, политик, губернатор, мало мало, же президентом го не выбрали, хоц може и о то барз не стоит, бо нашто му ламати голову с цілом Америком, коли и без того робит великы грошы. Ба, та не лем Смит, але берте першого ліпшого з Волл стрита, то як не он то його родиче простыма бідаками были, эмигрантами, а смотте, яки они тепер богаче! Каждый в Нью Йорку може быти богачом, лем треба, жебы му кус счастья послужыло. Треба найти счастья. Оно, того счастья, для каждого гдеси ест, гдеси оно го чекат, лем еден здыбе го, а другий не

може скоро здыбати, вельо люда до смерти не здыбат свого счестя.

— Ци я тых свое дораз найду — думала Мера, коли зышла до “собвею”. — Може я скоро найду, як нашла не една в Нью Йорку. Нераз ем чытала, што пишла служыти до богачов и богатский сын залюбился до ней. Але я служыти не пиду, бо я не до того, я хочу “офис ворк”, там мое счестя. Там аж сут богаты!

Купила Мера газету, перезерат:

“Стенографер”, “стенографер”, “стенографер”...

— Котра мое счестя? Перша, друга, ци третя? Жебы то я знала, то бым пошла отраз там, где мое счестя. А так, як не знам, то можу там взяти роботу, где не буде мое счестя.—

Выбрала третю “стенографер”... Сіла на трена, іде, прихала. Бо то в Нью Йорку, знате, тот трен лем шмарит людми, уж сут там, где кто хоче. Подходить под тот адрес, смотрит, а там здалека стоить предолгий хвост из дівчат. Соткы дівчат една за другом. Вшыткы пришли глядати счестя в том билдинку. Просится Мера едной, што тоты дівчата хотят?

— Дзяб! То вшыткы стенограферкы! По Мерином тілі аж морозкы прешли. На еден дзяб тельо дівчат! И все новы и новы приходят, покаль Мера подумала, ци стати в тот хвост ци ніт, то хвост уж о половину прирос и треба было ити гет зо заду ставати.

— Поїду дотого другого офису, може там... Приде там, а там ищы долший хвост. Самы стенограферкы, а и красшы от Меры и ліпше одіты гдекотры.

— Ищы полечу до третього офису, може там мое счестя... Але при третьом офисі ищы долший хвост, як при першых двох.

Сратила Мера 30 центов на ізду и ниякого счестя не нашла, не лем счестя не нашла, але ани босса, ани офису не виділа...

— Та то нич, завтра можеш найти дашто — потішала мама. — Встан рано и ид перша.

Так и зробила Мера. Накрутила годинку на 5 годину, а о шестой уж вышла и купила газету: “Стенографер, стенографер, стенографер”...

— Тот третий офис найближе, полечу там...

Лем ищы дві ждали. Мера была третя.

Помали хвост прибывал. Тоты зо заду завиділи тым передным. Долго ждала Мера, покаль отворили и впустили першы на корридор. Ищы на корридорі треба было ждати, аж нарешті закликали першу, потом другу, а потом и Мери. Подали ей “апликейшен” выполнить и подписати. Мала отповісти на такы вопросы, меж другыма:

“Кельо роков? Якой віры? Якого похаджыня? Где роджены ей родиче? Ци ситизины? Ци отец робит? Кто робит в родні? Ци мают проперти? Ци она “експриенс”? Барз дуже таких “квешчинс” было, но Мера не запамятала вшыткы. А коли отповіла на вшыткы, хотіла почкати на дзяб, повіли ей, што як им буде треба, то они ей дадут знати.

Так выполняли и другы за Мером, десяткы и соткы, як долго боссови хотілося zatrudняти тоты дівчата стояньом в хвості и выполняньом апликаций. Не знати, ци он того робил для даякой приятности, ци треба му было такой реклямы? Ищы Мера похадила так цілый тыжден за офисовым дзябом, покаль не пришло ей в голову, же она може и не достане такого дзябу, якогo хоче и якогo учылася? Же може ей счестя не в офисі, а може в шторі даде?

Цілы наступны два тыжні ходила наша Мера по шторах, потом ищы два тыжні по фабриках, но ани сліда ниякого дзябу и ниякого счестя! Ани едного цента не нашла за цілый тот час! Уж ся ей здавало, што она певно до тых дівчат належыт, што не мают счестя, але скоро такую мысль от себе отганяла. А в дома уж ей перестали потішати. Няньо и мама не могли порозуміти, як то Мера не може найти дзябу. Што инше эмигрант, неученый и уж старый, але з высоком школом американка! Не могло им того в голові поміститися. Гнівачо уж на Мери смотріли и сварилися. Ани на стриткару уж ей не хотіли дати...

— Покаль не найдеш дзябу, ани цента ти не дам — повіл раз Мері няньо. — До 18 літ зме тя ховали и одівали и тельо гроша на школу выдали, та ищы тепер ты будеме задармо ховати? — нарікала мама.

Нич не выходило, лем даде службы глядати. Часом и на службі у богатых може мой “лак” быти... Пустилася Мера за службом. Але и тоту барз тяжко было найти.

Аж зголосилася до якоїсї християнської організації, за котрої протекціом можна було достати службу у богатых. Коли тота організація дала письмо, свідоцтво, што дівча добре для служби у богатых, то мож было достати "гомворк" у богатых, а без такого писма не мож было достати. Достала Мера таке письмо и походила з ним по пару богачах, аж у єдних взяли ей робити "гомворк".

Барз тяжко треба было робити: 18 румов чыстити, начыня мыти, а вшытко мало світитися, бо то не так, як у бідных. А начыня было вельо. По каждой "парти" не мож было покончыти роботу. А платили за тоту роботу три доляры тыжнево.

Смотріла Мера на богатство, якого ищы не виділа: Перли, дияменты, золоты річы, дороги вазы, але николи ей не пришло в голову, скади они того богатства взяли, лем все ищы думала, коли то она буде такы річы мати, коли ей "лак" послужыт.

Ищы перешла пару раз из служби на службу, от богачов до богачов, але нигде не усміхнулося до ней тото счестя, о котром чытала в книжках. Як жебы дакто заклял!

— Уж певно на службі не мой "лак" — подумала раз Мера и позерала в газеты за иншом роботом.

Вычытала раз, што треба шумных, молодых дівчат для продаваня популярных товаров, без котрых никто не може обыйтися. Мож заробити \$30 и высьше на тыжден.

И чом бы не попробувати? Може тую мое счестя — подумала Мера. — \$30 то великы грошы, помогла бым няньови и мамі и самой бы мі остало. —

Пришла до офісу. Просятыся, ци отец, мати робит, ци мают даякий маеток, яку школу мае. Видно было, што сподобалася боссови. Казал ей прити завтра, же завтра буде "тренуваня", школа, як треба продавати, штобы продати и заробити.

На другий день Мера приходит, а там який дозин дівчат, котры пришли учытися, як треба продавати товар. Товар был розмаитый: Цигары, мыло, пест, розмаиты сокы, ажи якісы патентовы лікарства, перфумы и т. д. Дівчата мали ити по гавзах и так бесідувати, штобы ордеры достали:

"Вы, дорога лейди або сир, знате, який тепер час тяжкий, мой отец не робит, мати

не робит и лем тым жыеме, што я заробю. А як я не достану надост ордеру, то и я страчу дзяб. И што будеме втоды робити? Я знам, што ты не хочеш, штобы я стратила дзяб и штобы наша родина голодувала. Буд така добра, заордеруй дашто от мене! Такой товар наша компанія продае: Ту треба было вырахувати, який товар компанія мае.

От часу до часу босс придумувал иншу "систему", иншы слова. Єден такой сиділ в офісі, што лем придумовал. Така компанія мае свой "чейн" по больших містах Америки. Таком системом продае массу товаров. Дівчата достают процент от спроданых товаров. Тота веце заробит, што знае ліпше росповісти біду в ей родині, ліпше поциганити костюмера.

Мера слабый бизнес робила, бо не могла циганити. Бесідувала правду, што отец не робит, мати не робит, родина у них велика, істи треба. Зарабляла при такой правді ледво пару доляров. Компанія далеко ліпше на ней зарабляла.

Но єдна айришка на правду зарабляла по \$30, але знала добри цыганити. Хоц отец робил, то айришка зробила з отца крипля и з мамы крипля, так знала забесідувати, так знала промовити до сердця костюмерам, што все найвеце ордеров принесла и вшыткых збитувала, а босс ей за примір другим ставил. Она нашла свой "лак" ту.

А наша Мера не мала сумліня цыганити. И здаєся до смерти свого счестя, о котром чытала, не найде.

Тота айришка найде. Она всяди найде, а Мера не найде. Уж таке право на світі, што тоты, што цыганят, находят "счестя" на світі, а тоты, што не мают сумліня цыганити, останут без счестя. Ба, але то и цыганити треба знати. Часом Мера хотіла бы поцыганити, а якіси ей не выйде, познают по ней, же цыганит. А по той айришкі никто не познат. Зато она находит счестя, а Мера не може.

Біда з Мером и тота, што нияк ей до головы не приходит, што против цыганства и ошуканства треба боротися всім тым, што не можут и не хотят цыганити других.

Ваньо Гунянка.

Образки из Жытя

О Людской Біді

НЕ БОЙТЕСЯ біды, моистевы дзяди, Як вас біда глядат, то вас найде всяди!— жалостным голосом співал той Сидор Белей Постраханый и до такту хвіялися му помервены, як бы зо страху, до горы стоячы воласы и цибуляты, шыроко отворены, як бы в вічном страху, блідаво-сині очы.— До такту співанкы тряслася тыж суха, незмірної худости, на тонкой шыі, голова — до такту кывалося ху-де, костисте тіло, живе и пружысте. А як няньо так співал, до такту подтягали му діти, мала трілітна Зоска и малый, шы-рирочный Ваньо.

Не бойтеся біды моистевы дзяди,

Як вас біда глядат, то вас найде всяди!... пищали тонкыма, смутныма, дитинячыма голосами. А втовды в Сидорі Белей Постраханом стискалося, кырвавило и плакало сердце. — Сидор Белей был так худобный, же не лем в цілом селі, але и на околицу біднійшого хлопа не было. А ищы му жена умерла и діти сироты оставила. Сидор Белей ходил коло хыжы, як блудный. Кождой роботы ся імал, жебы лем діти выжывити, яко тако, ай в зимі кус огріти. — А сам такого дня не памятал, жебы был сытый. Не памятал такого дня откаль сам запамятал.— Бо родиче, ба, дідове, такы самы были бідакы, як и Сидор... — З такого мы проклятого поколіня!— думал Сидор Белей. Аж раз в осени, як вітер през шпары в Белейовой хыжы свистал, в Сидорі Постраханом дыргнуло сердце.

Вийт Николай Мудрый скликал хлопов на раду. Пришол и Белей и покорні стал за плечами вшитых. А было то пред вийтовом хыжом на луці в неділю пополудни. Вийт, в чорной чузі, в новом калапі, з палицом, посмотріл доокола, отсапнул и так ся озвал:

“Моистевы люде! Скликал ем вас ту, бо

мам вам дашто речы. Штефан Гавран перед смертьом офірувал корову тювну, гарду, красяту, кто выробит святого Николая — жебы го поставити при Ровнях, серед села на бережку, ниже Ванихы, при Петрі Пастушку.

Тото місце здавалося небошыкови найліпше, а мене, нибы вийта, обрал ексекутором своей волі...

Коли ту святой Николай стане, запроситя егомосця, што го посвятит. Небошык Штефан Гавран офірувал, на тоту фигуру святого Николая, здатну ялицю зо свого ліса. Уж ест заціхувана. Тоту ялицю ся зотне, окреше и привезе, але ци ест ту, медже вами, еден, жебы выробити святого потрафил?”

Никто ся не одозвал! Ктожбы ся порывал на таку річ. Виділи люде фигуры по церквях, при дорогах, на отпустах там и гев, як дакто даде был-смотріли на святых, ци на матер Божу, але як, кто, и где тото выробил, о том не думал никто! — Была фигура и дост!

Аджек никто ани мурк!

—Но— гварит захвальню вийт— корова шумна и тювна— А я сам додам до того два кирці груль.

Вийт Николай Мудрый был барз богатый.

—Я дам барана— озвался його брат, Фецко Мудрый, тыж богач.

—А я причыню корец овса! гварит Михал Голый.

—Я полкорця яруц!— крикнул Семан Бабей.

—Я друге пол!— вырвался Илько Дудана.

—Я паця на мотузку!— рюк Михал Мохнацкий.

—А я штуку полотна, бо знам, же го там баба ма!

—Я дам дуляра сріблом!— повідат Ваньо Кушварка.

— Є, та то не ты, лем тот, штос му го-взял!—засміялся котрысь, бо Кушварка был знаний, же любил потягнути и выциганити...

Засміялися и хлопи и, не хотячы, посмотріли вшиткы ку Старому Осифови Телехови, што го прозывали Мотыка. На десят сел в околѣ был найбогатший газда и не лем же на великом грунті сидил, двіста овец и пятьдесят штук грубого статку ховал, але з прадида, дида и отца, и з власной молодости, с крадежи мал мати бочку пінязи в пивниці, а тепер хотіл кус выполокати сумліня... Але и пышний бил.

Смотріли на него газдове, а Михал Гольй зазвідался:— А вы Телех?—

Я— гварит Телех, помалы думаячы, жебы то поважно выглядало, ажебы люде втишылися и зацікавили, яку то офіру Пану Богу ведля свого гонору даст— я, гварит, дам десят царских рублів!—

Вшиткы остопіли! Зробилося тихо як бы маком сіял...

—Но, кто ся чуе на силі зробити святого Николая?— звідуеся вийт.

Але никто не рюк слова, никто ся не чул на силі зробити фигуру, аж нагло, споза вшиткых плечы, трясучым якбы бідом выдушеным голосом, крикнул Сидор Белей:

—Я!

—Кто? Кто?—

—Сидор! Белей! Сидор Постраханый— отповідали...

—Белей? Сидор?— здивовался вийт.

—Я— гварит Белей.

—А здоляш ты?—

Белейови никто не двоил, бо был бідный.

—О! штожбы не здолял—повідат Кушварка, бо му кус жаль было Белея, же в такой біді жые, хоц го уважал за бортака, бо не раз го на крадіж нагварял, а Белей не хотіл.— Штобы не здолял? здолят!

—Здолят, здолят,— одозвалися дакотры.

Преця Белей вшытко пробуе! И за коваля и за бланаря и за дротара! Зробит!

—Но, вера, як кто ма заробити, то уж най бы заробил Белей—рюк Гольй.

—Гей!— мрукнул Фецко Мудрый...

—А вы— Телех, як гварите?

—Є, штож-бым, мал гварити? Най там ро-

бит, кто хце. Мі єдно. Тому ци другому дам. Як Белей зробит, то його!

—Но то знаш— гварит вийт— завтра зотнеме ялицу.

—А где волиш робити? У мене, ци коло своей хыжы?

—О, при своей хыжы, при дїтьох—стповіл Белей.

Хлопи были ради: Найперше были ради, же найбідніший, и то ищы такой страшный бідак ся вспоможе, подруге, же такой, што му и задростити нее што, а на конец вірили в Белеів талант. При том ради были, же то в них, во власном селі, такой ся нашол, што таку річ змайструе, же не треба по инных селах о такого ся старати, або ажи в місці даде поляка глядати...

—Ге, Белей бідак, але презто голову ма!— повідал Михал Гольй.

—Біда го вшиткого научыла— повідал Фецко Мудрый.

—На вшиткы способы—

—Ей хлопе, але оно го тота біда притискала, притискала.

От маленкости! Преця го виджу. Мі уж на штырнадцатый шло, а Белей такой хлопак в кошели літал, порток му выбачте, не шыли, бо не было с чога, а як му кто кус адзимкы або грулю варену шмарил до горы, то вповірю зымал, як пес...

Бо то страшні голодне все было а бідне.

—Но, але тераз ся отгребе! То шытко нич. За тоты десят рублів Телеховых, то сой и поле купити може.

—Баяк?! Купит, ищы кавал!

—Скончылася Белейова біда!

—Хоц добри зіст...

—То нич, лем же то Панбиг небошыка Гаврана так натхнул...

—Може! Але то, знате, и Телех добри робил, же крал; штожбы бідному дал?...

—Красти можеш, але дай! Таке ест Боске право.

—Ано, вера таке!

А Сидор Белей ходил, як пьяный, як бы в яком тумані злотом...

Корова, теля, два кирці груль, баран, корец вивса, два по пул корця ярцу, паця, штука полотна, дуляри— Сидор Белей сам пред собом выповісти не годен—десят Теле-

ховых рублів, десять рублів золотых, царських рублів.

Белей нігда срібного дуляра не виділ, не то золотого рубля — а мал достати таких десят.

Десят!...

Коли пришол до хыж, Ваньо и Зоска сідили на порозі.—

—Діти!— крикнул Белей — Будеме мати корову, теля барана, паця, два кирці груль, корец вивса, два по пул кирця ярцу, штуку полотна, срібный дуляр и десят Телеховых царських рублів!

—Діти!— Але діти не розуміли нич.

Перша Зоска завідала:

—Што будеме мати?

Але Белей уж не повтарял, што будут мати, лем порвал ей на едну руку, Ваня на другу и зачал то едно то друге цілувати и притискати до лица; на конец з велькой радости обернувся на пяті и заспівал:

Повідають люде, же я не мам поля,

На Червеном Вершку - половина моя!

И зачал сміятися, ногами цупкати, подскакувати, головою трясти, аж ся Ваньо розсміял, а Зося престашена, расплакала.

Белей шмарил ей на постіль, як п'яний — нич не уважал, же на вечерю зіл лем еден студений компір, бо веце для него не остало.

А вночы сніло му ся, же коло него такы великы карпелі роснут, же хлоп по них мусят на каракулях ходити...

И рано ищы веселый обудился, якосик не роздумал собі ищы, до якої роботи ся звіднал?

Гучало му в голові богатство, што мал достати, а позатым на нич веце не мал місця в голові. Ходил, як блудный коло хыжы, не іл нич, што лем дїтьом яко тако поснідати дал.—

Нагло, перед полуднем, пара гнідых вийтовых кони заіхала.

Привезли окресану ялицю на Святого Николая.

—Берже ся дораз до работы — повідат вийтв паробок и звалил трома пред хыжом Белейовом.— Вийт казали повісти, жебы то гнет было.

—Буде — отповіл Белей.

Паробок зложыл телігы, попривязувал

ланцы, сіл на сниці, цвікнул бичом по подручнім и рушыл, співаючы.

Ей откаль идеш хлопче? З долины от кони!

А хоцбы от дівчыны, ктож мі заборонит!—

Пришол Ваньо и пришла Зося и станули коло ялового трома. А и Сидор станул тыж.

Кльоц был окрутный, окресаный, олущенный, білый, свіжий, пахнячий.— И дивно, здавалося, як труп. Сидор уж тельо таких кльоцов виділ при будовах, тельо ся по лісах людям напрацувал,— и нігда ся му кльоц не здавал так мертвый, як тот.

Хтіл го ногом рушыти, але ся цофнул, преця то мал быти святыи Николай. Доткнул го руком, здал му ся зимнійший, як иншы, якы нераз дотыкал.—

Зобрал го якоси страх аж го затрясло.

—Нема дивоты—подумал—тот то святыи. .

Смотріл Сидор Белей на трома и зачал собі вспомирати, где яку святу фигуру в церкви виділ.— И припомнул сой молоды літа:

—Ани так не иде Тиса ани Дунай

Як то дівча иде - кед го веде шугай!

Ваньо и Зося смотріли на ялицю, як на диво, аж Ваньо звідался.

—Няню - Што то?

—Святыи буде—отповіл Сидор.

—А што то святыи?

—Святыи,— дзецко,— то святыи!

—А — повіл Ваньо; якбы зрозуміл.

—Няню!—одозвалася Зося.

—Што дитя?

—Істи!

—Істи?—А ту в хыжы не было нич. Пару груль варилося на обід, але ищы суровы были.

А веце не было нич.—

Взял Сидор Белей Зосю на руки, притиснул до себе, а горячы слезы вытискалися му з очы.

О, мое бідайство! Знаш, в том тромі яловом маіток лежыт! Уж не буде Зося нігда голодна, не буде ей нігда зюю, приодіта буде! Нігда! Нігда!—

И заплакал з болу над бідом своих дітей. .

—Няню плаче— зауважыл Ваньо.

—Плаче— повторила Зося.

А Белей поставил Зосю на землю, скочыл до хыж, выгребал десик кавалок адзимкы,

дал ей до руки и дале смотріл на кльоц яловый.

Смотріл, смотріл, и не виділ нич!

Жебы лем вийтов паробок заспівал!— Як лем чул здалека голос, здавалося му, же не так страшно з тым святым спячим в яловом кльоці.

—О, ту ест святой Николай в том тромі, але як го достати?

—Гм! треба буде так само зачати, як зо жолобом або з лавом под стіну... Одміряти и робити...

—Ба — але як?

—Жолоб — то жолоб, а лава — то лава...

—Але ту треба голову, руки, ноги вытесати... Треба вытяти очы, нос, гамбу... А ищы то не хоц-як, бо то у святой особы, и кед бы то лем хоц який святой, але то перший святой з самого переду.

То тельо праві, што и святой Осиф, а не який там Асафат...—

И клякнул Сидор на коліна, знял калап з головы, прежегнался, и на голос зачал молитися:

—Исусе Христе, Сотворителю, допомож, жебым с того трома святого Николая выкресал! Амин!

Потом встал, одгорнул волосы с чела и шепнул сой:— Не Святы горці ліпят лем люде.

Вошел до хыжы по соқыру, по свердлик, долото и пилу, по вшытко знаядя, яке мал, бо сам не знал, што му до той работы потрібно буде.

На обід скочыл грулі отцідити и дитьом дал, а потом кресал, тесал, пилом різал, мірял карбувал до заходу сонця.

Змордуваний, ззяяный — шмарился на постіль.

Оприкрена бо оприкрена работа, але добрый конь рушыт и найтяжшу фуру сіна... А зрештом як мус, то мус!

Ваньо и Зося спали притулены до себе. Ваньо заснул з надгрызеным компером в малой ручці.— Лежали діти скулены под діравом плахтом. Ноч была зимна.

Зняд зо себе Сидор Белей гуньку, коротку білу гуньку, бо иншого не мал нич, и поприкрывал ньом діти.

Сам зостал в сердаку.

Але позднійше знял осторожно гуньку з

дітей и прикрыл их сердаком, жебы им было теплійше под волном.

Зачало му ся дримати, а ту діти рушаються. —Ваню! — шепче Зося.

Ваньо спит.

—Ваню! — шепче Зося голоснійше.

—Што? обудился Ваньо.

—Дай мі тоту грульку, што ей тримаш в руці.

—Добри — маш...

—А я ти дам з ней половинку.

—Добри — дай!

Сидор Белей заткал уха руками и отвернул твар ку стіні. Сердце! Вытримай! сердце! стогнал. Заснул твердо, нич ся му не сніло; пред свитаньом обудился, клякнул, пацери выгварил, омился, знял деликатно сердак з діти, бо на дворі холод был, а гуньком зас их накрыл, трісками запалил в пецу, сніданя заставил и дораз до роботы ся взял.

Мокрый кльоц от росы шарился в ранішней мглі.—

Густа мгла присіла, збералося до дощу, уж покус ситило. Але Сидор не зважал на дощ. Хватил за соқыру и дале ведля знаков, што навыверчал свердлом, зачал цюпати.— Слота зачыналася поволи, якто звычайно бывает, переходила в лій.

Але Белей цюпал дальше.

Аж, на порозі, станул Ваньо в кошелі и зачал кричати: Няню! няню! Так дощ ліе, подте до хыж!

А за ним выхылила головку Зося:— Няню! так ліе, подте! Але Сидор лем ся усміхнул до діти, руком им кывнул, жебы ся цофнули с порога. Рубал, тесал, а до святого Николая ся молил, жебы тот лій устала. И од полудня якоси вітер хмары порозганял и сонце зъявилося на небі. Велька радость и охотахватила сердце Белея. Небо ся вытерло, сонце вышло, святой выслушал его просьбы и выпросил Боску Моц о погоду.

Хоц вода текла зо Сидора, різал и пилувал з дубельтовом силом. Уж почало выходити штоси з того кльоца, што му ся здавало, же то голова святого.

И зышло ищы два дни, аж под вечер на четвертый день святой Николай был сконченый. Так оно ся здавало Белейови. Требало го ищы помалювати, але то глупство. Волосы на біло, бороду тыж на біло,

бровы на сиво, очы сивы, лица ружово, варгы на червоно, одіня на фіялково, руки и ноги на оріхово.—

Дораз зрана піде до вийта по грошы, а накормившы діти, до міста по фарбу скочыт.

* ** *

Той ночы мал Сидор Белей крас сон. Снилось му ся, же святыі Николай, през зелену, квітисту луку ишол, и двое его діти за руки провадил. Ваня по правой стороні, Зосю по лівой. Діти до него усміхалися, а зас святыі Николай гладил их по головах.

А сонце таке было ясне, же такого сонця Сидор нигда не виділ. Была то неділя тиха и погодна. Ишол святыі Николай з дітми през луку, што раз дальше, што раз выше, аж ку облакам, ку ясным, и зникнул деси в хмарах.

Збудился Сидор Белей, охотный и веселый.

Наказал дїтьом, жебы от хыжы не отходили, повіл им, где мают наварене ідо и пишол до вийта.

—Слава Иисусу Христу!— озваля Белей и знял покїрно калап.

—Слава во вікы— Но и што там? зазвїдался вийт бычым голосом.

—Святыі готовый. Пишол бым по фарбы до міста.

—А вера! О фарбах ем чысто забыл! а кельо то треба?

—Ци я знам? Треба жовтой, білой, сивой, фіялковой, червеной и оріховой. Дасиш фарб треба.

—То дуже.

—Є, та хоцкы лем на оріхову на одіня.

Вийт сгнул до калиты, добыл три коруны, дал Сидорови и гварит:

—На маш, а як дашто зостане, то вернеш!

—Ано так! Зостанте здорови! поклонился вийтови низко и пишол вперед себе.

Накупил фарб, яких тра было.—Голод му кышками крутил, бо сой с хыжы нич не взял, а хоц му зостало дві шусткы и три грайцары, не сміл вийтовых пїнязи рушыти. А в місті было тельо обарянцив, цясток, бомбонів для діти! В том самом склепі, где фарбы брал. Три разы Белей улицом выходил и три разы вертал! На конец не мог преламатися и купил дїтьом бомбонів за три грайцары вийтови.—

Постановил, же вийтови повїст, и же му

верне зо заробку за святого.— Цїлу дорогу о том думал, а коли на подвірю пред вийтом станул, бракло му отвагы, и не повіл.—

Вийт попризерался на фарбы, покывал головою, одобрал решту грошы, дві шусткы, але же виділ на Сидори замїшаня, зазвїдался:

—А кельос дал?—

—Дві коруны и три шусткы.—

—Не циганиш?

—Нїт...—

—Я ся там зазвїдам у Мошка на другу пятницю в ярмарок—рюк вийт.

Белей ся кус затряс, але скоро подумал, же до пятниці уж буде мал грошы за Святого Николая, З грайцары верне вийтови, а ищы му и палюнкы поставит, и залагодит го.

—Но уж ид— озваля вийт думно, и отвернуля.

—Зостанте з Богом!— повіл несміло Белей.

—Боже провад!

Нїт! нїт!— Як то Зося вытягне обі рученята до тых бомбонів—як Ваньо ся втішыт!

Нїт! нїт! Най там буде, што хоче, ліпше зробил же купил.

Преця не вкрал лем пожычыл... Верне—ищы вийтови палюнкы заплатит.—

То так буде аж с процентом—ищы з яким! И вытягнула Зося ручки до бомбонів и втішылся Ваньо.

—Добры— гварит Зося—

—Солодкы— гварит Ваньо.

—Няню, то бомбоны?—звїдуеся Зося—

—Ци то ся сіє, а потом росне?—звїдуеся Ваньо.

А Белей все им давал и давал, аж в паперыку нич не было.

—Нее вецє? звїдуеся Зося.

—Няню, дайте ищы!—просит Ваньо.

А коли Белей пишол до сусїда пожычыти пару горнят варити фарбу— Зося повїдат смутно:—“нее вецє”—а зас Ваньо гварит: “Треба было два, або пят посадити, тобы на другу яр выросли...”

Белей вернул з горнятми, заварил фарбы, и на другий день аж до вечера малювал святого Николая. А погода была акурат шумна, же святыі высох на дворї.—

А коли уж фігура до знаку висхла, втовды Белей пішо до вийта ознаймити, же роботу покончыл. Было то в середу, а на другий день, в четвер, выпадало свято, и вийт обіцял прити, обызрїти святого.

И, пополудни, вийт, з найповажнїшым газдами, вошел на подвіря Сидора Белей. Кльоц вытесаный з ялиці, нибы святыи Николай, стоял на округлой подставі, што му Белей нароком спорядил.—

Посмотріл вийт, посмотріли иншы газдове и нагло розсміялися вшиткы здоровым, окропным, коньским сміхом...

Сміялися, аж ся им калапы трясли.

Мудрый, Телех, Кушварка—сміялися голосно и широко....

А зза порога хыжы, зза вхыленых двери, выздріли ку ним прешрашены и здивуваны Зося и Ваньо—и зас ся скрыли.—

Як ся уж газдове нареготали до сыта и поправили ремені, зазвідал вийт Белей, блідого як труп:

—Што то ест?

Белей, як ся зачали сміяти газдове, найперше не розумід нич, и перший сміх уважал за добрый знак.—Але тепер зрозуміл документні.

—Штож то то ест?—повторил вийт...

Напротив тугых, добри отхованых, грубых газдов, под високом фигуром святого Николая, стоял малый, мизерный и худый Белей и тряся на цілом тілі.

—Што то ма быти? третий раз повторил вийт грозно.

Белей хтіл штоси повісти, але му голос застряг в горлі, рывкнул лем, як німый.

—Што, цис скаменіл, ци што?!—рыкнул вийт.

—Гадай ту дораз што то ест?!

—Святыи Николай—выцідил Белей.

—Яловый кльоц помалюваный, не святыи Николай, сомаре еден!—гукнул вийт. Де пінязі—штом ти на фарбы дал? Што?—То ем ти на то дал—жебыс нима яловы тромы фарбувал, га?!

Белей зо страху корчылся пред вийтом...

—Змарнувал ес Гавранову ялицю доцяп!—одозвался вийтов брат, Фецко Мудрый.

—Тоту, што небощык на фігуру офірувал.—повіл Голый.—

—Пошто порывашся до работы, як ей не розуміеш?!—кричал Мохнацкий.

—Басаркутя! Просил тя кто о то?—крикнул Дудана.

—Гей! Гей! Просили мы тя, говедо, гамане еден, голово сомарска?!—гучали хлопци.

Сидор Белей тряся зо страху, бо думал, же го будут бити. Тоты самы люде, што з охоты офірувати хотіли вивса, груль, ярцу, барана... Белей посмотріл на Телеха, бо тыж был в куті, посмотріл на него милосердно, жалостно, як кот, што го хлопци псам хотят шмарити, бо Телех не сміялся, як иншы. Але Телех сплюнул:—тфу! отвернулся и пішо дохыж.

—Но што буде?—озвался Фецко Мудрый.

—Штож бы было?—отповіл му брат, вийт.—Белей ялицю заплатит, грошы за фарбы верне, врубатся иншу ялицю в Гаврановом лісі, и дастся до міста святого зробити. То мусит быти, як амин.

—Мусит!—загучали хлопци!—Воля небощыка свята річ!

—Гей, Гей! Воля небощыка в дестаменті стоит!

Белей смотріл то на газдов, то на святого Николая и світ му ся в очах обертал наоколо. На конец, повідат:—Якже я вам ялицю заплачу? С чого?

Не змякли хлопскы сердца, але задумалися их мозгы.—

—Но правда,—повідат Голый.—С чогож заплатит? коли дзяд!—Вера, потвердил Семан Бабей.

А втовды вийт Николай Мудрый завьрокувал гонорні:

—То нич! Отробит то вшитко у мене, ай за тоты грошы, што на фарбы взял. А тераз буд здрав, дзяду! Шкода часу!—

Втовды мала Зося высунулася з за угла, з бомбоном в гамбі, котрый на несчесті деси нашла...

Вийт виділ того,—и руком показал на дзецко.

—Смотрте-ле хлопци!—Белей бідак, бідак—а його діти бомбоны жрут.

—Га—отвернулся нагло ку Белейови га!—Ци то не за тоты грошы на фарбы, га!—

Белей здеревяніл.—

—Смотрте як зблід!—кричал дале вийт.

Гадай— откаль ес взял на бомбоны дітискам?!
Белей ани слова не годеи был повісти.

—Но, откаль?! от фарб? Сякіст една! Кельо ес вкрал?!
Нагло вийт, не знати з какой причыны, змінил голос, перестал кричати и повіл с повагом.

—Но, кельос взял, то твое. Лем мі уж до роботы не ход отрабляти— жебыс мі ишы дашто веце не потягнул!...

Втовды Белей хватил вийта за ногы:

—Пане вийте, пане вийте, скомлил—на раны Христа! Нич ем не взял, лем три грайцары! Най мі даруют, най ся не гнівають! Тит мои діти ишы нигда бомбонов в гамбі не мали, лем тильо, же у инших діти виділи. Най мі пребачат, преця я нигда злодійом не был, ани не буду...
Пане вийте! преця мате діти и знате, як то ест?— Дзецко—то дзецко!... Кров быс му дал спод сердця... Пане вийте, я тоты три грайцары отроблю дубельтово...
Але гордый вийт отвернулся— а за ним

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

и други газдове, же то з вийтом тримали. И одышли.

А Белей зостал клячучы при яловом тромі.

Руки зложыл, як до молитвы, голову похылил ку земли.— Долго клячал!

Аж Ваньо звідуеся: — Няню, а што тоты хлопи тельо набесідували?

Белей ошаліл. Як был без калапа, без гунькы, зорвался— и летіл просто в ліс. Не уважал на потоки, на горбки, на камені, лем гнал..

Гонила го жалость и боль... же го зас будут поневірати, як дзядя— же зас буде го дусила біда, голод и холод.. А діти, діти, неодіты— завсе голодны— смутны, найбіднійшы діти в селі...
Нагло Белей упал на землю не долетівшы до ліса— з згрызоты сердце му пукло— упал мертвый!... Поховали го на кошт громады.

В Белейовой хыжы остали дві сироткы.

З гуральского переоначыл

РУСЕНКО.

Закопаный Талант

Кермеш.

ОНЦЕ сідало за ліс, за Гомольом, остатніма своима лучами освічало лем верхкы гор. На село легла тїнь. Звуки вечерного звона замолкли. И остатни люде перешли уж на вечерню.

Каждый днес старался быти на вечерни, бо лем раз в році може видіти тоту отправу— тот парастас, што при вечерни, на кермеш, правлят егомості за помершыма егомостями при той церкви. Зато каждый старался вытягнути своих, хоц и пняных, кермешников.

Як уж мала вечерня кончытися, наш егомость позвыносили з поза олтаря всякы блескучы церковны річы и розложилися з нима на тетраподі серед церкви. А потом вышло пятох егомостьов в блискучых ризах. Поставали в коло, и як зачали співати и кадити зо всіх сторон, та аж люде чудувалися, откаль они такы крас голоса мают. А еден меже нима был такий молодіцький

и шумный, што Боже-га. Волося высоке, чорне и кудеряве, лице здорове, румяне, а борода выголена, просинява, аж мило было смотріти.

Вдова Мелька Крилиха стояла на самом порожку, поперед баб. Слухала она жалобного співу егомостів и призералася по них. Не вытримала... Заболіло ей штоси коло седця, обгорнул ей жаль, и расплакалася голосно. Обступили ей бабы, але она закрыла твар фартухом, внурилася ку земли, и ишы сердечнійше заплакала. За ньом почали хлипати и други бабы.

Никто не знал причыны Мелькиного плачу. Кумы и сусідкы ради бы дознатися, але то было трудно. Люде лем догадувалися и на всякы способы тлумачыли си. Бо чом бы не мала плакати? Три рокы тому лишыл ей небошык Максим, ишы молодом вдовом. Найстаршого сына мусіла оженити молодым,

неполнолітним, а два молодшы роблят при газдовці. Зато єдны не чудувалися. Другы думали, же за небошыком егомостью, што змерли тому два роки, а з Мельком в сусідстві барз красно заходилися. А тепер егомості своима співаючыма голосами, раз за разом выпоминали их имя. Треті зас перешептувалися, же ма жывана невісту, и же сын ей бе. Но напевно никто не мог повісти. И ей свахы, Марина и Орина, хотіли от ней самой почути, чого она так рос жалилася.

Причына Мелькиного Плачу.

По вечерни пришла Мелька домив. Розобралася з недільных лахов, вышла под стіну коло дороги и сіла на лавочку задумана. Ни отталь ни оттамаль присунулася к ней Орина сваха и сусідка Марина. Пришли они зо своєю бабскою цікавості дознатися дашто.

Не сміли одраз звідатися, зато зашли бесідом далеко, так, же пришло до того, што Орина звідалася:..

—Але вы чогоси свахо сте днес расплакалися, аж людьом ся вас жаль зробило, а Улька с под берега и веце баб расплакалися за вами. Та чого сте так плакали?

—Боже!. Боже.— Прорекла Мелька плаксивым голосом, а слезы покачалися лицом. —Яка то радость видіти матери свого сына в ризах, при олтарі. Днес, як поставали разом — як золото.. А як заспівали.. Ой.. Жебым так могла як не могу, мусіла бым дати єдного вивчыти. Остатню кроплю своєї крови не жалувала бым. Была бы пред Богом заслуга и перед людми честь. Уж бым спокійно и умерти могла, лем жебы хоц раз видіти свою дитину в ризах перед престолом.— И зас на голос расплакалася.

Перегваряли ей бабы. Втихомирилася на-конец и зачали бесіду о иншом.

На самом примерку, дрындом зоза угла, вылетіли уці и коровы, втікали они перед выстрілами бича. То Митрусь, наймолодший сынок Мелькы, пригнал коровы с поля, а порожне цідила перевішене през плечы висіло му по коліна.

Лишыла Мелька бабы, а сама поспішыла помочы повязати Митрусьови коровы.

Мелька скорше повязала на своєї стороні, перешла до Митруся и, при жолобі, обняла го мощно и поцілувала в чело под самыма волосами. Давно го не цілувала, што аж Митрусьови чудно ся зробило. Вырвался ей з рук и вылетіл на двор.

Днес Мелька была преполнена новым духом. Она постановила штоси зробити. Никому не повіла, лем роздумувала..

Мелькина Постанова.

Ноч была ясна и тиха. Легкий вітер шуміл пожовклыми листками на деревах. До села доходил лем глухий виск сов з недалекого ліса. Місяц с под стріхы зазерал през выгяд до хыж. Старалася Мелька заснути, але не могла. Встала она серед ночи, сіла на лавці и без выгяд призералася на місяцом освічену обору, а мысли, што раз то новы, родилися в ей голові.

Поперед очы привиджал ся ей Митрусь в яскравых ризах при престолі. Такой молодницький, як и тот, што днес был в церкви, с кучерявым волосьом. А голос у него красчудный, чує його співу, а люде чудуются. Видит Мелька, як во сні, славу от людей, на сердци облекшыня и боский спокій на свои стары роки..

И лем жаль ей робится товды, як озрится на Митрусьову постіль и видит го не в ризах, а маленькым, обдертым, с позбиваныма пальцми хлопцом, што спит собі спокійно и не снієся му нияке чудо, ни кадила, ни клєбанія.

Хотіла бы го ищы раз обняти, стиснути и поцілувати, але жаль ся ей робил будити страпленого от літаня за коровами хлопця.

Уж на рано можна было зараз познати, же Мелька не тот, што перед тым. Митрусь уж не будила перед доиньом, лем прикрыва го, бо ся скопал. Подоила коровы и збудила го уж на переварене молоко. Перший раз Митрусь ишол на поле по теплом сніданю. Помогла му обути ся; от днес цідила было полніше, точанка на масло векша и бундз брындзі векший. И днеска перший раз Митрусь выгнал коровы зо стайні найпозднійше.

Такой перед полудньом зімала Мелька найтукшого когута и загородами понесла

до учителя. Оповіла му о своем намірі, дати Митруся до высших школ, и просила жебы учитель старался ліпше о Митруся, як о другы діти, и приватно го учыл, а Мелька зашпаруе зато для него каждый тыждень літру масла, и дашто доплатит.

И дакой днес перший раз перегварилася зо женатым сыном о сплату для Митруся. Мало им до сваркы не пришло.

О пару дней Мелька побесідувала през плот з егомостью. Похвалили ей егомость за ей мудрость, а як буде в школах, егомость обіцялися дати всяку пораду. И учитель и егомость учыли ліпше Митруся, але Митрусь все меньше знал, як другы.

Приготовлялися уж в домі Мелькы цілый Божий рок, складали, ошаджували, лем жебы пришпарувати, бо по вакациях Митро иде до школ. По Петри выпровадили пару волов на ярмак, на покритя першых выдатков. З великым трудом наконец далося усадовити Митра в місті, в "украинской бурсі." Выдали великы грошы одразу на всякы покупкы и оплаты. Заплатили за книжки, студентске убраня, и станцию з горы заплатили и ксендзу настоятелю што-си вштурили. Потом почали старатися о новы грошы. Братя ходили до ліса. Цілу зиму пересідили в лісі. И с приховку продавали што могли. Доносили до бурсы и свои харчы, але все бракувало, все мало было, хоц в домі Мелькы з рока на рок што раз пустійше ся робило, и все больше усиловалися в роботі. И недостаток в домі уж отчували.

Митро в Школах.

Планно учылся Митро, барз планно. Рок рочно все клясы дубельтувал, а оправдувал себе лем тым, же його палят в школі прото, же руснак, а до того бідный, не ма чым подсмарувати себе в школі, не ма за што достати ласку у профессора. То было што до его жытя в місті.

Але на селі, в студентском мундурі, уж был не тот, што другы діти. Тото зараз каждый мог зауважыти. Уж кус панячо бесідувал, инакше як люде в селі, инакший рух собі виробил и инакше ходил, як ходят на селі. Тоты його признакы паньства веце тішыли родину Митра, як його поступ

в науці. Мелька, коли Митро пришел на свята або вакации, лем за ним позерала, где и як он иде, як поносится, як бесідуе. Як другы діти го обступили, то Мелька кликала сынов и невісту призритися и поровнати, яка разлица меже ним а другыма дітми, а сама в души оцінювала го, як оброблений диямент меж не окресаным каминьом.

Чудувалися на него люде и хвалили го. Мелька не мала векшой радости, як дакто зо стороны го хвалил. Цілу родину тото побуджало до двиганя труда, до дальшого терпіня, жебы лем удержати го в школі.

Бо лем си подумати о том, же деж-то друга дитина може? А Митро и на клебанію мал уж претенсию зайти, и с почтаром побесідувати, и шандаря не боялся. З будь-якым паном побесідувал, а пан з ним. Наш егомость, отколи Митро почал учащати на клебанію, плекали надію на Митра, бо у них были дівчата. Може ся запознают и даколи, кто може знати?

И бесідували егомость з Митром на всякы темы. Радился раз Митро, где, як, и чогу ему треба бы ся было чепати. Раили егомость, же найкрасше для него буде, як по окончению гимназии поступит до о.о.Василиянов в Жовкві, на практику. До того не могли перехвалити того міста и дуже му о Жовкві оповідали, якы там монастыри и якы церкви. Єдна ест чудова церква малювана в чысто украинском стилі, взорами крестиковых вышивок. А иконы святых малюваны в украинском народном строю, з вышивками.

Не сміл Митро звідатися, ци свята сут малюваны в шараварах козацкых. А егомость лем так не выразно повіл. О той самой церкви росповідал Митрови и настоятель бурсы, тот маленький егомость в окулярах. Тот настоятель выучыл Митра цілой украинской истории и культуры, о значению и силі католицкой церкви, и для Митра заперенумерували массу всякой литературы, журналов и газет, с чыстых украинскых "джерел."

Єдно, што гнівало и злостило Митра, то вакации дома, бо не было нияк раз рады кому с коровами ходити и мусіл лем Митро, а то встыд студентови гнати худобу! Воіл под землю запастися, як встрітити даякого

пана, коли сам гнал худобу. Та уж, што было робити, годился навертати на поли, але жебы мама або дакто выгнал за дорогом. Зато на едны вакации не пришол домив, лем просто з бурси поїхал з другим студентом, ксенжым сыном, деси в другу околицю, а потом прилучылися до якоїси громады українских туристов-шкарлятников. При той громаді стратил Митро остатни сліды свого жытя в селі, стратил совсім тото огниве, котре вязало го зо жытьом його родного села. В часі тых вакацій отвязался от жытя свого народа раз на все.

Гляданя Міста на Будуще.

Ажи в святом писмі деси стоить, жебы на всяку річ уважати, жебы уважати на талант, же як дакто хоче го откопати, мусит знати як, бо як не зна, то ищы глубше закопат. Здавалося и Мелькі, же Митро, через свою науку, выробит свой талант. Найліпшым талантом она уважала лем священника, зато не позволяла Митрови ани думати, ани не дала розвитися Митрови по його таланту, по його волі и здобности, лем все наводила го мысліти о духовном стані. Зато з Митром сталося так, як стым талантом, котрый откопують, а не лем не откопають, а ищы глубше закопають.

Мал уж Митро 6-ту ци 7-му клясу гимназии. Як раз в тоты часы нашы села на Лемковині почали переходити на православную. Уж велика част перешла и рух робился дальше. Роздумувала Мелька, якбы ту поступити з Митром. Бо она лем егомостью конечно хотіла видіти свою дитину, бо и во снах виділа го егомостью. И то, жебы был в наших горах, меже нашыма людми. Страх был, як ту ціла Лемковина перейде на православную, то Митрови и парафия розорвесе и боротися буде мусіл з народом и жытя буде му тяжке.

Друга, не менше важна річ, то нове розпоряджыня епископа Коциловского о безженстві священников, т. зв. целибат. Перестал высвящати женатых богословов. Тото не подабалося найбарже Митрови, бо он чул себе здоровым чоловіком свободной волі, не хотіл безженством змарніти свое жытя. А и сам наш егомость, лем зачудувалися на

тото, уж не знали, што дораджати Митрови, бо Митро был гет залюблений до паннусі...

Пришол тепер на вакации домив. Вшыткы радили дома, як мають поступати, Митрови почали гніздитися всякы мыслы в голові. Передумал пару неділь над тым, але не мож было нич придумати, ани ниякого выходу найти.

Єдною похмарной неділи додня выбрался Митро зо старшым братом до Перунки, бо там мал мати службу православный батюшко. Хотіл Митро посмотритися и затягнути да-яких информаций.

Отправа была под сливком; дробный дощ ишол. Люде помокли. В часі службы взял Митро чытати-вірую, и штоси инакше, не по православному прочытал. Озрился на него бородатый батюшко и штоси остро пробормотал. По дорозі домив оповіл брату, же они не вірят в тоты вшыткы догматы, якы узнае католицка церков. Правда, и сам Митро не розумілся на догматах, засадах вір. Он знал лем, што значыт слово "догмат," але так го научыл настоятель бурсы, так писали и тоты газеты, што за Митровы грошы для него выписували.

Дома Митро на розум заявил родині, же он не буде по под сливки отправляти, ани бороду носити и православным не може быти. Та и решта всі дома признали, што православны не мають такой высокої науки и повагы, як католицкы. Он мог на православного ити с третьей клясы, а не з шестой. Шкода тепер принимати по тилькой науці и труді посаду такой низкой позиции. Біда лем тота, же в науці приходило Митрови уж дуже трудно ити в гору, а с финансами уж были доцяп вычерпаны.

Але обрадили ищы дальше пхати што сил и што буде най буде. Взясся Митро за книжку, жебы ищы пробувати щестя. Може удастся перепхати матуру, а богословскы школы уж му не страшны. Уж брали домив прати и прасувати, жебы не платити в місті, и хліб доносили и дырва, и нагороды лем в натурі довозили.

Мал едну способность Митро. Велику способность, котру, якбы не мама, Митро старал бы ся розвити; а то тоту, же любил співати, бо и голос у него был сильный и звучный, и добрый слух в музиці. Коли чытал в цер

кви апостола, то люде напружено слухали а родина и близкы кривны слезили от радости, який то з него крас егомость буде! Аж шыбы в церкви звонили.

Раз был в церкви, под звоницом, диригент містового хору и чул його голосу. Коли вышел с церкви, звідувался, кто то так красно читал апостола: — Тому чоловіку — гварит — треба ити на музичный университет и може потом співати в опері, або по радио и може мати добрый кусок хліба. Такы голоса трудно встрітити.

Тішыло тото Мельку, же пан так выразил ся о ей сыні, але не припустила го до хыжы, жебы не перебунтувал Митра, бо так служыл бы лем людом, а не богу.

Просьба о Помоч.

Знаме, што уж не было чым платити за школу и утриманя Митра в місті, уж и долг затыгли. Мала Мелька в Америці брата, и не было способу, лем звернутися о помоч до него.

Казали самому Митрови написати лист, же як будут видіти в Америці красне письмо Митра, то скорше поможут. Написал Митро, як казали, и прочытал. Не барз тото подабалося братьям, бо написал килька слов такых, што николи в жытю их не чули и не знали, але Мелька стала в обороні Митра и гварит:

—А вы што думате, же он буде так писал по просту лист, як Вы? Тот лист написаный по мудрому, най иде так, як ест.

Роспечатад брат в Америці письмо от родины с краю и забылся на него, бо кромі пару незрозумілых слов, было при остатку дописано дословно так.

—Як що бажаєте видіти українську справу на Лемківщині піднесену и желаєте, щоби ваша родина була очищена від кацапщины, и щоби українська справа и культура покрила карпати, то не відпирайтесь помагати всіми зусиллями нашому студенству у старому краю, до котрого то студенства належу и я, ваш сестринок...

Роздумал дост уважно брат и написал зараз письмо, же он с охотом готовый помочы, але жебы не на ксендза, а даякой другой професии учылся, бо приміром, ту в Америці, столько ксежи ест, што не мают

уж што робити и занимаются простым шпекулянством; думам, же и там их ест дост, аж за дуже. А и украинской культуры нам не треба, она далася дост нашим людом во знакы в 1914 року.

И як ся згодите на то, дайте знати, а я буду старатися помочы.

Зблід Митро, коли тото письмо му подали. Не отповіл нич на него, лем без відомости родины отписал уйкови пару терпких слов, же он не даст за москвофильскы грошы запродати себе. — Тилько Митро знал и тилько отписал.

Не помог Митрови никто из украинскых патриотов, хоц за их справу стоял... лем Мелька затыгла нову пожычку в селі.

Митро Священником.

Не было другой рады, лем ити зас до школы и добитися "парафии." По тяжкых клопотах з обох сторон, Митро достался на богословскы науки. Перечыстили Митра на ново из москвофильства, як през решето. Звідувалися го, ци далеко його село от Чорного або Королевы Русской? И ци часом не ходил до Перункы?

Митро не признался до ничего и вывзался з "мовы" и з "идеи" превосходно. Потом, по пару роках, высветили го, яко целибата и достал маленку парафию на Лемковині. До помочы в его жытю якисый комитет при консистории, обовязково предложыл взяти ему до вареня дівчыну из сиротинца, зо Жовквы.

В початках жылося му дост не згорше, покля село не перешло на православие. Тепер аж загоріла в селі борба и ненависть. Збытки и напасти доходили до того, што в вечер на селі страшно было показатися. На клібаніи по ночах не могли спати зо страху и світили цілыма ночами.

Взял Митро до себе и свою маму, до помочы господині. Сама просилася, бо дома не могла вытримати. Найстарший сын сварился, же на Митра выдал и вытратил вещь як ведля няньового тестаменту належалося, а вшытко през Мельку.

Хотіла бы Мелька, жебы хоц раз пришол Митро отправити до своего села службу, жебы свои люде го виділи, але он не мог при-

ти, все был занятый, та и господня му не позволяла.

Плакала Мелька нераз, горко плакала при той своей исполненной надіи, котру ждала кильканадцет роков годину за годином и на котру вынищыла все свое майно и других при том окривдила.

А чога плакала дознамеса на остатку.

В Брунарах на Отпусті.

Люде грабали овсы под Полянками. Путьом, через село, переходили люде з білыма тлумаками на хырбеті. Василь Привязка вязал снопы, позерал на путь и звідался свого дівчате, што то за люде торочатся путьом от самого рана?

—Є, та не знате, же позарани Спаса. Отпуст в Брунарах. Сам епископ має быти. А тоты люде аж от Ясла, уж пару дни на перед идут на отпуст.—

Чул Василь, як тамтого линского року пришли люде з брунарского отпусту и сміялися. Сміялися зато, бо был там епископ Коциловский, и в знак своей миссии обіцувал людом по 25 и 30 дней отпусту, кто обовязуеся бесідувати каждого дня до смерти — Богородице Діво. Казал тым поклякати, але поклякали и тоты, што не обіцувалися гварити. Не хотіли быти горшы як другы.

Розуміеся, Коциловский был рад своим успіхом, а люде сміялися з него. Зато Васильови чудно ся робило, як то епископ учена и велика особа, може зо себе такого блазна встругати перед простым народом. Не ходил николи Василь по отпустах и не мог собі выобразити, якто ест на отпусті, и епископа ищы не виділ, хоц мал уж веце як пол копы літ. Заран он мал быти в Брунарах: Иду посмотрити на отпуст — постановил Василь — и переконамса сам, якто може быти.

Рано, на Спаса, взял Василь хліба и бундз брындзі и пустился през гору на отпуст призритися, што то ся там робит и водит.

Гнет, як сонце зышло, Василь увиділ верх брунарской церкви. Звольнил крок, бо за короткий час нашолся под стінами церкви. Народ шенітался зо вшитых сторон; шопот подобный до шопоту пчол, котры рано вылітуют в поле. З ярмаку доносился крик

и проклоны. Пороззерался Василь коло церкви. По под дерева на креслах сидіи егомості в ризах и сповідали. Василь сразу зауважыл якуси отміну. Де сиділ старый егомость, лысый, в старых ризах, не было при нем никого, дримал и от мух ся оганял. Лем діти зоза дерева на него зазирают. Але коло молодых з кудерявым волосьом, в блескучых ризах, велика тизба: и стары и молоды, ани не може дати си з ними рады.

Епископа того року не было в Брунарах, а парохом был той самый егомость, што як был в Рыхвалді на парафии, то повідал, же як шапку найде з лемка, та буде бити:

Васильова Несподіванка.

Сіл си Василь на мур, же поспідат дашто. Смотрит, а збочных двери, зо закристии, вылетіл молодой, в жолтицких ризах з квітами и вычесаным в гору волосьом, егомость. Не зробил он пару кроков, як гурма народа, дівок и баб обступили го доркола. Призрілся ищы раз Василь и штоси близке собі познал в том молодом егомостю. Зараз припомнул собі, бо познал внем свого товариша молодых роков, Митра, сына Мелькиного. Скочыл Василь з мура, же привитатся з ним. Уж пару літ го не виділ, але допхатися до него Васильови было уж трудно.

Митро поспішыл скорым кроком к сповідальници, а фалды его реверенды влеклися за ним.

Нещесна, тотя туга дівка, што крачала зараз за Митром, зо своим новомодным черевиками, з острыма запятками, приступила край реверенды Митрови, а люде натисли. Затрищала реверенда в крижах и повалили егомостя на землю.

—Земле Свята — крикнул Митро, бо дівка прибила запятком реверенду до землі, як колком... Двигли люде Митра; хватил он роздерты фалды своей реверенды до рук, и обернулся втікати до захристии.

Цофнулся Василь зараз, жебы тепер не встритити Митра, в тот момент чести от людей, як все повтаряла Мелька, а подождал Василь на него, бо хотіл з ним дашто побесідувати. Зашыли, а може перемінили церковники реверенду на Митрі, выпустили

го другима бочныма дверцми и указали му сповідальницю, там за кряком. Ледво долетів до указаної цілі, бо народ обступив го наоколо. Почалася сповід. Пхался и Василь до него, але так го стисли, што не стоял на своих ногах. Тепер пороззерался по людех и виділ, же дакотры не пхаються, жебы быти до сповіди, лем жебы чути, як другы сповідаються. Чогоси смішны ся му тоты люде виділи, чогоси практикуют на других людях и розберают потом, што чули. А егомості нераз чудуються откаль береся столько безбожников меже людьми. Дуже интересны річы могли бы тоты люде оповісти, але нікому не признаються.

Нераз чуют, як дакто сповідатся з людской кривды; егомость кажут жалувати, але як кривда была зроблена егомостью, кажут оддати, бо не розгрішат...

Зробили сте дакому кривду в пользу свою, то гріх ест гріхом, але як зробилисте кривду хоцбы и бідному зато, жебы дати егомостью, або до церкви, гріху не было.

Зробилисте даякий блуд в жыттю, то треба вас ищы ту укарати, але не вольно указати на блуд егомостя, бо он сам отповіст перед боґом. А меже народ пустили пословицю, жебы не смотріти и не бесідувати о учинках егомостя. И дуже таких річей не могут тоты люде розуміти, и не годятся на таку фальшыву науку; они переконуються, же то лем вшытко для контролі мыслей народа, бо раз трафілося таке, же человек сперечылся на отпусті з егомостью и егомость записал имя того человека.

Сам Василь чул, як якаси баба на голос сповідалася, але не повідала свои гріхы, лем як другы грішат, ей сусіды, а кельо она для хвалы божой зробила.

На того вшытко нияк не мог перечудуватися Василь. Але скоро люде на своих плечах допхали Василя под выглядец.

Перекрестил го Митро, а Василь розсміялся и гварит:

—Ей! та я не до сповіди, лем хочу с тобом видітися и побесідувати.

—О, а то кто?— перестрашено зазріл на Василя Митро.—

—То я, Василь. Твой товариш. Не познаш мя може?

—О Василю!— и розбесідувалися. Митро

вывідался о родном селі, а Василь о жыттю Митра. Смутным голосом оповів з легка свою историю Васильови.— Не вытримана година. Загублена моя доля небоже. Воліл ем быти шевцом!—

Не могли дальше бесідувати, бо люде перли и колиба трищала. А една баба зло смотріла на Василя, як на даякого великого грішника, бо долго сповідался.

Казал Митро Васильови зайти по полудни на клібанский подворец и подождати го на возі зо зламаним подкульком, а зеленым сідлом.

Одышол Василь и пропхался до церкви. Кипень была велика. Як раз трафіл на проповідь грубого егомостя з червеным поясом. Перший раз чул таку цінну науку, яка проповідатся по отпустах. Бабы от взрушаючого слова вискали, заламували руки, плакали и умлівали, бо проповідь была о значыню отпусту перед боґом; заслугы каждого участника, хоц бы он ишол на отпуст з лінивства перед домашном роботом або з наміром крадежы, бо он, своим участием, увеличыл торжество устроене во славу боґу.

Вышол гет Василь охолодитися и напитися воды. Вошол до одной хыжы за горнятом. Там жыл газда освідомлений новым культуром селянского паньства, егомостью, учителем и дяком. На стіні висіл образ св. Йосафата з подписом “Непоколебимий стовп католицькой церкви,” а на столі лежал календар украинского выдання. Зазріл з цекавости Василь до календаря и прочытал:

“Памятна Картинка.”

“Радісных и смутных переживань в родині, яке нам Провідиння Боже призначило.”—а под тым руком газды дописано.

—Барнуля бігалася на ден перед благовищыньом.

—Продализме паця за 300 зл. в Грибові.

—Украина крещена в ріці Дніпрі в 988 році.— и т. д.

Вышол Василь на село на ярмак и прешол дорогом кус за село, виділ там пару пняных до безпамяти баб, одну з них познал, бо в церкви перед пару годинами заламувала руки.

Нияк Василь не мог зрозуміти того, што

виділ на отпусті, не сподобалася му така неморальна релігійність, так в народі, як и в самых духовных и не мог вытлумачити си их науку. Перший раз Василь увиділ такий отпуст и аж тепер мог быти свідком того, чому бы сам перечыл нераз. Он виділ, же обманство самых себе не мало бы шырится меже народом. Омерзлися му такы думкы, он не хотіл бы того видіти в народі и треба бы або направити того, што днес виділ, боротися с тым, або далеко скрытися от него, але не знал як и што може тому зарадити.

В домі о. Дмитрия.

Поспішыл Василь на клебанский подворец, бо служба дост давно скончена, и сіл собі при возі з поламаным подкульком. Ксенжа ищы бавилися, гуляли и тішылися успіхом отпусту, музыка пригравала. Церковники зас были заняты рахуваньом грошей.

Ждал Василь пару годин. Около 6-й години вышол Митро з господиньом и казал слугови запрячы коні. Привитался з Васильом и господині го представил. Як бы не была подпита, може и зла была бы на Василя, але же была дост пьяна, то было ей обоятно.

—Сідай Василю з нами — одозвался Митро.— Поїдеш до мене на пару днів, будеш видіти мою газдовку, поможеш мі дашто в роботі.—

Посідали. Слуга затял коні и воз поточылся в сторону Митровой парафії. Около полночы довелися четверо люда на обору о. Дмитрия. Выпили по горнятку чаю. Василь вышол зо слугом спати до стодолы.

Над раном, ищы темно было, як с кухні доносился острый крик господині, а до стодолы чути было лем тихы стоны от болю ци слабости. Не мог Василь познати, што то таке, та звідался слугы.

—О!— повідат слуга— наша господиня велика злостница. Бідна при ней егомствова мати. Вытерат ньом шыткы куты, за дві кухаркы робит, а ищы до ней дрыляют и николи істи порядно не дадут.—

—Та як то — звідуеся Василь — Жебы егомство позволил своей жені так поневірати свою маму?

—Та то не жена — повідат слуга.— То лем тыж служанка така господиня. Она рядит цілом господарком, она и самому егомствови николи білого хліба не даст істи и постом морит, так як и нас, хоц сама о тым не обойдеш, для себе она все вшытко мае и грошы мае, она сама бере за вшытко и деси высылат до своеї кассы.

Нич не гварил веце Василь, лем встал и вошел до кухні. В сінях перешол по нем мороз, бо встрітил Мельку, маму о. Дмитрия. Несла она сама дубельтову гальбию пацятам. Чело было подвязане ручником. Ямы чорны по под очы. Позріла змученыма очами на Василя, але зараз одвенулася и не одозвалася до Василя ани одним словом; чул Василь, як на оборі плакала.

Не мог Василь ани з никым побесідувати в том селі, бо господиня кождому за ногами смотріла. Лем пастух повіл Васильови, же вчера, як wybierалися до Брунар, та в поспіху господиня дрыдила егомствовом мамом о стос дров. И вшытко перед ньом замыкают, што от голоду ноги ей попухли.

Митро Василя лем под звоницю закликал и там ся му поскаржыл:

—Скарал мя бог тяжко тым сотвориньом зо Жовквы! Домучыт она мене и маму перед часом! Уж ся мі не распутати. Вір, же десятому заказал бым закопатися так на ганьбу и на таку біду, як я.

Не мог Василь нич порадити и не хотіл ся дальше остати, ани видіти жытя Матери и сына Крилихы; другого дня выбрался домив. Господиня псов выслала за ним.

Не виділ от товды веце ани Митра, ани Мелькы, ани не може того людом оповісти, што виділ, лем в тайні вшытко тримат.

Закопаний Талант.

Ищы Василь был в краю, як чул, же Мелька померла. Но не хоронило ей пятох егомствів, як ей ся снило даколи, и як пристояло на матер священника, бо господиня не позволила; еден чужий ей хоронил, але людей не было при похороні; ледво нашлося трое люда, котры вынесли ей на місце отпочынку.

Василь был примушений бідом выйти на емиграцию до Канады. Достал Василь недавно писмо от Митра, бо Митро достал

адрес до Василя зо свого села. Не сміл Митро нікому другому поскаржитися крім Василюви, бо он виділ его жытя. Пише и просит поратунку. — Пришлий хоц доляра, бо хоц я меже своим народом и в своем краю, але бідую, як на голой выспі. Душу и тіло точат з мене живцом — Прислал и маленку фотографію зо себе, на котрой подписано:

— Памятка Закопаного Таланту. —

Показал Василь фотографію краянам, не познал го нікто — лем кости до людской скоры складены... Послал му Василь лем два доляры, бо сам без работы и без одложеного centa.

Потом зас Василь достал писмо от родины с краю, с котрого довідался, што Митра в молодом віку бракло на світі. Домучыла го господиня зо Жовквы.

Торжественно похоронили егомості Митра священника, з закопаным талантом. Проповідали — горячо проповідали и едным голосом отспівали му — “Вічная память.”

Не придался на світі нікому талант Митруся, ни богу ни народу, ни самому йому. Похоронила Мелька талант Митра, а талант похоронил Мельку и ей сына предвчасно.

Една господиня зо Жовквы може торжествувати зо своим мощно развитым талантом. Хоц и она суха, але здорова, виправилася на карпатском воздуху и до смерти ей далеко. Митров доробок спіняжыла и заслала до своей кассы. Она уж трох других Митров похоронила закла похоронила нашого Митра. И вернулася зас до Жовквы, до сиротинця и назначают ей новому Митрови з Лемковины. Ищы трох прожые и перед часом зожене зо світа; она свой гробарский талант не даст нікому загребсти.

Не знала Мелька откопати для своей дитины талант, лем го закопувала и знищыла газдовство на его закопаня, а егомость своима радами помагали закопати талант ей дитины...

Проходят по дорогой нам Лемковині люде, бадателі творчества, способностей и души нашего народа, глядают и талантов, скристаллизуваных науком, но тых не можут найти, а повісти им нее кому, же наши кристаллизуочы таланты торжественно были хоронены подобным Митровому, процессом.

В глубокой траві, на цмитари, на гробі Дмитра, ест памятник, на котром вырыта надпис: Здѣсь почывает о. Димитрий. — Але ніт надпису, котрый должен бы там быти, же:

“Ту похороненый член лемковского народа, котрому, за его молодых літ, закопали его талант.”

РОДНЫИ ЛЕМКО.

Торонто. Февраль 22. 1934.

Швец

ЮРКО з Надбережка шол польом по под ліс и співал. Співал ни смутно, ни весело, але співал. Ма от дітины такой потяг до співаня, же ци смутныйи ци веселый, але співат. Тепер вертал до хыж без ниякой мысли, лем в голові му шумит. Шумит му, хоц не пьяный. Світ для него такой непоятый, неприятный и просторікий.

Не пасуе му співати. Отец його ищы в гробі не остыл, зато и ліс його співаню не озывался. Але не лем тото... Мы добри знаме, чом му днес не до того.

Был ищы маленкий, як отец дал го учыти на шевця. Был Юрко 7 літ в терміні. Лем раз на великден приходил отвидіти родину. А родина была велика, штоси аж пятнадцетеро з родичами; зато не пхался часто домив. А вшыткы здорови были, не такы, як Кочановы, сухотники, хоц не было их лем трое и богатство мали и лакомы были, а все сухы як хорты и слабовиты, на лица не влічыл бы ани капкы крови.

Найгорше с тьма дітисками было старому Морозови и жені запамятати имя каждого, нераз перекричали вшыткы имена, покля трафили на тото, котре хотіли.

Менше с тым, як газдувал старый Мороз зо своима дітми, лем дост, же дал Юрка на шевця. Майстер виділ способности Юрка, та згодился взяти го на такой угоді, же за три рокы науки Юрко одробит двома роками челядником. А як скончыл своих пят літ, майстер просил го остатися у него на дальше и умовилися оба о платню.

Не так аж занадто, але все такой за два

роки, такий без вибаганок хлопец зашпарував кус центов, за котры уж мог дашто купити и трафлялося му таке купно.

Як раз, по двох роках, донюс Юркови отец новину, же умер в селі — старый Фецьо, не лишыл никого зо живых, лем незгоршу хыжку под лісом и кавалец загороды; тото вшытко продае егомость, бо му никто за похорон не заплатил, продае за туні грошы, дуже менше як оно вартат, и найкупит, коли уж даякы центы мае.

Юрко обрахував: Старчыт, та ищы му остае пару центов в кышені. Обозріл углины сам Юрко; были здоровы, лем една сторона на дасі світилася звідками. Отец помог Юркови вставити новий дах. В середині запровадил порядок по свойому смаку, вставил подлогу и розділил хыжу на варстат, комору, кухню и світлицю до спаня и посідити в неділю. Покупил начыня и стал майстром в своем домі, та на ціле село и околицю, бо не было нияких шевців, и хоц то было за селом, а роботом все был Юрко обкладеный; робил все, и жытя ліпше робил, як найбогатший газда в селі. Потом брата едного взял до себе до помочы.

Але бо и паробок был з Юрка зграбный, як струна, лем же ниж окончыл курс и устроил хыжу и варстат, проходил час женьякы. Уж часом в мыслях оберал си то Горбальову, то Пазину або Катрену зо шолтыства и ставал хоцколи з будькотром до бесіды, але они не хотіли з ним ани хвильку постояти и побесідувати. Чудно ся нераз робило Юркови, чом то его бы не мали любити. Заховувався честно, з никым николи ся не сварил, нич му не бракувало, зробил си хыжу и кавалец землі, чого котрый з других газдовскых сынов не зробил, ни не лінивый, ни горбатый, ни роспустный, але не мог догадатися бідный причины.

Ослаб на силах старый Мороз и прикликал до себе Юрка.

— Юрку! одозвался. — Дни мои порахуваны, днес, заран, я вас лишам, не вшыткых на своем місци. Тобі дал я кусок хліба до рук и ты еден мал способность найліпше з нас познати шырший світ; дай надзор над тыма меньшыма дітми. Хоц час от часу прид призрїтися на них, не дай их старшым кривдити. А як подроснут, най

си глядают жытя де могут. Ты не сід так долго, уж твои роки преходят, а женся... не буду я ти выберати, бо я ти з ньом жыти не буду, смот сам; думам, же каждая найліпша в нашом селі за тя пиде... —

Не далеко втюк старый от правды, бо заслаб ищы больше и закончыл свою дорогу на землі.

Коли Юрко увиділ, же уж для него не остало иншой дороги, лем женитися, .. постановил оженитися. Зашол раз до села. Горбальова дівка черпала при студни воду; помог ей Юрко зачерпнути, и хотіл ей дашто шепнути, та хватил ей за руку. Але она взвискла, хватила коновкы и погнала цвалом домив. Таке саме сталося с Пазинном дівком. О килька дней Юрко зашол вечером на вечиркы и хотіл отпровадити ей, а она без шпасу шурнула локтьом Юркови до грудей и наперед всіх скочыла до хыж. Неприятно робилося Юркови, але пришол ищы раз на вечиркы. И коли молодеж бавилася, выпало в граню так, же Юрко ма поцілувати Нацю Оришкову. Але Наця лем почула о Юрку, взвискла и закричала с цілой силы: Швец!! Швец!...

Швец!.. Швец!.. Зашуміло Юркови в ухах. Ани не знал як нашолся на дорозі домив. Швец! шуміло Юркови за цілом дорогом. Швец! не дало му спати до рана и тото "швец" приснилось Юркови, як приснул на хвильку.

Стал Юрко до работы с том мыслью: "Швец!.." Тото имя его фаху, котре дае му жытя, помогло му в том, же zdobyлся на свой уголок, все было му близке и миле сердцю. Тепер, хвилями, оно ставало так страшне, же Юрко метал от себе копытами и вшыткым зрядом. Аж в тот вечер зрозуміл, чого он не милый дівкам и чого перед ним утікали.

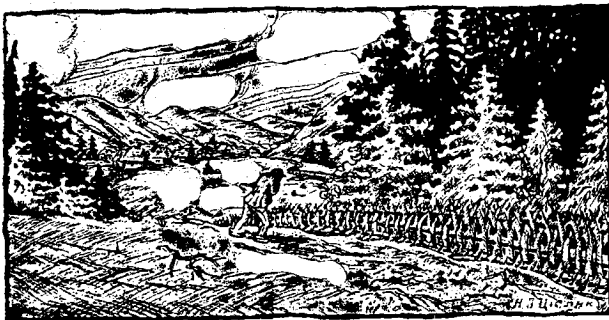
Але он не был впертый и зараз змінил свои пляны, и роздумал, же ему не з гоноровыма и не зо шолтыскыма дівками зачынати, а мусит доберати своей пары, меже старшом и брыдшом верством дівок. Думал, же рече старой дівці Марті, до ней ищы ниякий паробок в жытю не усміхнулся, або назрячої Макрині, за ньом никто не призератся, ани никто ей не возме.

Встрїтил Юрко Макрину на дорозі и пробувал до ней озватися. Але она была тыж

на вечирках и чула и виділа, што зробила Наця, зато и она на дорозі зачала кричати: Швеці!! Ты, не газдовский сын!.. Швеці!! Чым веце людей сходилося ку ней, она барже врещала: Швеці! Швеці!

Перша то была для ней рекляма, отколи жые. И пошла бы за него з охотом, але хотіла показати, же не хлопці ньом гордят, а она хлопцми, остала кричати: Швеці!. Инакше она рекла бы, як бы так Юрко вернувся и рюк ей другий раз, але он ишо в свою сторону и не озрілся, а она остала дівчыти.

Зосунул Юрко капелюх на бакер и вертат ся до хыжы, не може смотріти на тот світ, котрый зо вшыткых сторон кричыт за ним: Швеці! Бабы, хоц им Юрко не сміл нич гварити, сами выходили, обступили го, як гуси волка и сычали за ним: Швеці. Швеці..

Иде Юрко польом попод ліс, и тот ліс шумит: Швеці. Патыча, што ламалося му под ногами, трицало “швец,” “швец.” и вода в поточку шептала: “швец,” “швец.” Загорнул Юрко гуньку на уха, жебы не чути было, и співат сам, на силу співат, жебы заглушыти себе. Співат штоси о долі и счестю. Співат о той долі, котрой не зна, и о счестю, котре уж зламане. Не може он розобрати того жытя, в такой маленькой голові. Здаеся му, же ся го уж цілый світ одрюк. Думат, ци мае зашмарити шевство и оженился? Ци до смерти остати неженатым шевцом? А коли дошол к своей пустой студеной хыжкі, сіл страпеньй на порог, позріл на звiзды, што в высокости тряслися, позріл на свою стріху, почувся крайном сиротом на том світі и горенько заплакал.

Деж му днеска до співаня!...

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто. 14. IV. 1934.

В Объятах Кризы и Темноты

МАКАРИЙ Гуда оженился! Но та што, же оженился? Уж му был час, а каждый женится мусит, як хлоп до дачого!

Та мусит женится и зато нич же оженился, лем того біда, же взял такую, што нич не ма, и котру мама не любит; та и нияк не позволяла, оженился на силу, против маминой волі. А якеж и того віно достал, коли мама невісты Марины ищы на спрсонах повіла: — “Дам ти корову, скриню, перину и Марину, — веце ти нич не дам, бо не мам.” —

Гдеже на таке середне газдовство в селі, таке маленьке віно.. Але хоц Марина была коморницка дівка, мала вроду, мала честный характер, здорова и роботяча, лем же віна не было, и як бы так никому не полюбилася, та про свое маленьке віно до смерти бы не выдалася, хыбаль зас за коморника, а за газдовского сына николи.

Але зато Марина, по весілю, звлікала до хыж, што лем могла, забрала от мамы остатне, хоц ей не так потребно было як мамі, котра лем того мала, што заробила у людях. А принесла она всячыны на росплодок: всякого зерна, комперов американов, котрых в Гудані не было, всякой розсады, гус и козлятко, принесла и лену, котрый Гуданя не позволила змішати зо своим и все на двох загонах сіяли особно еден от другого, и каждая коло своего особно робили.

Барз криво на того вшытко смотріла стара Гуданя, а на лені, як красший удался невістин, были сваркы не до вытриманя. Одразу содома в хыжы настала аж товды, коли Марина принесла от мамы квочку; хотіла тыж мати даякий грайцар при души... —Невіста куру принесла, жебы ти газдовство розгребла.— Марині того дня шмарила перед ногы кочергу и пец отступила, до котрого николи не припушала Марину. От тепер стала так сторонити от всякой работы, як бы ей нич не обходило, бо ест “нова газдыня.”

—“Газдыня”— выкривила гамбу и розразливо прокричала стара, коли сіла до обиду, што го Марина перший раз варила, и триснула лыжком. —“Газдыня”— шурала все

Марині при всякій роботі. Плакала терпелива Марина, ніколи до сварки не ставала, и нікому ніч не признавалася, перед людьми удавала щасливу и довольну.

Ніколи не повірили бы сте тому, же як сыпала Гуданя овес своим курам, то куры Маринины лем збоку призералися, а не по-сміли ей зеренце дзьобнути; так уж были научены. Маринины куры все втікали перед курами старої Гудані, бо они уважали себе за низшу кляссу, не газдовску...

Навістил Марину и Макария сынок, еден, потом другий. Ищы бідный Ванцьо не розуміл, што то таке шкода, як уж виправили го з гусми на поле, ани гусята не розружнил и нераз помішаны пригнал домив, нераз шкоды наробил, за што уж му нікто не дарувал.

Призерался так Макарий на свою газдовку, а под сердце як бы го дакто иглами штыхал. Любил свою родину, але жыти при ней не мог, а порадити тому не был в силі; хотіл бы ся хоц на хвильку одвязати от тых мучительных животных незгод и почувтиса вольным, таким, як за паробка. И пришла му незавидна мысль, выбратиса до Канды, в світ за очы, же там забуде родинну незгоду, а и заробит дашто, верне и возме газдовку в свои руки, а потом инакше зажье.

Постановил и поїхал. Нигде про нич го не бадрували, бо хоц худый, але здоровый и сильный; навет агенты и канадскы докторы ляпкали го, як добрый товар. Привезли к берегам Канады и посадили в машину, а за штыри дни везли далеко, аж на Весты. Такому роботникови як Макарий, графилася гнет работа; кус робил на жнивах, пак зас в лісі, где зараблял незгоршы грошы. Коли уж вернул дорогу, выплатил процента, барз часто засылал грошы жені на слугу и яруваня, для діточок на обуву и книжки.

Нераз виділ, як на фрейт-карах, на даху, везутся люде во всякы стороны, и што раз то веце и частійше их виділ. Звідался робочых, с котрыма робил, што то за люде; босс му вытлумачыл, же то такы, што не хотят робити, лем возитиса. Макария набрала на то велика злость, нераз для пакости метал за тума людьми каминьом, бо барз ненавиділ тых людей. Встрілсся он с пару крайнами, што тоже глядали даякой роботы, и барз ся му чудно робило,

як другы не можут роботы найти, коли он так робит, што ани в неділю отпочынку нее. А як жена му писала, же як то ест, же ты покус присылаш грошы и робиш, а другы мало пишут и не присылают, ани долги не повертали.

Товды Макарий на таке писмо з погордом отповідал жені, жебы повіла бабам тых хлопов, же в Канаді лем тот роботы нема, кто робити не хоче: я хоц бым свою роботу зараз лишыл, то другу такой зараз доста-ну, бо мам от другого босса обіцяно.

Проклинали бабы и дома и в листах своих мужов, и писали гнівны писма. По Макария писмі перестали вірити своим мужам, котры им писали, же ниякой роботы ніт; але бабы не розуміли, што то значыт безроботя во світі, где ніт своей коморы, ни певниці, ани свого сусіка.

Не розуміл и Макарий ниякой политической економіи и устрою, не знал, чога то бы мала прити криза, хоц безроботных всяди полно встрічал. Тых Макарий не зратувал бы, ани куском хліба, хоцбы гыб, остро обходился з нима и криво смотріл за нима.

Деси так коло Ризтва повіли Макарийови, же достане отпочынку лем два тыжні, и тоты баракы в лісі розобрали. Мусіл Макарий на тоты дві неділі поїхати до найблишого місточка, где нашол незгоршу станцію. Не выходило му выйти на улицу в таком робочом убраню, зато зашол до skleпу, в котром купил нове шпортковске убраня: сами го убрали по найновшой моді, а Макарий лем грошы дал. Наибольше клопоту наробила му краватка за 3 доляры, чыста шолкова, цілый ден вчылся вязати; така шырока была, што застелила му цілы груди, так як даякому княжому сынови! И як ся так зобрал Макарий и вышол на улицу, выглядал хлоп як даякий буржуй... Дівчата усміхалися, стары бабы до бесіды зарывали го. Але Макарий не звертал увагы на нич таке, он лем пляновал, же убраня зашануе и потом до краю вынесе, лем собі ищы гроша приробит, и лем чекал того часу, як агент повіст приходити до роботы.

Минули два тыжні. Макарий крутится коло офісу и звідуеся, коли мае прити до роботы; але по двох неділях одложили на

цілий місяць, а о пару днів вынеслися з офісу, ани никто не знал где, лем картку лишили з написом — For Rent.—

Другы робочы, што уж были ліпше обзнакомлены зо жытьом в Канаді, кликали Макария до больших міст, где жытя таньше, и упевняли Макария, же уж по той роботі, в котрой он робил, но Макарий вірил сильно, же офис отворят и же робота буде зачата в тот час як обіцяли. Ждал он не місяць, але штыри, а ничего не было, и што раз робилося тикше за работы. За тот час, нехотячы, Макарий змарніл гроша на жытя в малом місточку.

Почал Макарий товды метатися за роботом, але было запоздно, ани обіцяной, ани новой не было. Сіл до трена, бо битувати не хотіл, и перешол по пару містах; аж як гроша было так коротко, же Макарий почал сам за себе боятися, задзігнулся фрейта и поїхал свободным світом, сам не знал где и чога, але в той подорожы зышло му зас пару місяців, обїхал цілы “Весты,” а потом и “Ист” Канаду, зробил зо трираз столько дороги як до краю; аж будь-коли плакал, коли просил роботу, але то вшытко без найменшого успїха. Не виділ нигде милосердных людей, всяди отпыхали го от себе, як и он отпыхал перше от себе, и каменьом до головы достал от тых людей, котры ищы робили, як и он колиси, а тоты, што бы му рады были помочы, не могли, бо были такы, як и он и разом з ним їздили.

Не раз по пару днів ничего не їли; як часом зашли коло саду, то нарвали яблук або черешен, лем жебы кус заспокоити голод. Макарий был так морально выхованый и застрашений религиом, же ани зо землі нич не поднял, и зато ищы горше бїдувал и засыхал...

Раз пошол мытися до озера и вельо волосося вычесал на гребень, хватился руком за волосы, пол жмені вытях волосося; лізло му купками, на голові остали лем пляцы а потом вылысіл до чыста, як выкошенный нашыма газдами горб.

Уж строился Макарий, же або до краю дастся здепортувати, або што? Але надходили выборы и Макарий дост наслухался всяких обіцянок на работы по выборах, зато рішыл остатися до повыборов. Ми-

нули и выборы, а поправа не пришла, хоч Макарий доцяп отрясса с центов, але все ищы надїю мал на роботу и зато остал цілых три роки без работы. За тот час от жены достал пару таких писем, што аж му в пятах стыло, але одгрызтися не мог, бо жена не вірила, же работы нїт. Таж сам ей писал, што в Канаді лем тот не робит, што не хоче робити...

Нашол си на минувшу зиму станцию зо своима краями. Глядали такой найтуньшой в цілом місті, и нашли в едной украинкы бутлегеркы на третом поверху, на поддашу; в так названом “голубнику”. Темне а и студене было то помешканя, огрїтя на верх не было, лем дым вносилося на тот поверх. Сонце лем при заході понад дахы впушало жменю своих лучей, и вогко было, а світло електричне слабе, на червено лем світило, як старокраевый планный лампаш.

Для ліпшой економии взяли задного рума, и трох на одной постели спали. Кормилися лем припареным чайом и старым от тыжня хлібом, бо тот был туньший. За тых пару літ тот солодкий чай уж так ся омерз, што Макарийом цілым трясло, ани под нос не мог поднести, такой был запах того чаю обрыдливый, же лем тот сухой хліб жувал, покля не заболіли го зубы. Пошол до шпыталю для безработных. Задармо вырвали одразу два зубы и казали на другу пятницю прийти, же вырвут веце, же сут зопсуты. Вырвали и на другу пятницю зас два, але перед тым бадали го и спущали кров с такого слабаго тіла, яким был тепер Макарий. Зачали му мурянки ходити в голові, прижмурил очы, бо му примеркли и без памяти упал на каменисту подлогу; як приплыла кров до головы опамятался, встал и вернул на свою станцию, але от того часу чул себе ослабленным, не мог ани ноги вытягнути за собом гори тилькыма сходами. Розрушались му здоровы зубы, але тепер без никого, голыма пальцами, повытігал доеден зуб. Тепер не мог ани того хліба твердого їсти, лем го мочыл в горячей воді.

Што день, што годину, Макарий чул себе слабшым и спокойнїшым, енергия в нем слабла, кров переставала доплывати. Робился Макарий смирным, як сирота яг-

ня. Не был уж злым. Коли му донесли, же сынок його так розбетярился, же го уж пару раз шандаре брали — нич не горячылся; ани едным рухом не дал знаку занепокоиня, коли донесли му, же його жену злы хлопці звели.

Находила весна 1934 року, але криза не минала, а ищы ліпше обняла свои жертвы и моцнійше притулила их до своих студеных грудей. Люде выходили на улицу зо змореныма тварями; лем маленька надія проблискала в их очах.

Хотіл выйти и Макарий, але не мал в чом. Убраня лем з лат мал зошыте; тота сама краватка, што даколи так здало вкрывала груди, тепер скручена в мотузок... привязувал... привязувал, але уж не мож ей было завязати, воліл новый мотузок завязати. Тых кучерявых волосов, што за нима дівчата мліли, не было, лем поеден волосок іжылся коло уха; в твари ниякой крови не было; зато и встыдался показати на улицу, лем през выглядце позерал.

Хлопці, што жыли з Макариём, выходили на ганок и ждали тепла, жебы могли выбратися дагде в дальшу дорогу, в котрой сподівалися найти жытя, або незавидну смерть, бо лем тоты дві дороги были перед нима открыты. А як пришла весна, в ночну пору вышли за місто з маленькыма тлумачками и коли свиснул фрейт, як вывірки драпалися на него и щезли з виду в незнаных сторонах. Кликали они и Макария, але он нич не бесідувал и нигде ся не выберал. Здавалося му уж, же он дома на своей газдовці, в своей хыжы; думал он о своей долі; мысли його все такы были, же його мати породила го скрыто на тот світ, без права, и же он жые неправильно на том світі, и здавалося му, же дакотры люде певно о том знают, же го так ненавидят и жыти му не дают. Слезы котилися му зжалю, коли пришла му думка, як он несправедливо колиси описувал в листах до краю других, а днес сам не може той правды отперти, ани словом заперечыти. Перший раз и остатний днес справедливо подумал, же тота система, в котрой жыеме, ест смертью и мучытельком бідных и слабых. Остатний раз подумал так, бо што-си, якаси невидима сила потрясла ним и почал жыво проходитися по пустой и тем-

рюватою комнаті, нарешті позріл, не хочычы, в притерте бюркове зеркало и з досады засміялся... але в зеркалі засміялася до него лыса и беззуба смерть...

В тот момент Макарий так сам перестрашылся, што го замглило, а ногы му окляпли, якбы дакто подкосил их, мало не упал на подлогу, и лем якымси чутьом до жытя, без памяти дотягся до уборной, открутил кран и повалился без сил в ванну. Студена вода обрызгала и омочыла Макария и очкнула го. Дома не было никого, и никто не виділ, што з ним водилося. Вернул он омоченый до своего рума и двери запер за собом.

* * *

О три дни вышла газдыня замітати Макарийов рум, бо тот туній рум лем што третій день замітался и што три неділи міняли плахты на постели. Коли газдыня отворила двери, Макарий сиділ серед квадратовой постелі на турецку моду, задуманный; коли увиділ газдыню, глухим, посмертным голосом розсміялся до ней.

От першого разу газдыня познала, же Макарий зошел з розума. Аж тепер припомнула собі, што он за три дни нигде не выходил и ничего не іл. Цофнулася от дверей и з перестрахом закликала других бордеров, бо сама боялася приступити к Макарийови. Вышли к нему люде и почали з ним бесіду, але он сміялся и бесідувал незвязны річы. Знала тота газдыня пару лемковских родин в том місті и зараз дала им знати, жебы забрали си Макария, бо оглупіл.

Пришли свои люде до Макария, бесідували и прегваряли, но Макарий, якбы сміялся из их рад. Ходил, найвеце в ночы, по улицах, высвитувал и выкрикувал. Тоты самы дівчата, што колиси усміхалися, другом стоном оминали, а бабы озералися за ним и перешептувалися.

Виділи Макарийово нещестя нашы лемкы, але же были заинтересуваны барз в якои секті, не узнали го за збаламученого, лем вірили так, же в него злый дух вселился, зато отпровадили го до старого батюшки, жебы тот вычытал из него злого духа. Чытал батюшко, што лем мог и знал, и высповідал, и коло олтаря обводил, и до

чашы давал призератися, але на дармо, з Макариём было все горше и горше.

—Завзяты сатана, не хоче усунутися зо своею грішною жертвою— повіл батюшко.

Но никто не нарушал Макария, бо и он никого не чепал, лем чул себе вольным, веселым и сытым. Поліції никто не хотіл скаржыти на него. Аж раз, в нocy над рaном, полицмане встрітили Макария, як он серед улиці просто ляпмы чертил штоси крейдом. Окружыли го довокола, бо приняли го за червеного агитатора. Забрали го, але по переведеню слідства и докторском збаданю, отдали до дому умыслово хворых. Побуде там даякий час, а потом, можливо зашлют го бесплатно до старого краю.

И так, верне газда Макарий Гуда на свое газдовство!...

Брыснут слезы матери и жені, коли го увидят... Але як он поведе газдовку и в який способ полагодит родинне жытя...?

Дост на том, же его не буде уж боліти нияка родинна незгода. Тепер у него все зло буде добром. Най грызутся тепер люде сами, як хотят, а он не буде.

Дождася спокойных хвиль, ищы ту на світі, хоц гдeкотры робочы повідают, же в капиталистичной системі робочый не найде добра и спокою.

А Макарий, видите, нашол...

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто, Онт. 22 Март 1934.

Грузинский Шляхтич

КОГО мы ту в Америкі лем не встрітима!

Хыбаль лем наших Карпат и померших!.. Бо живых не лем з наших Карпат можеме встрітити, можеме встрітити и познакомитися з людми припаленыма всякым климатом, будованых на розмаиты фигуры и угла, и челаты и воргаты и приземисты, встрітима жытелей из всіх гор, які лем стырчат понад землю.

В мойом сусідстві жыл еден грузин, або як он звык себе титулувати — “свободный жылец Кавказа”— такой присмаглый, округлой, полной твари и с чорным, кудерявым волосами, як баранкова шапка. З роду

Шанахадзых, ци Маталадзых. Познал я го перше, як он мене — а каждый мусіл го познати, же он грузин, так по руху и кости. А хоц бы його самого не виділ, але як зашол на його квартиру, то познал, што ту жые грузинский шляхтич, а кромі того дознался ціле його жытя.

—Нераз историки нарикают:— “Яка шкода, же тоты рікы не бесідуют, оповіли бы нам, сколько нима крови поплыло, які бои над нима точылися.”— “Яка шкода, же тоты муры не бесідуют, оповіли бы подробно интересны для нас истории, котрых не знаме”... и так дальше.— А у того грузина так было, што стіны його “гостинной” вшитко оповіли: кто ту жые, какой народности, професии и віры, а и його историю, от його прадідов, до остатних дней.

Его гостинна была обвішана фотографіями от самой земли до повалы и то так за порядком, што можна видіти цілу историю, як в кино. Найперше його дідове в грузинском строю; а же высококого роду были, то познати было по том, же висіл през груди сак з разнородным медалями и блищачками. Можна было видіти их богатства и их роскошный дом, побудуваный над ріком Терском, а далеко в высоті біліли вершки Кавказа. По середині был великий, вымалюваный герб их роду; то нагорода для их предков от царя, за храбрость. Герб, червены конь и меч. Потом великий портрет его жены, и зас дробны наброскы из его жытя, яко помішыка-бояра. И одразу велика переміна: Наш шляхтич в якойсь Африканьской пустыні, обдертый, з валізочком в руках. Потом зас познате чайнаменский стиль, и наостатку богату Америку. Єден образ из “Русского дня,” на котром он присутствовал. На той фотографіи познате уж и наших лемков, по их нужденных и горем зрытых лицах. Ищы можна познати, же он старовірец, бо в куті повішений образок, перед котрым коптит свічка. Што то за святы, не познате, бо барз мазураты. На столику, на патыку, віргат брудный прапорец.

Ктож бы таку ясну историю не зрозуміл? Найперше познали зме, же он был помішыком на Кавказі, потом притисла го революция и он выпыр а ж до Африкы, а як опамятался, походил по Пекіні и Шангаю.

Оттамале приїхал до Америки, где зачал активно брати участь в “торжествах,” котры устроювалися яко протесты против робочого правительства в России. Но видно, стратил віру в таку побіду “торжествами”, бо одорвался от своих людей и нашол собі уютный дом в одном Канадском місті, и жыє ту зо женом, котру якоси однашол.

Жыє он тепер инакшом формом жытя, як даколи, жыє спокійно, глухо и нич го не обходит цілый світ, ни свои ни чужы. Жена нигде николи не выходит из кухни. До роботы не ходят, бо нич робити не знают и не могут. Росходы покрывають и жытя роблят из якихси старых фондов. Цілыма днями тот грузин с потпертыма боками проходится по коридору, час от часу помыркує собі штоси под носом, а жена в кухни дримле, и так обое думают. А як он находится так до утомленя, иде до “гостинной”, бере зо стола историю Грузии, котру знає на память, вывертатся на диван, и от початку зачынат чытати тысячный раз, о славі, боях, храбрости и другы любимы историчны замітки. Николи никому до рук той книжки не даст, здаєся, же то найдорокша его цінность. А коли дочытат до конца — отверат зас от початку, и на ново чытат. Потом кладе историю на столичок, очы впре до кутика под повалом и зачынат стиха шептати урывкы русских поетов о Грузии. Наибольше любит початок поемы Лермонтова “Демон.” — “Печальный демон, дух изгнания, летал понад грешной земльой:

И знов, але уж кричыт:— “Грузия — где печальный демон, дух изгнания?!” Потом задуматся и усне и спит до рана не розобраный. світло згасит аж рано. Так звычайно спал, а жена на сидячы ноч продримала. Часом он ей, а часом она его будила, а як побудилися обое, сіли за великий русский самовар, выпили по девят стаканов чаю, розошлися и зас забыли о собі; жена в кухне предримувала, а грузин аж до страпленя проходился з выложеныма на крижы руками.

Не раз то было, як телефоничный звонок позвонил, ци то с конторы, лавкы або портного, грузин прискочыл наремно к телефону, знял трубку, приставил до уха, а в решетко сам перший прокричал:

—“Грузия, где печальны демоны, духы изгнания, летают понад грешной землей.”—

Едного разу виділ я из своего выгяда, як на его “бек-ярді” безпризорны діти торгали моркву. Пошол я го повідомити и постукал в двери.

Отсунул двери сам грузин и торжественно рюч до мене:

—“Из Грузии, где печальные демоны духи изгнания летают понад грешной земльой.”

Я розсміялся, а он вытрищыл на мене очы и затяг двери. Виділ я через шыбу, як шляхтич посмотріл за мною, як за демоном и прошептал другий раз тоты самы слова. Взял зо столика историю Грузии и стиснул ей меже свои тлусты пальці. Вывернулся на диван под лампом, очы впер в свой пункт в кутик под повалом, а в голові, думам, почали му перхати и роитися демоны, духы изгнания...

Діти вычыстили загородку з моркви и деякы річы отгаскали от дому.

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто 29 Январ 1394.

Рижница

“НЕ МОЖУ ти представити яка велика рижница меже паробком, а женатым!”— Пише мі и захвалное мой, в двое старший от мене, товариш краян, што зме жыли на одной станции и на одной постели спали. Не давно оженился на фарму. Дальше пише:— Бо лем подумай!.. Як ем не был женатый, та каждый мі дошкулял, жем старый, каждый старался мя даяк назвати. Чул ем не раз, як дівкы краянки, из темных кутов показували на мя и сміялися, жем старый паробок. А голота дитиска, ани на улицию не дали можности выйти, бо вішалися мі на ковта и звідувалися: “Уйку, а кельо вам літ”?— Тепер як ем ся оженив, та вшиткы на мя смотрят, як на молодого фармаря и молодым фармарьом мя называют. Значыт раз, жем омолодніл.

Або и товды, як ем разом с тобом спал, та ес мало мі ребра не поламал твоима твердыма локтями. Тепер мягонькы рученята мя обоймут. Видиш, одміна велика, лекше жыєся женатому, уж сам не варю

істи, сам не перу. Жыю красше и ліпше. Жёну мам сильну, не лем же двигне веце от мене, але як бы кто мя хотіл бити, то оборонит. Але што там тлумачыти! Цілком новыі світ — откриеся женатому — Женся — поради́л ми на остатку мой краян.

Деж бы кого не заохотило до женячкы таке писмо, та заохотило, нещесне, и мене. Хоц ем ищы молодой, але такой зараз почал ем ся роззерати за дівчыном по улицах, смотрил ем такой тугой, жебы, як ми пише краян в часі небеспекы могла мя охоронити. Но на мой великий жаль, не трафилася ми така, лем така, што аж ей люде завидували, же такого хлопа достала, як мене, же она не до мойой пары.

Є, нашол ем си и оженился.

Днес ищы лем тыждень по весілю, але ми кусценка инакше выпало, як мому краянови. Краян был старый, коли оженился омолод, я зас молодой, а жена не рече ми инакше лем: “ты старый.” И “ты старый бортаку.”

Хоц повідають, же у фармеркы тверда рука, а про мого краяна мягка, был без зубов, а фармерка дала му зубы в правити и порापана лице выгладила.

А для мене ищы лем тото счестя, жем не нашол тугу жену, таку як ми радил краян, бо она хоц не фармерске и щупле таке сухе бабеня, але в ней рука як мосяжна, аж на уха ми от ней звонит. Мал я зубы здоровы, та лем тыжден по весілю, а два зубы на самом переді уж выбиты, волося вытаргане, лице зрапавіло, а по под ребра болит от “мягких локтей.” Варити сам не варю, але лем два раз на день ім, як жена зварит и закличе з роботы на обід, а прати, што правда, перу зобоих нас.

Отворился передомном цілком новыі світ, як писал краян.

Нияк ми не чудно, же меже паробком а женатым ест рижниця, але чудно ми, же чом меже женатыма ест рижниця?.. Ци меже зато, же краян ма жену в місті роджену, а на фармі выховану, а я на фармі роджену а в місті выховану? Ци зато, же он старый з молодом женатый, а я молодой зо старшом? Ци зато, же його жена тукша, та стае до роботы, а мое “нисенито” до биткы?

Правду мае краян, велика рижниця меже паробком а женатым и наоборот.

Паробкы сами най ся призрят, ци ніт рижниці; женаты, знам, же лем усміхнутся и признают мою правду, але никому нич най не повідят. А цекавы паробкы на ожениню най вірят мойому краянови и най женяцца, бо як бы ми вірили, николи бы ся не оженили, а так най ся женят, а переконаются сами, ци меже паробком а женатым ніт рижниці... Велика рижниця.

РОДНЫИ ЛЕМКО.

Торонто 17 Май 1934.

За Што Убили Семана Чопаря?

СМЕРТИ Семана Чопаря я чул ищы в старом краю. Хоц то было лем на четвертом селі от нас, но правдивой истории о убийстві трудно было довідатися, бо сторонники и фамилия Чопаря представляли убийство в окрутный способ. Их оповіданя мали свідчыти, што там кому-нибудь о смерть не трудно. Родина и близкы Синяков представляли тото убийство в гладкий способ, плакали, коли оповідали о своих кривдах, якы терпіли про Семана. Решта люде из того села бесідували дуже мало, а коли дакто звідувался, стискали плечами, не оповідали як то было, лем коротко отповідали: “Он си на то заслужыл”... И зато никто не знал, кому вірити. Но бесіды Чопаровой родины были розшырены найдалше, бо они найбільше оповідали и их история выглядала найстрашнійше. Не чудо, што коли до нашого села пришол человек с того села, то люде чудно позерали на него от ног до головы, ци часом нема при собі дакой ватляры або косы.

А ту, в Канаді, я встрітил едного человека с того села и ищы с крайовым страхом позріл ем на него. Помаленкы розбесідовали зме ся и з его бесіды я довідался и познал, што люде в их селі сут людми, як и в каждом нашом селі, без науки, але смирны жытели Карпат. Он не родина ни одной ни другой стороны, зато оповіл ми безсторонно цілу историю от кореня, так и я ту передаю.

Не хочу выявляти имени села, зато най нас не обходит, где то было, дост же было то в нашом лемковском селі, и дост на том, што тота история правдива, а вродило тоту историю наше бідне горске жытя.

Богач Павел Скупка.

Павел Скупка належал до тых газдов в селі, што их звут богачами на цілы горы. И поправді Павлу Скупкі пасувало тото мено: Каждый, кто лем попризерался по обыстях и забудовах Скупкы, мусіл тото признати. Крім того его богатство складалося з великих грунтов, злученых в еден найліпший, найровнійший и найурожайнійший, як даякий панський обшар; ліса мал три чверти, а и о грошах люде бесідували, же кто може знати, сколько мае, але же мал барз дуже, вшиткы люде о том знали, лем не знали сколько. Можливо, же и сам Скупка не мал им порахунку. Дост, што Скупкі николи в жытю ничого не забракло, а и зратувал хоцкого. Не был гоноровый. Хотіли сте пожычыти грошей, треба лем было повісти сколько вам треба, навиділо вас несчестя, удалистеся до него, спомог вас, ци добром радом, ци грошами. Не чудо, што коли люде виділи, же у Скупкы грошы не вычерпуются, назвали го богачом на цілы горы. И цілы тоты горы знали о богачу Скупкі, всі газды в повіті уважали го, а и діти по сусідных селах на дорозі го познавали, як вюзся на ярмак, ци на кермеш, а в своем селі всі го уважали.

Як он пришол до такого богатства, никто в селі не мог того розтолкувати; ци оно лишылося му яко спадок по отцу, ци счестя му помогло, ци так мудро знал пригадувати, дост на том, што богатство не выросло з кривды людской; никто в селі одним словом не мог поскаржытися на него, ни родина, ни сусіды, ни богаты, ни біднійшы. Мал всяди Скупка свою честь.

Жебы Скупка был ученый, не можна повісти, бо до школ не ходил, а писати лем друковано писал и лем друковане чытати мог. Але же у него розум был на своем місци, перечыти не можна. Из его учынков и мудрых поступков видно было, што он и святе писмо розуміл ліпше зо вшиткых в селі, хоц до церкви рідко ходил, раз на рок дагде коло великодняя мог го дакто под звонцом видіти. Зато и люде дашто подозрівали, але никто не сміл нич гварити, бо не мог бы доказати. Та и на церков николи нияких особных жертв не давал, лем тото, што ся з него належало. Тото не подабалося лем

едной горбатой Теклі, што жыла коло клібани, а занималася ворожбитством. Ёй все привиджалося, же богатство Скупкы походит от чортов, котры лем раз на рок позваляют му ити до церкви. Но на тоту бесіду мало люде звертали увагу, бо каждому треба было нераз удатися за помочом до Скупкы. А раз на все мусиме собі запам'ятати тото, што рада богатого веце значыт, як грошы бідного.

Трафилося раз ярьом, што Фильо Зас пожычал стовку на приробок, а зо два дни перед ним пожычал еден газда, и так вышло, же пожычены грошы пришло обом в еден ден звернути Скупкі. Посадил Скупка обох сидіти и спросился найперше Филья, ци приробил дашто том стовком для себе. Фильо оповіл, в яком обороті были пожычены грошы, и же придбал наних 25 корон. — Зато, гварит Скупка, я проценту от тебе не хочу! — А потом звідался другого газды, килько приробил. А он, с плачом зачал нарікати, же втратил на его грошах. — О, кед ес не знал приробити, та заплач же мі процент.

За такую фильозофию люде го назвали мудрым чловеком, хоц Скупковой мудрости люде не мали міры, бо ищы раз пришлося другому газдови пожычыти у него грошей:

— Та сколько хочеш жебы ти выпожычыти,— звідует ся Скупка.

— Лем одну стовку. —

— Та я мам цілу стовку, лем одного грайцаря бракуе —

А газда махнул руком и рюк:

— Є, што там грайцар!

— А ты не знаш, небоже, же без одного грайцара стовка не може быти — не знаш ты, што то грошы значат, як так, и зато я тобі не пожычу.

Засміялся сам до себе газда и з голыма руками одышол, бо признал, же глупо повіл. Як видиме, Скупка был мудрый чловек, а як до того додати его богатство, та такому чловеку лем жыти на світі, нич го не болит, нич го не грызе. Але Павльови Скупкі бракувало штоси; Хоц жену мал згодливу, а не чулися занадто задоволены, бо не было у них дітей. Старый Скупка, хоц му не барз тото приятно было, але ся не грыз барз. Он ищы за молодших своих роков взял трох хлопців до помочы, от одного комор-

ника, што мал діточок тилько, як своїй біды.

Сынове Василя Чопаря.

Всі три брата, сынове Василя Чопаря, от малых хлопців, были забраны на богатство Павля Скупкы. Всім тром жытя у богатого Скупкы змінилось, бо ту мали што лем хотіли и придумали; дома не было где спати, а ту каждый в особой коморі спал. Перестали уж босо ходити, отпочынок все мали. Старый уважал на них, до работы людей іднал, так, што брата лем все лекшу роботу робили. Але зато и большого гонору наберали и одважили будь-кому кривду зробити. Скупка старался поправити и все поучал своих хованців, як родных сынов, бо так себе переконувал все, же то його сынове и обіцял их поділити, кед лем го доховают смерти. Зато каждый из братов старался больше выгудити дачым старому, штобы большу часть достати.

Наймолодший из братов, Семан, был найхитрийший и своим захланностью старался обманути Скупку и своих братов. Зато при всякой нагоді старался влізти в довіря старому; всяди выявлял открыто к нему свою любов, привязаня и пошану. Часто ціловал старого. При таком конкуренційном жытю минали роки, хлопці росли и доросли до своих роков, т. е. до часу женячки.

Коли пришол тот час, то Скупка оженил и осадил найстаршого на той великой полперечыні под лісами, дал му худобы и побудовал новы будинкы. Середушого зас оженил, тоже дал му поля, але зас меньше, и далеко за селом, под верхом, разом з мурованым будынком. Повідали, же Скупка дал му мішок грошей. О том мішку грошей люде памятают, бо виділи, як он их нюс на плечах, а жена му помагала нести аж под верх. Коло жениной мамы, вдовы, отпочывали на приспі. Вышла стара мати и просит хоц до пригорщ тых грошей, але зят не дал. Закляла мати: "А бодай ти чорты сіли на твои грошы." И як бы в недобру хвилю прорекла, бо як довідалися горлицкы купці о грошах в него, выпожычили от него грошы и побудували собі в Горлицях каменицю за них, зараз на другой стороні коло стации, там где фиякры стоят. Не

вернули ани цента. Так одразу пропало богатство Скупкы в руках середушого Чопаря.

Наймолодший сын Чопаря — Семан.

Помимо того, што старый Скупка не цінил из своих хованцев никотрого ліпше, то и так устроилося само собом, же наймолодшому припали самы головны забудуваня и головный грунт Скупкы, а до того инвентар жывый и мертвый, от найдробнійшой річы, до машин и коней. Доховал он старого Скупку до смерти не эле, бо Скупка чул себе здоровым и не дал собі кривды зробити, а и зато, бо вшытко богатство мало му перейти на власность аж по смерти Скупкы.

По смерти старого, вся газдовка почала плысти по медоті Семана. Люде не уважали го так, як старого Скупку, але Семан зараз тото зауважыл и силом свого богатства и страхом, хотіл собі тоту саму повагу здобыти. Честь люде отдали му лем товды, коли мусіли, от страху. В селі, от того часу, почали точытися процессы, бо Семан о каждого завадил, каждому дошкулил и заорал, поля его почали довжати и шырिति з людского. Страхом вырубал не зо свого ліса дерево, силом поставил плот не на своем поли, кади лем ишол и кади виділ, всяди його было. А най никто не пожалуеся, каждому казал носити зо собом мішок на свои кости. В суді никто на него не нашол права. Суд так был занятый його справами, же іднал все двох адвокатов на цілый рок, котры бесперерывно боронили го в суді от надужыть. Не чудо, же богатство, хоц и на кривді, росло. По 36 худобы запусал на зиму, по 60 овец, дві пары коней и дробю без ліку.

А коли почали му родитися сынове, то для каждого новорожденного сына побудовал по новому будинку, и то што раз то новой моды, и переносилс в новы будинкы, а старых тримал худобу и сіно складад.

Ваньо Кропля.

И тоты вшыткы приходы здавалися Семанови за малы, и зато постановил заставити и других робити на свое богатство. А жыл на Бігунякивці Ваньо Кропля, бід-

нійший газда, але мал велику здобност до купетства; так знал оцінити каждый товар, же як купил, то все с подвойным заробком продал. Лем сам, без капитала, не мог нич зробити ани з хыжы выйти.

Тот человек сподабался Семанови. При-тягнул го раз до себе, почестувал, и гварит: — Може вы, Ваню, згодили бы ся на мое предложыня. Я вас мам за найспособнійшого человека в селі. Добрый з вас купец, але не мате капитала, котрый у мене ест. Я бы вам предложыл грошы, килько треба буде. Заробок на половину и втрата на полови-ну. Правда, у вас ніт кому робити, але я часом вашой бабі можу помочы, як будете заняты... Згода?

— Згода — потвердил Кропля.— У мене ґрунтина не величка и вшытко близко хыжы, та бабско и сама обробит, а и я, як буду дома, поможу.—

На том и почали. Кропля гандлювал, приносил заробкы, з котрыма честно ділил-ся з Семаном. Но Семан удавал недоволь-ного... Грыз себе Кропля и в тых подоро-жах роспился. Семанову половину все при-носил, а своей не было. За тот час вшыт-кого раз штоси помог Семан его жені зро-бити, раз купил для ней соли, а раз запла-тил податок з ґрунта. Але тото все собі записал, коли и килько того было. Пора-хувал каждый найменший крок и наконец заскаржыл Ваня Кроплю до суду. И ни с того ни з того, як выстріл з мотыкы, зо суду пришол Ваньови выпис з ґрунта. О три тыжні пришол Семан вышмарити старог Ваня зо женом из их власной хыжы. Очы вытрищыл старий Кропля на тото вшыт-ко, ходил, довідувался што, где, и як, ци не дало бы ся направити, але надармо, ледво с плачом допросил ласкы в Семана, же по-зволит му ужывати своей хыжы и загородку под виглядом, и то аж товды, коли Кро-пля обцілувал му ноги. За тоту ласку му-сят обое стары робити до смерти на Семана.

Тимко Синяк.

В том ґрунті, котрый таким несправед-ливым способом взял Семан от Кроплі, была сполка штырьох газдов на Чершли, под лісом, зароснена крячыном. До той сполкы належал и Тимко Синяк. Он, зо своима сы-нами, в вольных от работы хвилях, розмі-

ряли, за згодом других спольников, на ровны штыри части и свою част выкарчыли, выпалили кряча, зорали и засіяли. А тоты три части других спольников оставалися дальше зарослыма. Тепер, коли Семан пе-ренял ґрунт Кроплі, то и до той сполкы мал право, лем же не признавал за свою часть тото заросле, лем выроблену часть Синяка. И на яр вышол на тото поле, переорал Си-някову озимину и засіял свой посів.

Коли Синяк увиділ што ся стало на его поли, спровадил комиссию повітову. 16 раз з'їзжала комиссия бадати, и на остатку признали правду за Синяком. Коли комис-сия мала розойтися, Синяк звідался: — А кто мае зберати тепер тото посіяне? —

“Ты выробил, маш до поля право, а коли твое поле, то и посів твой и маш право зобрати го” — достал отповідь.

Подрапался клопотливо Синяк и гварит: — Та правда, бо он мою озимину переорал, але он барз завзятый, та ци суд не дал бы мі полицию на час зборов, жебы меже на-ми до биткы не пришло.

Судия гварит: — Як овес пристане и бу-дещ го мал косити, дай знати до суду, а мы тобі вышлеме полицию.”

Находили жнива; овес приставаля; перед хыжу Семана Чопаря заїзжают його оба адвокаты на самоході; зышли и гварят Семанови: — Мы знаме, же ты завзятый, то як нам добри заплатиш, то мы так зроби-ме, што Тимко полиции не достане в часі збору.—

Вытяг Семан 50 золотых, высадил на воз великого барана и казал слугови завезти адвокатам до Горлиц.

Овес треба было уж косити. Пошол Тимко до суду, але полиции му не дали. На друге рано, додня, вышло трох сынов Тимковых косити овес. Предчутя мали, же днеска готова быти битка, и жебы оминути того, лем двох косило, а третій одразу вязал суровий овес и укладал до драбня. За коротку хвилю выходят с косами два сынове Семана и сам Семан. Усмїхнулися смїхом ненависти и закричали, же идут по-мочы косити. И почали з противоположного конца. А старий Семан выдрапался на воз и змітує снопы з воза на землю. Сын Тимка, што недавно пришол з войска, зачал про-сити, а потом стїгати старого з воза, но

не долго перемиляли собі в роботі. Семан шмарился на Тимкового сына, але тот вергнул ним под себе и Семан заревіл бычим голосом; обі групи косаров призералися спочатку, потом сынове Семана скочыли першы на помоч отцу, а коли сынове Тимка увиділи тых, скочыли сами. Середуший сын Тимка прискочыл и без намыслу пустил косу згоры.

Наслідкы были страшны: Коса перешыла старого Семана, всі внутренны органы зо сердцем и вышла концом под ребрами. Коли вытяг косу, махнул ньом ищы по его сынах и поранил их тяжко. Семан богац згыб на місци. Сам убийця шмарил косу и пришол сам просто на постерунок замельдоватися полиции. Пораненых сынов Семана повезено до шпытала, где они выгоилися, но село от того часу освободилося от их збытков. Стали спокойны. Семан, мертвый, лежал пару дней окровавлений коло воза в змервленных снопах овса, покля не пришла комиссия на збаданы. Сын Синяка был засуженый за убийство на два роки арешту, а то зато, бо Семн наперед заплатил адвокатм их належытьость, и они боронили го и по його смерти.

За грунт, выдертый от Ваня Кроплі, почала старатися родина из Америки и по долгых куроводах вынашли неправильност и отдали грунт Кроплям.

* ** *

Не могли вытерпіти Синякы Чопарови и не могли на него найти суда, зато розправилися з ним по своему, а люде признали, же он собі на то заслужыл.

По народному розуму наших лемков такий пажерный вызыскач людской крови и труда, не повинен жыти на світі и заслужыл си на згладу зо світа.

А по сознательности и розуму рабочих лемков, не лем такий чловек, не лем такий суд, што не може дати справедливости, але и така система, котра выхове и похвалят вызыскачов, заслуге на згладу зо світа.

РОДНЫЙ ЛЕМКО.

Торонто. 2 Юнь. 1934.

Шпекулянт

“ШПЕКУЛЮВАТИ,” то цілком отмінна робота от других; то треба мати до того и специальный талант, треба такой шпекулянтской науки и треба практики.

Шпекулянт вшытко тягне к собі, бо в него ест засада, же “кажда рука к собі крива.” Не розходится му, ци то стягнене з одного, ци зо всіх, ци з бідного або богатого, скупого або щырого, з мудрого ци глуптака, з отца ци матере, сестры ци брата, сусіда, ворога або приятеля, зо жены або родных дітей, не робит нич, ци то мае прити по крови, слезах, по несправедливости, обманстві, вшытко тягне до себе, абы лем самому не робити, вшытко лем жебы коштом и працом другого пришло до його рук. И шпекулянт тото складат, громадит, без ниякой ціли, не дбат, ци то буде придатне его дітям, не дбат, кому тото остане, як дітей нема, абы лем перетерлося през його руки и остало його “власне” хоц бы гнило за його плечами, але лем жебы было у него.

Та то тот шпекулянтиско подобный до больвана!

Но ніт, меже больваном а шпекулянтом ест разлица, дост значна разлица. Приміром идея больвана инша: Больван, коли видит, же штоси ваше не досталося йому, то робит так:— “Най не буде ани мі, ани тобі.”— Шпекулянт уж инакше, а то:— “Мусит быти мі, а не йому.”— И нато он шпекулянт, штобы вышпекулювати для себе.

Больван робит без пляну; буде тишытися, як вам пропаде, або як ктоси одному силом одойме, а другому даст; буде нераз тишытися, як йому самому пропаде...— Шпекулянт не так; в його голові вшытко обраховане, змірене, зважене и оцінене, його не тишыт, же вам пропало, але грызеса тым, же йому тото ваше не попало; не тишытся, же тамтому одобрали а тому дали, але плаче же йому не дали. А уж свою згубу, страту в богатстві, страшно не любит, зварюе або и повіситися може, товды як больван преспокойно перенесе таку страту.

Больван нераз одрубат конар, на котрой сам сидит, шпекулянт николи того не зробит. Шпекулянт лем тоту голуз буде ру-

бати, на котрой дакто сидит. Больван, хоц упаде зо своейм конаром и потовчесья, то и так прекопаний, што добри зробил, шпекулянтowi не дай бог, жебы таке притрафилось, бо бы ся голодом морил за не розважный свой поступок, так не любит переносити свои неудачы.

Товды як больван веселитсья, шпекулянт влизе до певниці, штобы му в плянах никто не мішал, и николи в жытю веселости не ма.

Больван любит историю, а шпекулянт ненавидит, бо больван зато, штобы вернути больвану вашу эпоху, знищыл бы все жытя на землі — шпекулянт зас знищыл бы все людство, лем жебы його маеток захопити в свои руки. Больван тішытсья з вашой біды — шпекулянт тішытсья лем товды, як ваша біда приносит му зыск. Больван, як хоче вам зробити на збыток, то на никого не зважат, робит ясно перед вами — шпекулянт одозвесья до вас товды найкрасшыма словами и робит на вас замах аж через десяту особу, и никому не зознатсья о своей роботі, товды як больван перед вшыткыма похвалитсья. Шпекулянт найбільше кривы стежки глядат, каждого страхатсья, сам собі не вірит и лем тіни глядат.

Больваны люблят быти тлусты, бо вшытко што попадат в их руки, переходит през их жолудкы, — Шпекулянты худы, бо жалуют сами собі, жалуют собі навет не свою працю и откладают на даколи.

Больван ищы часом присилитсья до роботи, хоцбы лем товды, як вам хоче пошкодити — шпекулянт николи робити не буде.

Больван, ци при удачах, болю, радостях, або не удачах, все и зо всього смієсья — шпекулянт буде плакати, співати, кричати, буде удавати так, як коли треба, як вымагают його пляны. Больвана познате зараз, як зле зробил, шпекулянта аж о 5 або 10 літах, або и до смерти не довідатесья, же вам была кривда зроблена шпекулянтом.

Колі призератесья на обох разом, то больван смієсья просто в очы, шпекулянт смотрит на вас милосердно, але понуро, бо больван товды не думат нич, а шпекулянт перевязує мысли, як бы вас выкорыстати, вытягнути от вас, хоцбы вашу спокойну душу.

С того видиме, же больван, а шпекулянт, маіот отмінны задачи и не еднакий характер, зато не можут быти едно и тото саме. А

вшыткы люде на світі перемішаны з больванами и шпекулянтами, без взгляду на клясы, полы, занятя, станы и расы.

И внашом селі был еден шпекулянт. Може их было веце, але я знал лем одного, може быти, же он был найхытрийший шпекулянт, зато го каждый познал, а може лем наскладана людска праца ясно показувала, же он шпекулянт. Мы го не будеме ту бити, лем из його жытя вытягнеме науку, як и што роблят шпекулянты и як их можна познати.

Каждому хвалитсья, же он был вийтом в селі 9 літ. Хвалитсья зато, штобы позыскати у других віру до себе, што он добрый, коли його громада держала вийтом 9 літ.

И направду он был вийтом за час войны, як вийтове вийтовали долго, бо и выборов не робили, але яка памятка по його вийтованю остала, то село буде памятало до третого поколіня. Война аж была жнивом для него! Забрала держава людом вшытко, а до забераня уполномоченый был вийт. Половина из забраного остала у него. Сколько масла, котре знесли люде, сколько цебров розтопилося и потекло до его гноівкы; худобу перепродавал, хлібом свою худобу кормил; от бідных забрал больше, як от богатых. Цукер, што прислала держава для громады, остал в сусіках на його поді и мурянкы го іли; соль білу вымінил жыдам за груды з глином и каминьом и тоту роздавал народу.

Ціле село го уж барз зненавиділо, люде, особливо бідны, плакали на него, а он их страшыл Талергофом, копал до людей, вымітувал за двери и прозывал "москвофилами." По войні уж никто му не вірил, и он зараз тото зауважыл. Штобы привернути до себе віру, купил для церкви трийцю на зелено помалювану. И так, з богом, продолжал свою роботу.

В тых часах, по войні, долги роки плянталися по лісах всякы банды, дезертеры, плінны и правдивы збуи, што час от часу дакого убивали, найбільше ксьендзов, бо они мали добры капиталы. И наших американов товды много выізжало до краю одновити господарство и грошы выносили великы. По селах банков ніт, містовы не певны, а ту страх, бо там чути убили ксьендза, там американа, и нияк небеспечно гро-

шы тримати. А же наш шпекулянт мал уж збите богатство, а каждый хотіл на певне місце ульокувати свой капитал, зато з цілою околиці приходили до шпекулянта люде и просили го о перехованя у себе грошей. В новой державі треба розуміти, яке значня має доляр. Шпекулянт робит по шпекулянскы: удае сам перед людми перестрашеного, лем шепотом бесідуе в замкнуеной коморі до людей з грошами, чым ищы большого страху додаст боязливим американам, гварит: — “О, тепер барз небеспечны часы, я сам о свое жытя боюся” — и не хоче брати, так што перестрашена людина на силу пхала му грошы и обіцяла платити процент за перехованя. И одобрал тысячы долларов и процент от них брал. Но не треба думати, же он грошы дома тримал, пожычал всяди, в певны місця честным людом, котры от тых самых грошей платили му рочно 25 процент, а многим грошы за-таил, бо взял без свідка.

Коли газдове почали уж меньше грошей пожычати, бо ся уж отбудовали, то шпекулянт нашол друге жерело для подлива-ня свого капитала: Спровадил емиграцийного агента аж с Кракова до нашего села, котрый почал захвалювати людам Аргентину, Перу, Бразилию и Канаду.

И зараз людей посылал до него: — “Ту,” повідат, “пришол еден мудрый человек, што перевозит людей за море, до богатых краев, богатших як Амеркиа, можете зарадитися дашто, можете заробити, а вернете, побудуетеся, докупите поля,” и т. д. Каждому бесідувал до його обставин и мыслей. Агент зас представил свои краины медом и молоком текучы, в котрых и дуже робити не треба, а богачом може стати за короткий час.

И зачался в селі рух, каждый збератся, рыхтуе, думат о чомси, але коли до агента почали сходитися люде з других сел, то уж начались правдивы перегоны, люде наперед других хотіли вкročити до тых золотых заморских царств, але ту треба грошей, зараз почалися торгы о сплаткы, о віна, дакто и кавалец поля продал, рух такий был, што до села приіхал ипотечный уряд полагаджувати справы; всі продавали, перетігали, дарували, выплачали, пожычали, выписовалися, было не мало и сварні, побилися брата, покалічылася мати з дівком,

отец зиклинал сынов. А в той цілою замішанині найбільше скорыстал шпекулянт; он найтикше справовался, выпожычыл грошей, купил поля, пляцы и ліс; выселил шпекулянт не мало народа з нашей околиці, позбавил их родинной згоды, позбавил их маетку раз на все, десятки из тых людей погыбли незавидном смертьом, а сотки голодуют в холоді и нарикают на свою горку долю, с котрой сміеся шпекулянт; бо йому их родны в краю до днес платят по 25 процент и то процент от проценту. Так то легко шпекулянтови захватити добро других в свои руки! Йому не треба золотых заморских сторон, он ліпше заробил за пару літ, як найліпше ученый человек в Америкі за свое ціле жытя.

Як трафится в селі человек, за котрого радом люде пойдут, а не пойдут за радом шпекулянта, то он найде деси таку жылку, што того высуне зо села; не расходится, в який, добрый ци злый способ, але усуне го зо села, спряче с под рук нежеланного приятеля, аж далеко за горы за лісы.

В часі войны, як переходили войска, то вшиткы такы як он, повтікали зо села, он не потребовал втікати, бо он шпекулянт. Пришли русскы войска, то з него настоящий русский козак, русских привитал сольом и хлібом. Пришли мадьяре, то он мадьяр, ажи откальси мадьярскыма словами замітувал; хотіл помститися на сусіді, то повіл мадьярам, што он мал перед войном мадьярского коня, а сусід того коня бил. Зато уж мадьяре газдови дали слупка под його родном стріхом, а шпекулянта зато мали за приятеля. Пришли німці, он правдивый немец, вшиткы войсковы слова знал по німецкы и лем зних укладал бесіду. Чехам признался, же його мати была чешка: Яким треба было быти, таким был.

Все вшытко складалося му, николи не хыбнул на ничом. Жебы знал порядок тому своему зграбаному богатству, то былбы може першым богачом на цілы карпатскы горы, але штож, його шпекуляция не мала границ! Он и на женах хотіл зробити богатство: а то пошло от того:

Умер в селі богатый газда: обыйся новы, два грунта и лем трое дітей. Остала молада вдова. Того богатства нияк не мог досягути шпекулянт. Але раз выслал свою

жену на губы, а як раз вода пришла велика. Шпекулянт вышол наперед жены, жебы през лаву ей препровадити, жебы ся ей голова не завернула; дост на том, же кус серед лавы штуркнул до ней плечом и жена цупла до бурячої и коломутной воды. Нашли ей на четвертом селі, под колодом, о тыжден по тому, забрали ей докторы до збаданя, порізали, позашывали и ани ниякого слідства не робили ани похорон нич не коштувал шпекулянта. Товды оженился з вдовом, діти зараз выслал на службу, и приказал их газдам платити собі за их службу, а их грунт загорнул. Штырох жен позбылся в подобный способ, за каждыма забрал спадшыны, діти выганял по службах и в “золоты” краи. Другому и шлюбу бы не дали с четвертом женом, а йому дали з пятом, без всякой перешкоды, не знати, ци може знали же он шпекулянт, ци шпекулянтам никто не противится.

Остало йому по пятох женах около полтора тузіна дітей, та што с того; от гаруваня едны померли, другы сухотники, а трети остали приземками, не выросли, бо не мали коли, бо на фольварку треба робити, цюцьмати день и ноч, а помочникам шпекулянт не буде платити, в него робочий за день роботы не стоит ани скыбку хліба. Он жалуе и дітом и собі, зато діти му халіют, а он лем очами світит з меже высушенных сухых костей. Не ма радости он, не мают и діти. Та и газдовство запущене, зароснене и не хоче родити так, як бы знало, што на нем зроблене преступление, же його газда за морями ходит босый, без цента, без средства, и коли му наскучыт покончыт сам зо собом, зато тому шпекулянтowi не вартат лем тернину родити. И родит поле тернину и буде родити, покля землю не розберут честны газдове, але шпекулянт, покля жые, тримат и буде тримати в своих руках до остатного дыху и до остатного дыху буде шпекулювати за новым богатством, котре ест в руках других.

Не здаеся, штобы он довел до порядку свое богатство, бо йому бракуе часу робити порядок в том, што уж мае, он смотрит за тым, што другий мае, и яким бы то способом перешло того в його руки.

Тяжко селу жыти при шпекулянті, тяжко и народу жыти зо шпекулянтами, але штобы шпекулянты пропали з меже народа, то лем их треба познати и приде тот час, што пан бог верне розум всім лемкам, а товды шпекулянты повтічут, або переродятся.

Бо ищы една ест рижниця меже больваном, а шпекулянтom, а то тота, же больван не направитя, больванов бракне товды лем, як выродятя, шпекулянты, хоц ест их больше як больвнов, годни переродитися, хоц дуже трудно за своего жытя, жебы одзвычатися от шпекуляции, але их потомкы могут одродитися.

Каждому тому человеку, до котрого душы влізе и засяде тота бестия, приписал світ имя “шпекулянт”, без розбору, ци то простый хлоп, ци пан, бизнесмен, поп, бискуп, редактор. Таких шпекулянтов много меж нашим народом, зато так тяжко лемкам двигнутися. Шпекулянты нас досігают не просто, але аж споза десятой особы! Так они знают вызыскувати и шкодити. Перед нами удают патриотов, а на боці до жмені сміются. Не выштыкы они еднакы, менше розумны и менше пляновы — менше шкодливы; больше обзнакомлены з интересами шпекулянтства, то люде дуже вредны и шкодливы.

Сила их в том, же они не люблят нияк, жебы дакто знал, же они шпекулянты. Буде вам клястися и присігати, же ніт. Уважают себе не за таких дурных, як приміром большевики, што носят червений значок, и то на переді, на самых грудях и лем полиция их все бадруе; а то зато, бо они не шпекулянты и хотят, жебы выштыкы виділи, кто они такы. У шпекулянта така робота, то найбільше глупство, яке може быти на світі.

Зато и вы повідате, же сте не виділи шпекулянта, хоц нераз сте про него потерпіли кривду. Ци он не зробил з вами подобне, як наш зробил з емигрантами в золоты краи?

РОДНЫИ ЛЕМКО.

Торонто 7 Ноябр 1933.

Сон Карпаторосса

ХОЛОДНЫЙ, осінний вечер. З неба позерат на нашы горы и на бідны села, меже горами, полный, блідый місяц. В селі тишына, лем от часу до часу собака забреше.

Я веду свои малыны, горскы коники на молоду конич за селом. Завел и там, спутал и оставил, а сам вертам до дому. Аж ту, якбы заблисло, потом гром,, а пак вітер, дощ и буря. Я, што мал сил, пустился летіти до села, но до села далеко, тай схоронился на цминтар в трупарні. Сіл в куті на лавочку, але маю страх. Такий страх, што аж волосы на голові стают. Здаеся мі, што всі умершы повставали з гробов, рады, што мают одну живу, теплу душу меже собом, якбы сміялися своим мертвым сміхом. Жду зо страхом, коли мя возмут разом зо собом до гробу. Але двигам голову, смотрю, а предомном стоит добри одітый, здоровый хлопиця, видно не с тых помершых, бо у нас так на смерть не убегают. Я прошуся зо страхом, кто он и кого глядат? Я, гварит, “доброрадец”. Я пришол помочы тобі в твоей біді, бо я знам, што ты думал много о том, як помочы твоему народу, котрый найбіднійший на світі, и не може с той біды выйти. А не може выйти з біды зато, бо вшыткого ся боит, ажи страхов з другого світа, як и ты тепер боишся. Тоты страхы, жывы и мертвы, мучат твой народ. Под, чловеце замном, а я ти покажу, чом твой народ так бідуете..”

Я боялся ити з незнакомым в ночну годину, але он схватил мя за руку и выпроводил на двор. Выйдеме вон, а пред трупарньом стоит прекрасный автомобиль на цементовой дорозі. Ого, думам я собі, никто то тот хлоп, лем чорт, бо ту не было ниякой цементовой дороги, то лем чорт мог так скоро дорогу зробити. Але незнакомый, ци там чорт, штурнул мном до автомобиля, сіл и пустил машину. Іхал быстро, што аж мі в голові кружылося, здавалося што не долго так поїдеме, што нам конец приде. Я зажмурил очы, обвил голову до гунькы, и чекам смерти. Аж автомобиль стае. Розвил я голову, открыл очы, смотрю на выгяд на околицу, але околиця мі чужа, хоц наша,

карпаторусска: Маленке село, хыжы малыны, понакрываны гнилом соломом, выгяды не отвераны, запханы брудныма шматами. Люде обдерты, голодны, лем скоро и кости, снуются по болотистой улици села. Мой незнакомый вышол из автомобиля, вытянул и мене, и каже, што мусиме оглянути тото село. Идеме мы по той болотной улици, тай догнали зме одного старика селянина. Просится старика, где он иде. А, гварит, иду на громадску раду, где мае рішатися справа мого сусіда Олексы с паном Мошком, нашим корчмарем. Яка справа? — Я, каже, не годен вам всьо оповісти, ходте зо мном.—

Идеме мы слухати тоту раду и тот суд. И пришли мы до того “громадского дому”, та показалося, што тот громадский дом, то такой Мошкова корчма. Стоит Мошко за шинквасом, гладится по старозаконной бороде и преливат горівку из фляшкы до фляшкы. В другой комнаті сидят: вийт и двох радных, чекают громады и пют горівку. Коли громада зышлася, вийт вышол на лаву и так промовил:

“Честна громадо! Мы зышлися ту днес на раду, штобы полагодити справу меж Мошком и Олексом. А справа тота така: Як мы всі, так и Олекса пил у Мошка. Но Олекса пил за много. Мошко йому говорил, штобы так много не пил, но Олекса не слухал. И тепер показуеся, што Олекса напил у Мошка больше, як вартат цілый його маеток. Ну и што тепер робити з Олексом? Я думам, што найсправедливше буде так, што як Мошко обрахует и возме Олексин грунт и хату, то решту Олекса мае отрабляти Мошкови, аж отробит вшытко. Ци добри я кажу?

— Добри, добри. — крикнула громада.

Не было ниякой апелляции на такой присуд громады. И Мошко знал, што он выграт, и што му треба робити. Взят велику фляшку горілки и зачал от вийта честувати громаду.

А мой незнакомый каже до мене:

— А знаш ты, што Мошко мае уж большу половину села, яко свой маеток? Тоты селяне уж на него робят. Але ходме дальше.—

И сіли мы зас на автомобиль и поїхали в друге таке село. Здавалося, што оно кус чистійше и богатше. Здавалося мі, што и

люде мудрійше ходят. Дві церкви стоять серед села. Одна з однораменим крестом, а друга з трираменим.

Ударил звон, раз, два, три! Як на оген! Смотриме, не видно огня. А люде летят! Летят едни з вилами, другы з мотыками, третьи лопатами, косами, колами, кто што в руки захватил. Я не розуміл, што то значыт, але біжут люде, біжу и я! Так побіг я пред церкви, смотрю, а ту правдива битка. Довідуся, што православны буюся с уніятами, буюся, не жалуются, едни уж лежат, ранены йойкают. Тепер аж горит в селі: То уніаты подпаляют православных, а православны уніатов. Але никто не ратуе, люде буюся.

— То ваша Карпатска Русь — гварит мой незнакомый. — И зато вы пропадете, як не опамятаетеся. А хочеш видіти, где народ жые культурно?

— Хочу!

— Сідай!

И ідеме, ідеме, аж приіхали мы в едно село. Тыж по русскы народ бесідуе, а який жывыи, здоровый! Через село веде уж цементова дорога, електрика світит. Хаты чыстенькы. Стаеме, стрічае веселу гуртку дітей. Прошуся, што за край, што за село ту. Діти посмотріли на мене зачудовано, што я прошуся таке. Гварят, што ту Сов.

Союз, колхоз Родина. Зышли мы з автомобиля, ідеме ку прекрасным будовам на середині села. Чытаме надписи: “Сельский Совет,” “Школа,” “Театр,” “Библиотека.” Заходиме в середину: Всяди полно народа, ту учатся, там слухают музыку, ту сельский совет радит, але не над тым, што мае Олекса робити, штобы Мошкови выровнати долг, а як удосконалити ролю под засів.

Народ тверезый, здоровый, щырый, мурый, мой “доброряд” подобный до них.

— Но — Просится мой незнакомый — як тобі подабается тото село?

— Таку бы я хотіл и Карпатску Русь — кажу йому.

— Сама она така не зробітся — каже — треба вам взятися до науки, просвіты и роботы, то собі зробіте таку! Сам сон не зобит вам таку Карпатску Русь. Збудся, чело віче, не спий, а роб! —

И так мене тот незнакомый штуркнул под бок, што я пробудился, открыл очы, а я в своем румі в Канаді, далеко от Карпатской Руси и от ей темноты, але як видите, не забывам о ней, бо снится мі.

Но, дороги братья карпатороссы, самы сны нам нич не помогут, треба, як тот каже, учытися, боротися и працувати..

ВАСИЛИЙ ЧЕПА.

Лемко от Ужгорода.

Из Маковицы

Ой верше верше, зеленый верше,
Уж ся не верне, што было перше!
Што зме прожыли борбу незгоду
Сами робили зме собі шкоду...
Ой шкоду шкоду, велику втрату,
Час ся познати, любенький брате!
Дайме сой руки и ся помирме,
А нашим врагам больше не вірме!
Шмарме темноту, отворме очы,
Не ходме водне темно як в нocy.
Мы зме всі братья еднакой расы,
Уж ся минули незгоды чысы,
Стары минули, новы настали
И нове жытя люде зачали!
Шмарме старизну, уж ся раз збудме
З новой дороги веце не блудме...
А стары братья ся не гнівайте
Молодым діло до рук отдайте,
Котры в час войны зме воювали,

То зме розума веце набрали,
Як нас учыли, як нас мучыли,
И по окопах нас волочыли!
Як было тяжко и як немило,
Много ся жытя своего позбыло.
Котрый ся достал до рук, до плену,
З иншым розумом уж назад вернул,
Там ся научыл, там ся преконал,
Што он задармо в войні войовал...
Так всім нам братья час ся познати
И рука в руку разом тягати...
Шмарме от себе тоту сліпоту,
Не робме з віром жадну клопоту,
Ани зо віром, ани с церквами,
Станме в единство, будме братами,
Жыйме во любви и поступуйме,
Народне жытя уж днес будуйме...

Лемко Маковичан.

Емиграция---Спасение Лемковины

НІТ НАРОДА во світі, штобы находился в так трагичном национальном и экономичном, господарском положыню, як лемкы. Ніт такой группы народа, штобы на него так наперали зо всіх сторон, штобы го якнайскорше национально уничтожити, стерти. А для обороны лемкы дуже слабы. Перше, слабы мы потому, што нас невелика группа, а и тотя розділена границом на дві части. Слабы мы потому, што за часов Австро-Венгрии не дали нам ниякой можности розвита. Коли всі наши сусіде, сусідны славянскы народы мали можность розвита, науки, на своей родной бесіді, мы той можности не мали. Значыт, перешли зме в дідицтво Польшы и Чехословакии неподготовлены совсім до борбы за права меншинства. Через политичный розділ и закрытя границі ищы больше ослабили нас и отняли от нас остатню силу для национальной обороны.

Наша племенна отрубность от наших сусідов, велике для нас несчестя, котре найбільше причыняется до трагичного, безвыходного положыня нашего народа.

Зо всіх сторон, наша слаба группа народа стиснена нашыма, роз'ягитованыма своима национальныма патриотизмами, сусідами, котры маюти свои национальны державы, правительства, милитарну силу, жандармов. Устройство тых держав, меж котры мы розділены, капиталистичне, котре може триматися лем на фальшывом патриотизмі пануючой народности и пропаганді племенной нетерпимости, ненависти.

Ци в Польшы, ци в Чехословакии, перший поляк и чех, яко упривилегиована народность. Так едны як другы говорят, што то их державы. Большы группы народов и ліпше подготовлены, ліпше загаздованы, богатшы, ліпше учены, маюти силу боротися за свои права. Их народы, у котрых свои державы, помагают им в той борбі за тоты права меншинства и дают им надію, што тот час приде, коли они отвоюют их: Нім-

ці німцов, мадыре мадыров, и тоты народы жыют национально том надіом национального освобождения.

Наше положение таке, што мы том надіом жыти не можеме. Русский народ збудувал совсім на другой идеи свою державу: Не на национальной, империялистичной, а на социялистичном фундаменті. В Сов. Союзі каждая найменша народность мае полную свободу национального розвита. Наша национальна свобода зависима от того, ци тоты державы, в котрых жыеме, останут при старой, капиталистичной системі, ци приймут социялистичну. При старой империялистично-капиталистичной системі, коли бы тотя система ищы яких пару десят ліг была суца до жытя, мы национально пропадеме. Но здаеся, што она до 10 ліг найдальше мусит перемінитися в цілої Европі.

Уж по той причыні, што мы инша группа национально от наших сильнійшых сусідов, велике для нас несчестя в жытю. Наш край дуже планний, без всякой промышленно-сти, а до работы даде в місті, на дорогах, вступ нам закрытый, яко руснакам. Коли наш лемко зыйде даде на долину за роботом, повідят му, што маюти дост "своих." И зато лемкы, так по польской як и чешской страні дусятся в тых выскнених горах, на маленкых клаптиках землі, и то дуже мало урожайной, здаеся в Европі ніт слабше урожайной землі. На таких клаптиках землі не можна ужывати нияких ліпшых орудий, не то машин. На ліпшы земледільскы орудия, даже на фабричный плуг не лем же не стати, але и потяговой силы для ліпшого плуга ніт. Бодай зорати и заборонити. А работа дуже тяжка, мимо того, што планно зроблена. Не зато планно зроблена, што лемкы лінивы. Но, лемкы дуже працовитый народ, але біда штораз тяжше пригынати их.

Пред том бідом лемкы массово спасалися в Америку. Но уж праві 20 літ, як тотя спасаня в Америку замкнене. А тым и наш народ замкнений, якбы муром обведений

и презначений на повольне вымераня.

Коли лемкам повідають о кооперативах, о ремеслі, о ліпшой управі землі, то повідають добри, вшиткы тоты річы конечны, але лем частично для них помочны. Кооперациом, ліпшом управом землі, можуть собі дуже помочы польскы, чешскы селяне, бо мають больше и доброй землі. И хоц собі помагають, то видиме, што у них тоже біда, не можуть собі дати рады з долгами. Так задолжены, што нияк выплатитися не можуть. Но так польскым як чешскым селянам яко-такo помагають их правительства, помагати мусят, бо на богатшой части свого селянства операють свою національну власть. Кулацкы селянскы партии, так в Чехословакии як и Польшы, правительственны партии.

Лемкы всі бідны. У нас, на Лемковині, перевелися богатшы селяне, бо хоц даколи были такы, што мали больше поля, тепер уж тото их поле поділене меж их діти, бо в Америку выслати не могли, як перше. Решта з давна бідны, а тепер много молодых совсім безземельны, сидят при блисшой ци дальшой родині, котра ділиться з нима остатным куском хліба, ани не хліба, бо хліба брак, лем тым бідным компером.

Так жыти, як жыют лемкы, и быти здоровым, ниякий народ не може. Правда, лемкы народ ошадный и дуже скромный, но тота скромность мае свои границы. Человік потребуе для свого здоровля и подтриманя свого жытя определену сколюксть поживы. Пересічному лемкови дуже далеко до той определеной сколюксти. Наш народ голодуе, його здоровля упадат. Наш народ потребуе скорой помочы. А тота помоч може быти лем

Емиграция.

Емиграция спасение Лемковины, не так, як пишут украинскы националисты и духовенство, што лемкы могут спасатися и на своей землі. Тоты, што так потішають наш народ, врагы лемков. Они якраз жычат лемкам, штобы они вымерали помаленкы и совсім вымерли. Украинскы националисты позбудутся лемковской группы, котра им терняком в пяті. Духовники барз рады, коли люде умерают и страшно не любят выпускати душычок из своей пара-

фии. А найстрашнійше для них тото, што лемкы збераються емигровати в Сов. Союз, где за нима не можна ити, як приміром в Америку.

Чом лемкы звернулися о дозволіня емигровати в Сов. Союз? Откинме мы всякы политичны спору, а посмотме найперше, ци ест яка друга страна, який другой край, часть світа, где бы лемкы могли осідати? Покажете таку часть світа, вы, котры против емиграции в Сибир, лемкы пойдут и там, бо іхати, емигровати деси мусят, як хотят сохранили здоровля и жытя на своей землі. Бо коли часть народа убуде, то тым, што останутся, буде слободнійше и ліпше жыти. В густоті будут вшиткы мучытися.

Емиграция лемков, то вопрос жытя або смерти нашего народа. Лем при массовой емиграции лемкы могут ищы жыти и розвиватися. Лемков сохранила дотепер при жытю емиграция в Америку.

Наша 50 процентова емиграция в Америці, за яких 25 літ, вымре. На своем молодом поколію в Америці, по вині наших "лідеров," будувати нич не можеме. Мы ту, в Америці, скоро совсім замреме. Хыба наша молодеж якым чудом набере робочого сознания, чувства до бідного народа, сознания справедливости для бідной кляссы и угнетеных народов. Тогда она найде свой народ, найде край своих родичов, дознатся о своем походжыню, бо оно ей не буде стыдне, як тепер, коли стыдно быти бідным, або походити из бідного, поневоленого народа. Напротив, буде честно быти бідным и походити з бідного народа.

Если бы не наш Лемко-Союз, то тота наша, найвысша процентова емиграция в Америці, совсім бы марно пропала. Нікто бы о ней не знал сегодня, кромі нас самых. Але того мало. Што нам с того, што уж о нас, лемках, знают. Нам должно роскодитися, штобы тота наша емиграция оставила по собі даяку памятку для нашего народа, зазначылася в його истории. Мы мусиме штоси зробити, штобы нашим братьям помочы в том тяжком положыню. А можеме им помочы в открытю емиграции. И коли Лемко-Союз тоту одну из своих задач выполнит, поможе открыти нашим братьям двери емиграции в Сов. Союз, то остане раз на все в истории нашего народа,

а тым самым остане в його истории наша американска емиграция. И зато мы должны выпружыти вшыткы силы, штобы допяти той найважнійшой задачи.

Треба нам все на памяти мати, што спасение Лемковины в эмиграции. Што эми-

грация лемков не може быти в нияку иншу сторону, лем в Сов. Союз. В том направлении нам треба робити, робити всіма силами.

Ваньо Гунянка.

Дух Карпат

ВАНЬО КОРБАЧ замкнул двери своей малой хыжки на колодку и схватил ключ до торбы. Единный взгляд уж вчера дранком позатыкал, а днес ищы пару галузок чатины медже дранкы повкладал, жебы снігом не закурило. — В хыжы не zostало нич — цілый рухомый маеток Ваньо взял зо собом, бруслик, полатану гуньку, холошні, керпці и калап мал на собі — торбу перевисил през рамено, а палицю взял в руки. В торбі мал ищы ножык, гребин, втерачку и иглу з нитком. В хыжы zostало лем помело и кус сьмітя.

Ваньо выбраляся в світ; мал дост біды, голоду, холоду и людских смішок. Уж му вшытко опротивіло, и постановил сой, штобы не было, ити в світ, глядати ліпшого быту.

— А може ищы больша бѣда буде — прешло му през голову... “Ніт! — подумал — векшой біды не може быти — уж тельо ник не зазнал, што я, уж осемнадець літ бідую, гарую, по службах ся тырам, фрас побрал — люде не шануют — доброго слова не речут.. Вшытко едно, як буде так буде, горше не буде. Здравя мам, якоси лем то буде. —

Посмотрился послідный раз на хыжу и рушыл в дорогу, в незнану даль...

* ** *

Ваньо Корбач был сирота; Няня николи не зазнал, а мама му умерла, як мал не цілых пят літ. Памятал добри похорон мамы. Было то взимі. Двох хлопов вынесло труну с хыжы на сані и повезли. За санями шли дві стары бабы, што уж на каждый похорон шли с привычки, ци от звычайю. Егомость ани дяк не могли прити на похорон, бо не было кому заплайти. — Нашто бідному парады? — Ник не плакал, ани

бабы, ани тоты два газды, лем Ваньо сирота плакал — плакал горко, сердечно, шыро — як сироты лем плачут. — Не розуміл своего нещестя добри, але чул, што го чекат, як то буде тяжко жыти без мамы.

Хоць бідна была, але добра и до работы суца была Марина Корбач. Каждый ей рад до работы брал. Працувала тяжко, але заробила на жытя и на прибрания, и хлопця выховала — николи в ней не голодувал и не мерз. — Не богато ся приберала, але чысто и порядно. —

Отвезли Марину небожку пред церков, егомость вышли, покропили кропилем, дячок замурчал “со святыми упокой,” и “вічная память,” и конец оба завернули до хыж, егомость на клібанію, а дячок на дякивку. А Ваньо уж не плакал, лем смотріл на сані и на труну, и хлипал. Уж добри змерз. Една баба посукала му руки, натягнула шапку глубше на голову.

Сані скрутили на цминтар... Гроб уж готовый был. Старый гробар стоял з лопатом коло гробу, и нетерпеливился, бо студін была. От часу до часу клал лопату на купу выкопаной глины и тер руки. Хлопці тымчасом подыхали санями под ограду, вынесли мары с кошниці, положили на них труну и понесли ку гробови. Гробар подал мотузы. Розтягнули на землю, положили на них труну. Еден хлоп сильный взял сам оба конці мотуза, а другий зас с гробаром и пустили до гробу. Вытягнули мотузы и зачали землю засыпувати. Лем забубніла змерзла глина по дощці, а по Ваню аж мороз перешов. Уж чул же вшыткому конец...! “Што то тєраз мя чекат”?... перешло му през мозок. Бабы шмарили до гробу по три грудкы глины, выгварили три разы “Отчєшан” и “Богородице”. И отхо-

дят. Хлопи тых одышли ку саням и поіхали. Деси вшыткы забыли, же ищы сирота зостала. А Ваньо от плачу аж ся заходит. — Та не дрийся — гварит баба — то не може нич, мама уж не стане, лем ход до хыж з нами. — Але Ваньо не чул, што гварила баба, лем плакал. Нич не чул, нич не виділ и не хотіл нигде ити... Як же ити от мамы? где? до кого?

Бабы одышли! А гробар уж досыпувал решту выкопаной землі до гробу.

Робил тоту роботу з деревяным ровнодушием. Преця то його хліб. Привык... Не едно грішне тіло закопал. Не плакал над никым, бо уж был звикненый на людскы плачы. Знал добри, же його коли закопают...

Загорнул лопатом остатню глину, заровнал, взял джаган на рамено и гварит: — Но, хлопче, не плач, а ход зо мною до хыж! Ту зимно, то быс замерз; а до своей хыжы не можеш ити, бо там сам не можеш сидити... — Пидеш зо мною до мойой хыжы, огріешся, зіж дашто и зостанеш! —

Взял го за руку, и попровадил.

Ваньо не гварил нич, може ани не чул, што гробар бесідувал, але, же го тягли за руку, то ишол за гробаром.

А гробар дальше бесідуе: — Переночуеш у мене дома, буде ти тепло, поіш сой, а заран будеме видіти, што и як буде. А може и през цілу зиму в мене зостанеш — кривды не будеш мал хлопче. Но, но, лем не плач! Дашто будеме радити. Тыс хлопак хоц не дужий, але выроснеш, пидеш на службу и будеш жыл як и другы люде, лем буд добрый, слухай мудрых люди, а зо злыма ся не задавай, якоси то буде! —

Ваньо ишол с гробаром дост скоро и кус ся очкнул. Плакати перестал.

* * *

Гробар уж старый человек был, ай ретельный. Жену мал тых старшу и добру, а діти не мали ниякых. Кус своего поля и хыжу, а зас громада тых приділила му малу парцелю яко гробарови. Правда, на полю лем грульки ся родили, але и козу мож было выховати. Зрештом гробар доставал заплату за роботу, палюнкы не пил, то му выстарчыло на жытя, істи мал все што, а

же газдыню мал добру и шпаровну, то дакус отложыл на старость.

Пришли до хыж. Гробариха познала до раз, чый то хлопец, взяла го, оділа, придулила, накормила и положила спати. Ваньо заснул як камин. Дві нocy мало што спал, перемерз и сплакался. Вшытко тото так го змучыло, же як бы зостал где сам на дворі, то бы заснул, хоц и на снігу, и заснул бы на смерть.

Ваньо гнет ся привычаил до новых люди, а же хлопец добрый был и охотный, то гробариха го полюбила, як своего. Помагал хоцшто в хыжы, а в літі пас козу, або зберал для ней траву ци листья в дєбри. И так дорос до десят літ. Тым часом гробариха умерла, а и гробар, же уж старый был, пишол за ньом, штоси за рок.

* * *

Был май: Весна красна, гарді на світі. Кто сытый, приодітый, тому и весна мила, а кто голоден, то му ани фиалкы не помогут, бо лем пахнут. Ваньо уж пятый місяц дома, сам в своей хыжці. Газдове не хтят слугов, бо нее чым платити ани кормити. Што ся на грунті вродит, то ся зіст, продати паця або теля, не вартат, бо ник не купит, а як купит, то за марны грошы, што ани на податок не выстарчят. А податкы великы друг, а вшытко з газды. А газда дати мусит, бо приде екекутор и заберат, што лем ся взяти даст.

Газда іст без соли, сідят потемкы, бо нее зашто нафты купити — на пачку дугану треба дватцет яец продати... Єдным словом — така ся на газдов покуса звалила, же трудно не лем жыти, але и вмерти.

В каждом селі молодых люди дос; каждый хоче робити, а нее где роботу достати. До Америки не пустят, хоц и там неска біда, але там доляры, гварят, все то пінязь.

Пришло до того, же хоц найбогатший газда, каждый ся задовжыл. А тепер уж ани пожычыти нее где!

И Ваньо Корбач работы не ма, істи тых все бракуе, уж рад робит кому роботу лем за тых пару грульок с киселицьом, але пришло до того, же и того не годен был достати. А ту на світі весна крас, повітря чудесне, тепліцко, душа повинна ся радувати. Штож, коли жолудок пустый. — Ніт,

— гварит Ваньо! — Треба даде от той біды втікати — бо ищы человек з голоду згыне!.. Но и Ваньо замкнул хыжку, взял торбу и палицю, и марш в світ!

* * *

Вышел Ваньо зрана, ищы сонце не сходило; люде спали — декади лем ся зачали пробуджати. А когуты роспівалися весело. Погоду добру ворожыли.

Перешол село, уж дошел до крижа, што стоял на граници, посмотрілся назад и за сердце го штоси стиснуло. — Де ту ити? — мыслит. — Але преця за дорогом пиду и конец! — подумал, стряс собом, жебы тот жаль лишыти в селі, и бесідуе сам до себе: — Уж не верну назад, жебы не знам што! — А ту рипнули двери, с цыганской колибы, што стояла на конци села, вышел Старый цыган и гварит: “Гей Ваню! деж так рано”? А Ваньо ани ся не обызріл, лем скоршым кроком ишол дальше. Примомнул му цыган хыжку, слезы му зачали тиснутися до горла, и заплакал Ваньо Корбач — голосно — безнадежно . . . !

* * *

Але Ваньо скоро обатурился, стиснул руком палицю и рушыл кроком перед себе. Уж не думал о біді, ани о своей хыжы, лем голову поднюс до горы и смотріл на світ божий — на горы, лісы, поля. . . Бо то преця был май — вшытко красота. — Повітря пахло, горбки зеленілися. Темный ліс стоял задуманый, так як бы ся тыж зачудувал тому світу, што по зимі так ожыл. Было тихо и спокойно, жадного вітерку не было — голос было далеко чути. А Ваньо чул ажи як му сердце било. Зас далеко на горбках выразно бренкали дзвонкы овчарскы и чути было крикы и гойканя югасов. Пташкы зас так шумно цвіркали зо вшыткых сторон, же Ваньови мало душа не выскочыла с чувства. — Боже — подумал — як гарді на том світі, а кельо ту біды, несчестя! Жебы так человек был тым пташком, або и тым деревом, тобы ся лем все тішыл а згрызоты бы нигда не мал. Бо што такий пташок. Поіст сой, політат, выспится хоцде, не зимно му — одежы не зодре — и все му добри, все веселый. А ту человек . . . и махнул руком Ваньо. — Або

жебы уж мож быти хоц каменьем. . . (Ваньови здавалося, же и камені радуются в маю), тобы хоц о ничым не думал, ани о нич ся не старал. . . И позаздростил Ваньо каменям, горбкам, ядловцям, же тыж сут створы боскы — а не чуют ани болю, ани голоду.

И долго ищы так философувал, же ани не спостерег, як ушол добру милю. Уж было коло полудня. Але горяча ниякого не было, лем приятне тепло, таке тепло, што не слабит человека, лем сил додае. Ваньо не был змученый, але його жолудок был порожный, то ся домагал своего. То ест право жолудкове, податок, як газоліна до кары — не даш — з місця не рушыт.

Ваньо был голоден! А ту в торбі ани куска хліба, ани от кого выпросити, бо люди близко нее. Села ниякого не видно, лем горы, лісы далеко, як око хватит. И смотрит Ваньо на околицу. Сонце освітило землю, озолотило. Чудны тоты нашы горы Карпаты. Хоц нам земля скупю родит, тоты грулькы, овес ци ярец, але хвала богу и зато, бо то наше. Ту жыли нашы предкы, ту мы жыеме, наш карпаторусский народ, ту нас поховают, а нашы потомкы зас ту будут жыти. Бо то нашы горы — были и будут, як долго наш народ буде жыти.

Тоты Карпаты оборонили нас пред Татарами, Мадярами, они повинни нас оборонити пред вшыткыма ворогами! Не даме той землі, тых лісов и гор, тых потоков никому, бо то наша отвічна часть землі и никто нема права нам забрати.

Ваньо дошел до ліса и станул. Подумал, ци бы даде не нашол югасов, што пасут статкы по горах. Мож бы было до них пристати, и так разом з нима жыти.

Так сой думал, а ту раптом пред ним станул человек. . . Старый, сивый, але ищы кріпкий. Торбу ма на рамени, палицю в руках. Дзяд — не дзяд. . . Не подобный на дзяда. Гуньку ма цілу, кошелю чысту, керпці новы, а смотрит так ласкаво и жычливо, же Ваньо отразу набрал смілости и повідат: — Добрый ден діду!

— Добре здоровя — хлопче —

— Где тота дорога провадит? — звідуется Ваньо.

— Дорога провадит там, где ты хочеш ити. — А где ты идеш?

— Я сам не знам где! Иду в світ, глядати ліпшой долі — гварит Ваньо.

— То добри идеш. Тота дорога провадит в світ. Але виджу, же ты руснак!

— Та Руснак, а откаль знате?

— А, бо идеш, а не знаш где, штоси наміряш робити, а не маш жадного пляну.

— А што то значыт плян?

— А, то значыт, же як маш дашто зробити, або даде ити, або дашто постановити, то треба вшытко добри обдумати, каждую дробну річ, каждый найменший крок, ци дашто с того може быти, ци ся того оплатит, бо як ні, то нее што зачынаати, а другого чого ся яти.

— Мудро бесідуєте діду! Ани мі на мысель таке не пришло, тераз то уж буду знал, же треба сой уложыти... е. —

— Плян — докончыл дід и повідат дале: — Нич на сліпо не робится, николи не треба рискувати, як на льотерии... Ліпший вобель в жмени, як сорока на дубі. То правда, же часом ся плян не удаст, але мимо того нич без пляну ся не робит.

Подумал Ваньо над том бесідом и гварит: Добри, плян! Але як то? Я мам плян найти сой роботу, а ту не годен, бо нее роботы, я мам плян дашто зісти, и нее жадного способу, жебы мож было хліба заробити. Бо красти я не годен, хоцбы пришло з голоду вмерти.

— Чекай, лем, хлопче, жыття тя дуже научыт, бос ищы молодой, але же маш отразу до крадежы, зато мі ся барз подабаш. Буд все такий, а добри ти буде. Вижу, же и працювати любиш, як глядаш роботы, то уж дуже значыт, буде с тебе даколи человек. Сядме ту, на бережку — дашто зіме — а так пидеме каждый в свою страну.

Ваньови, на слово "істи", лекше зробилося, бо голоден был, як пес. Дід вынял с торбы хліб и кусок солонины, розскраял на дві ровны части, едно и друге и дал одну часть Ваньови.

Ваньо з великым апетитом іл, аж ся дід зачудував.

— Ты — гварит — дас тыжден не іл, ци што, же так лакомо іш?

— Є, як ищы позавчером ем повечерял, то до днеска нич ем в гамбі не мал.

— О, то ты и голод вытримаш! То тыж добри! Повідам ти, же буде с тебе человек.

— Ба, а тепер ем не человек?

— Но так, подобный до человека, зверху, але человек, правдивый человек, мусит быти и всередині человек, што не лем іст и спит, але и думат, творит, жыття порядне провадит. Человек мусит мати розум чловечий и сильну волю людям добри робити, и сердце добре, жебы чуло людску недолу.

— Як тото вшытко маш, тос человек. А як ні, тос лем подобіе человека. Дуже люди треба познати, жебы медже нима чловека найти. Жебы каждый з люди на світі был человеком, не было бы такой біды, еден о другого бы дбал, ник никому бы кривды не робил, вшыткы бы мали хліба дост. А видиш, же так не ест. Даколи оно буде так, але коли, то ник не зна...

— А ци чул ты дашто, молодой человек, за Совітский Союз? — звідался наконец.

— Думате, там где большевики пануют? — прешрашылся Ваньо.

— Там, где большевики. Вижу, же на саму мысль маш страх, молодой человек. А то нич не страшны люде. То такы люде, што хотят, штобы вшыткы люде мали роботу, хліб и, што до жыття треба. Штобы люде з людми ділилися роботом и хлібом и штобы едны люде не жыли коштом других, а каждый трудился по своим силам и способности, штобы всі стояли за одного, а еден за всіх.

— А што то значыт большевик? — просит ся Ваньо.

— Большевик, молодой человек, то значыт такий человек, котрый стоит за большинство, за бідну массу народа. Ты тыж еден с той бідной массы, зато ты не можеш жыти на світі, ходиш голоден, глядаш роботы, жебы собі заробити кусок хліба, але не можеш ей найти. Не можеш найти той роботы, хоц ты бы барз рад робити. Робил быс ажи за кусок хліба и за яку таку одежу. Але той роботы не найдеш, бо ей гнеска никому не треба, значыт и ты непотребный.

— Але чом то так, діду, што никому мойой роботы не треба?

— Та слышыш, што люде бесідуют, же тепер "кризис"...

— А што то тот кризис? Ци то го Бог

дал? Бо вшытко Бог дає. То певно и тот кризис Бог допустил на людей за их гріхы?

— Не слухай того, то лем так бідный народ баламутят, штобы терпеливо зносил тоту несправедливість, яка ся му діє. Што-ж, приміром, ты Богу виноватый, што не можеш найти куска хліба? Кризисы люде на себе навели, як наводят на себе войны. Лем подумай: Який тот світ прекрасный и богатый, великий. Дост вшыткого для каждого на земли. Нич не треба, лем работы, обробити тото світове богатство для ужытку людей. Зато для жытя на світі потрібный труд. И коли люде не трудятся, то лем зато, што ктосі им не дає трудитися. Заперают людям работу тоты, што не любят работы, што работа здаєся им якиса кара. Уж так собі здавна таку науку вынашли, што работа то кара божа за гріх первого человека Адама. Тоты люде, што мали работу за кару божу, шпекулювали так, штобы другы на них робили и зато забрали шпекуляциом богатства земны, яко свою власность, установили такы права, котры бы боронили того порядку, што добра, богатства землі належат лем им, а бідный народ робил на тых богатствах за кусок хліба, який му давали так долго, як долго тота работа бідного народа их все больше богатіла. Коли пришли машины, то они их ищы больше богатіли, а бідный народ все ищы больше бідніл. Пришло до того, што тоты богаче нароби-ли столько товаров, што не можут уж на него ниякого купця найти, бо народ совсім обідніл. Богаче засіли на своих богатствах, на великих обшарах землі и сідят, а бідный народ примерат от голода. То не лем ты, молодой человек, без хліба, а миллионы таких во світі... И миллионы глядают хліба, глядают работы, але не найдут одного ни другого так долго, покаль сам народ не буде властителем світового богатства...

— А ци то даколи буде? — звідуюся Ваньо.

— Так долго не буде, покаль такы молоды люде як ты, будут глядати счастья и хліба лем для себе, а не будут дбати еден за другого. Як долго бідный народ не порозуміє, што без борбы з богатом кляссом, без побіды над том кляссом, не буде ліпше, буде терпіти голод, буде пропадати. Як

долго не порозуміє, што так жыти не може, коли бідный бідному буде выдерати остатний кусок хліба — лем так жыти може коли в часі той борбы, бідный з бідным добровольно, из товаришской любви, будут ділитися остатним куском хліба, як мы ту, с тобом.

Видиш, молодой хлопче, тото порозуміли нашы братья в России и побороли богату кляссу и ніт там кризиса, кто лем хоче честно трудитися, тот трудитися, и всі тоты честны робочы діляться своим куском хліба, хоц ищы тепер не таким богатым, сытым, але каждый день они богатіют и каждый день их общий кусок хліба сытший.

— Но а чого то, діду, так говорят на тых большевиков, што они такы брыдкы люде, што людей ідыт? — звідуюся Ваньо.

— Знай, хлопче, што чым страшнійшы річы они повідают о большевиках, то тото все ліпше доказує, што бідному народу там што раз ліпше поводится. И зато они хотят отстрашыти народ страшныма річями о тамтым народі и його державі, найбогатшой державі во світі и найбогатшом народі, бо всі богатства той державы належат тому народу.

— Та што я тепер мам робити? Яку мі раду дате, добрый человек? — звідуюся Ваньо.

— Хліба ты гнеска во світі не найдеш, а біду и нужду. Я ти даю таку раду, жебы ты вернул в свое родне село и повідал тото, што я ти повідам, што не приде конец біди так долго, покаль бідный народ не поборе, не усуне того несправедливого порядку, котрый запричинил тоту біду и не може найти з ней ниякого выхода. А тот порядок, то порядок богатых панов, котры присіли богатства. Они установили такы законы, котры боронят несправедливости. Штобы побороли біду, треба установити справедливы законы. А лем бідный народ може установити справедливы законы для бідных. Вертай в свое село, соединяйте свои молоды силы, учтєся — бо скоро приде и для нас, бідных лемков, час народной свободы и конец нашей біды.

— А кто вы, діду? И где сте были и тепер идете?

— Я Дух Карпат. Я все в Карпатах. Але я спал тысяч літ. Громы страшной войны

затрясли нашыма горами и пробудили мя. И от войны я хожу нашыма горами и буджу других, котры ищы спят. Многы ищы спят твердым сном, а во сні грызутся меж собом. Праві всі стары спят и, здаеся, уж не пробудятся николи. Но молоды будятся и они наберут сил и побідят, а тот побіда принесе нашым Карпатам свободу, справедливость и хліб...

Встал старый дідо:

— Буд здоров и зроб так, як я ти гварю,

бо хліба в світі не найдеш, а марно пропадеш...

И пустился старый дідо в свою сторону — и скоро скрылся за лісом.

Долго стоял Ваньо Корбач и думал, ци то на правду он говорил с тым дідом, ци лем ся му звиділо... Але почув, што уж не тягне го в світ, а тягне го назад в свое родне село...

И вертал Ваньо Корбач в свою бідну хыжку, але уж з новым духом, духом борбы за права бідного народа...

Як Закладали Села на Лемковині

НАШ НАРОД заселил тоту часть Карпат, што зовеме Лемковина, ищы за римских часов. Но в тых часах не было нашего народа столько на той территории, што го сеподня ест. Сегодня мы маме там около 650 сел чысто русских, в одном ланцуху, без ниякой перервы словацкыма ци польскыма селами. В початках заселения той землі нашыма предками, заложили они вшыткого пару осад, потом из тых пару осад выросло парудесят, потом уж им тісно было, то из одной страны перли на восток и там закладали села, а из другой страны и на той территории закладали новы села, хоц уж и тіснувато было. Смілійшы ишли дальше, меньше смілы, меньше отважны будували села в недалеком сусідстві от своего старого села.

Тото закладаня новых сел подобне до роиня пчол. Коли им уж тісно, часть выходит зо своего пня и глядат другого пня.

Як наши предкы закладали новы села и яку роль грали при том дідиче, трутні трудового народа, представляют нам найліпше ниже поданый документ о закладаню села Смерековец, горлицкого повіта, в 1521 року. Тот дукумент хранится в музеи місточка Бич, написаный по латині и по польскы. Ниже подаеме перевод по русскы, на лемковской бесіді:

Документ о заложыню села Смерековец 1521 року.

Во имя Господне — Аминь! На вічну вічысту діла того памят! Мы, Яков и Ста-

нислав Гладышове, родны братя, нероздільны, з Рыглиц и Смерековца дідиче, всіх, котры тепер жыют, и в будучности жыти будут, извіщаме, што для умножения добра нашего и наслідников наших и для корысти всіх — даеме полну мощ славному мужу, Махновичу з Высовой, Максимовому сыну Волошину, доброму человеку, для заложыня села по обох берегах рікы Ждыні, на Смеречыні — на праві німецком — котре то село мае называтися по польскы Смеречын. До того села придаеме лісы от Магуры, откаль почынается маленький поток, званный Смерековец, аж до того міста, где лучатся два потоки. Дальше по обох сторонах рікы аж до Стаминого, а на горі аж ку Регетову, по обох сторонах рікы Регетовка.

Село Смеречын освобождаме от всіх податков на дватцет літ еден по другом. По том часі каждый хлоп, котрый там буде жыти, буде платити по половині гривны нам и потомкам нашым, а то в день св. Петра и Павла, каждого року и на вікы платити обовязаный.

Уполномоченому до заложыня села, даеме в том селі Смеречыні, йому и його потомкам — солтыство и три вольны ланы, ятку, різника, шевця, коваля, млин и трач або пилу и ліс на млин, на трач и на ярк и на будову — а хлопи будут обовязаны вшытко, што потребно на млин и на пилу (трач) и на ярк звести и коло язу робити тому солтысови и його наслідникам. Еден шестый пінязь чыншовый и еден лан воль-

ний даєме на попа, як тоже для церкви и попа даєме поля на ужыток тельо, кельо и давнійше доставали.

Солтыс буде юбовазаный на всяку выправу военну ити служыти на едном коню и едного коня дати нам и наслідникам нашым на вікы, а мы и потомкы нашы будеме юбовязаны на войні того солтыса и його коня кормити.

Хлопи, осаджены через того солтыса мают дати по два “яржомбкы” на великден, два на зелены свята и два на рождество, або по два каплоны заместо “яржомбков” — або за каждого по грошу и по одному сыру волоском (грудка уча) и попрыгы будут юбовязаны давати. Дальше, каждого року, хлопи мают давати по одному вепрови и от каждого стада овец мают хлопи давати по пят баранов и еден сыр волоский и попрыгы на свята.

Солтыс може тримати 300 кадобов пчол и от того нич николи не має давати, а коли буде мати больше, то буде юбовязаный платити. Коли буде в лісах наших буков, то каждый хлоп повинен давати десяту свиню або вепря нам и потомкам нашым на вікы. Хлопи, котры мают в лісах, в дудлах, осаджены пчелы, мают давати по чверти меду. Каждый хлоп того села юбовязаный буде робити солтысови три дни до року на піше, а четвертый день с цотягом, на своейм утриманю. Хлопи будут юбовязаны два раз до року, т. е. на Великден и на Рождество, давати “почту” солтысови и його потомкам, а и нам давати почту (данина) два разы до року.

Даєме тому солтысови власть во всіх справах, великих и малых, над хлопами и пришелцами, котрых маєся ведля німецкого права судити и карати и даєме тому солтысови власть вины против пана судити обычайом права волоского, о доходы панскы тиж ведля права волоского маєся судити. (Ведля того “волоского права” солтысе страшно били и мучыли селян-хлопов)

Солтысови даєме право солтыство Смеречын продати, дати, дарувати, замінити, як його воля, але за нашым або наших потомков, позволеньом.

На закріпленіе того документа прикладе нашу печать.

Діялося и дано в Рыглицах, в понеділок

по середпостной неділі, Року от Рождества Христового тысяч пятьсот дватцет первого.

Присутны были шляхетно (по панскы) урожены: Андрей Вьельогловский, Станислав Юрдан, Габріел Ясіцкий, Ян Сестринец и много других доброй віры достойных.

Яков Гладыш, Станислав Гладыш.

1521. Ян Зборовский.

“Солтыс не має отповідати пред ниякым судом, лем пред нами.” —

Перевел Т. Я.

Найинтереснійша роля солтыса. Из того документа видиме, што такому солтысови было дано паном право жытя и смерти над бідным хлопом. Солтыс был неограниченным деспотом в селі, зависимым лем от пана.

Нова Польша не може забыти тых старых панских часов, бо видиме, што зас заводит “солтысов” ...

Жертвы Звірств Світової Войны

Показания Дзюбинского Николая, селянина из Верхомлі великой, даны в присутствии инж. С. Дуркота, Руссиняка Михаила, Богуского Стефана в Верхомлі вел.
Дня 11. VI. 1933. г.

“**В** НЕДІЛЮ дня 14. XI. 1914. г. пришло до Верхомлі трьох жандармов, пребранных в мійску одєжу; еден з них, як зме ся потом довідали, был “украинец” з Восточной Галичины — Криль, а два други были полякы, лем же по рускы знали бесідувати.

В часі войны каждый чужий человек в селі мусліл зараз мельдуватися у вийта — так и они найперше звідувалися о начальника. Начальник села, а был ним втоды Богуский Андрей, разом с радныма, был в шынку. Провокаторе замельдувалися у вийта, а пак поставили палюнкы и слово за словом зачали бесіду с вийтом и радныма. Нарікали на Австрию, скаржылися на біду, поневірку народа. Чым дальше газдове з нима розмавляли, тым вєще им тоты прово-

каторе подабалися, тым веце наберали до них довіря. Палюнкы убывало с фляшок и газдове штораз сердечнійшыма очами зачынали смотріти на чужаков, а як им они ищы повіли, же они тыж руснакы, же хцут предостатися до русскых войск (русскы войска стояли втоды недалеко в Лабові) и же барз просят газдов повісти им, як найліпше буде прейти горами до Лабовы, селяне дорогу показали и угостили и неедно тепле слово при пращаню было повіжене.

— В середу внет пополудни тых самых трьох людців пришло до села, але уж в своем правдивом виді, в жандармских мундурах. До вийта зашки они доперва вечером и казали му приготувити три фурманкы, заарештували вшиткых шестьох смертників, в том чыслі на самом конці и вийта и над раном отвезли их до Пивничной. В Пивничной отвезли их на рынок и, коли польский ксьондз отмовился сповідати "здрайцуф", без сповіди, повісили на деревах на рынку. (Дерева тоты по войні стято, жебы не нагадували того огыдного морду). Сталося то дня 18. VI. 1914. г.

Фурмане, котры привезли до Пивничной смертників, коли увиділи, што творится, повтікали тайком до Верхомлі.

* * *

Тот самый газда — Дзюбинский Николай оповідат дальше:

"На який місяц пред повішеньом еден добре знакомый жандарм звертатся до вийта Богуского Андрея: "Cóż to z waszej Wierchomli idą jedno za drugim anonimowe doniesienia? Uważajcie wójbacie, bo te doniesienia nie tylko do nas są kierowane, ale i do wyższych władz."

З того зме порозуміли уж по повішенью, же вшитко несчестя спровадили на Верхомлю домовы юды, котры на наше село звернули постоянными доносами увагу австрийцев.

Вшиткы розуміеме, же посередньом причыном смерти наших мучеников были: Анна з каштаниюков Проць, учителька родом з Вост. Галичыны, "украинка" и Стефан Шалаш, студент, тыж украинец, тепер каноник.

Же тых двое было сочинителями анонимов, домыслямеся на той подставі: тых

двое людей, то едины "украинцы", и то "украинцы" "завзятуцы" так, же прихидило нераз межы нима а газдами, як на пр. Мійскими Антоном и Петром до споров. Коли в середу, за другим разом пришли уж по наших мучеников жандармы — никому ищы през мысль не прешло о што росходится, лем Процьова зараз, як зъявилися в селі жандармы, казала стяти в своим огороді гойданку, жебы газдов не повісили ей пред домом на гойданці — значыт, она была в порозуміню с жандармами и знала, што ся святит.

Же Процьова любила выписувати анонимы, то преконалисмеся ищы и позднійше: по войні, як стверджено в Мушыньском суді, выписувала анонимовы скаргы до Мушыньского заряду лісового на руснака, лісного В. Дзюбинского из Верхомлі малой.

Показания Руссиняка Михаила из Верхомлі великой, инициатора перевоза тлінных останков убитых в Пивничной крестьян на кладбище в Верхомлі великой данные дня 11. VI. 1933.

Коли достал ем от окружного лікаря в Новом Санчи позволение на перевоз тіл повішенных в Пивничной и там погребаных Верхомлян, собрал ем родину убитых и разом пошли мы до Пивничной.

Нашы мученикы были похованы на паствиску, над ріком Попрадом, на місци, где гребут коней и псов. Отколувати зачали зме докладно так, як поручыл нам окружный лікар. Насам перед одгребли зме коня, котрым привалили тіла наших отцов. Коли позналисме, же то труп коня, отшмарили зме го, а дальше под ним нашлисме вшиткых шестьох наших мучеников. Их тіла уж цілком розложылися и лем кости остали. Кости зложылизме до приготованых трумн, дали зме знати до села, запросили зме наших священников и на другой день перевезлисме трумны из Пивничной до Верхомлі.

На перевоз тіл убитых собралося около тысячы народа, наших священников было 7 в том чыслі о. Р. Прислопский.

Тіла зложено на кладбищі коло церкви в Верхомлі великой и поставлено памятник с памятным таблицом."

Українські Націоналісти в Часі Войни а Тепер

АК ИЗ той Верховлянської трагедії, як из других таких трагедій на Лемковині, ясно виходит, што українські націоналісти в часі войни грали ролю доносчыков, а дуже часто и катов для наших селян лемков. Тому нияк заперечыти не можна, што мы завдячуеме Талергоф українським націоналістам.

Тепер, по 20 літах, тым самым українцям здаєся, што мы тото совсім забыли и тоты самы українці стараються из жертв нашого народа зробити для себе політичний капитал.

Коли зме взяли в руки даяку українську газету 20 літ тому назад, то каждая из них была переполнена доносами на передовых наших селян. Тепер, за 20 літ, тоты самы жертвы української ненависти представляються українцями, яко жертвы за українську самостійну идею.

Вот, што пише "Діло", укр. національна газета во Львові 1934.

"Перші шибениці у Львові 1914 року.

Рядки, які подаємо, надіслав нам один Українець, що підчас вибуху світової війни стояв у службовому звязку з карним заведенням у Львові, званим Бригідками, і мав змогу бачити на власні очі ославлену юстифікацію, практиковану тоді австрійською владою на Богу духа винним українським населенням.

Після проголошення мобілізації віденське міністерство справедливости наказало перенести вязнів з карних заведень до Чехії, Наслідком того 5. серпня 1914 р. в ночі з львівського карного заведення (Бригідок) відійшов транспорт 350 вязнів і 54 вязничних сторожів до карного заведення в Картузах біля Ічина в Чехах під ескортою 50 лянштурмістів. Автор цих рядків мусів для тих вязнів виготовити грошеві аркуші, бо урядовець від тої роботи пішов до війська, а крім того видавати харчі для 58 хорих вязнів.

Дня 10. серпня раненько питає його ц. к. дивізійний військовий суд телефонічно, чи є в заведенні місце для 50 москвофілів з Жовківщини і Сокальщини. Місце було, отже коло 10. год. передпол. прийшов тран-

спорт, зложений із 42 осіб, при асистенції вояків краювої оборони та в супроводі вдєсятеро більшої юрби цивільних осіб, що верещали: На гак москвофілів! На гак!

Зачинилася брама і вояки уставили "москвофілів" на подворі. Були між ними молоді люди і старі мужчини і жінки, селяни й інтелігенція. Самих священників було 7, а попри них одна жінка священника з дорослою донькою.

Шеф карного заведення, родом Чех, глядів, помітно співчуючи, своїми славянськими очима на тих нещасних, споневірняних людей, яким кров текла з босих ніг, і звелів авторови цих рядків видати їм харчі на обід, бо багато з них уже по дві доби нічого не їли. Жінку священника з дочкою велів відставити до жіночого карного заведення Марії Магдалини.

Видавши з магазину потрібні харчі, пише автор, пішов я до ждальні, де знаходилася жінка священника з донькою, і спитав її, чи може вона заплатити собі дорожку до заведення Марії Магдалини, щоб оминути атаки вулиці під Бригідками.

— Пане, — відповіла вона — дуже радо заплачу дорожку, бо не маєте поняття, як та юрба нас паплюжила весь час від залізничного двірця аж сюди, як кидала на нас камінням, не зважаючи на священничу одєжу ані на сивий волос!

Я наняв фіякра за 75 с. і завіз обі жінки до жіночого карного заведення. Тут сестра дозорчиня не хотіла їх прийняти, мовлячи, що там є місце тільки для засуджених. Одначе я покликався на приказ свого шефа і залишив обі жінки в жіночому заведенні.

Минали дні і до Бригідок приводили дальші партії "москвофілів". Аж 24 серпня в год. 8. ранком відзивається телефон: Військовий суд наказує зробити шибеницю на подвіри, бо будуть вішати чотирох засуджених москвофілів: 1) Антона Супликевича, 2) Семена Шпорлюка, 3) Семена Хіля, 4) Івана Хіля.

Я дав картку дозорцеви, чтобы прівів тих чотирох людей до окремої келії. За годину приходить аудитор у ранзі ляйтнанта, пенсіонований австрійський прокуратор.

Веду його до келії, де знаходилися засуджені, і аудитор проголошує присуд: Антін Супликевич за те, що давав знаки Москалям, засуджений на кару смерти через повішення. Присуд буде за годину виконаний.

Подібний присуд оголосив Шпорлюкови й обом Хілям за те, що показали Москалям стежку через ліс. Іван Хіль, 18-літній син Семена, почав судорожно плакати, що так швидко мусить зійти зі світа.

Задля виконання езекуції прийшов незабаром священик, щоби висповідати нещасних на смерть; дальше явилися підполковник і три поручники, всі Німці.

Першого повісли Супликевича, мабуть вийта із Скоморох, другого Шпорлюка, а дальше Семена Хіля і його сина. Коли якийсь ляйтнант закидав останньому шнур на шию, він крикнув з плачем: "Присягаю Богу, що я невинен"!

Після езекуції всі три поручники прийшли до моєї канцелярії. Я не видержав і сказав тому, що сповняв ролю ката:

— Я бачив, як кат Лянґ вішав у 1908 р. душоґуба Чабака, але ваше вішання рівняється найгішим тортурам.

При відході поручник витягнув на прощання до мене руку. Я руки йому не подав, мовлячи: Ihre Hand ist mit Blut beshmutzt. (Ваша рука сплямлена кровю).

Більше старшини до вішання не приходили. Зате на другий день прийшли два каптали з військової поліції і повісили: Івана Колесника, Івана Ярмоловича та Олексу Бадейовського. На третій день було ще трох повішених, але їхніх імен я собі не записав, бо небуло мене в бюрі. В часі від 24. до 30. серпня повішено в Бригідках 11 осіб.

В ночі з 30. на 31. серпня зігнали на повір'я всіх в'язнів, а передполуднем 31. серпня прийшли 260 поліцаїв, які повели поверх 1,200 людей чвірками на головний двірць, а звідтіля на захід.

Стільки наш інформатор, що жие тепер поза границями Польщі. — ("Діло").

Моя Історика

НІКОЛИ я нич не писала, ани не подумала, што буду даколи писати, аж, коли я почала чытати газету "Лемко," набралам охоты до писаня, бо вижу в той газеті, што там пишут просты люде, хлопи и жены, такы самы люде робочы емигранты, як я сама.

Пришла я до Америки зо села Явиркы, повіт Новый Торґ, из под самых высоких Татар. Там, в том повіті, при угорской, спишской границы, положены штыри нашы русскы села: Шляхтова, Явиркы, Чорна Вода и Біла Вода. Зараз через границу, по угорской, тепер чехословацкой, стороні, положены нашы русскы села: Великий Липник, Фольварк, Литманова, Кремпах, Ярембина, Камьонка и другы нашы русскы, спишскы села.

Уродилася я там, в тых горах, така, як и другы нашы лемкы родятся, але уж гнескы світ мя научыл кус веце розума, як ем мала втоды, як ем ся уродила. Правда, нашы люде звыкли бесідувати:

— Яким ем ся уродил, таким буду умерати!..

Але повічте дорогы брата лемкы, члены и членкыні Л. С., а заразом всі сознательны люде, ци то може быти правда? Лем подумайме своим простым розумом, а увидиме, што тоты люде, котры так повідают, повідают неправду и они нич не думают. Бо человек родится маленький, без одежы, без науки, без розума, допіро по якимси часі зачынається бавити рученятами, позній ше уж зачынат познавати свою маму, потом няня, потом штотраз ліпше розвивается му розум, познає першы річы, што сут коло него положены, и родиче барз тому тішатся, коли их дітина скоро познає их и вшытко коло себе. За рок она уж не тота, што была пред роком. И родиче заедно думают, як бы тоту дітину скорше выплекати, выбавити, и выкормити, жебы была красна, здорова, весела и тішатся ньом, што им выросне, буде шумным хлопцьом ци дівчатом, як и другы добры хлопці и дівчата.

Але зачым тота дітина выросне и набе-ре сама розуму, то найдутся такы злы, фальшивы люде, котры з даякой зависти стараются тоту дітину зопсути и збунтувати против ей власных родичов.

— Не слухай свого няня, бо он недобрый, он лем зато старатся, жебы ты скоро вырос, бо хоче, жебы ты на него робил, а он собі лем руки позакладат и буде па-на грати...

А добры люде му повідают;

— Слухай сыну свого няня, бо он ти добри хоче, буде с тебе добра, розумна людина, лем слухай...

А тот сын не зна кого ма слухати, як його розум ищы заслабый. И мусит собі помаленкы сам в своей голові розберати, кто його ворог, а кто приятель, кто му хоче добра, а кто зла...

нашлися тоты злы и добры люде. Злы лю-де, то тоты вшыткы, котры завидували той дітині и ей родичам и бунтували тоту діти-ну против своих родичов. Добры люде, то тоты сознательны члены, котры учили других, меньше сознательных.

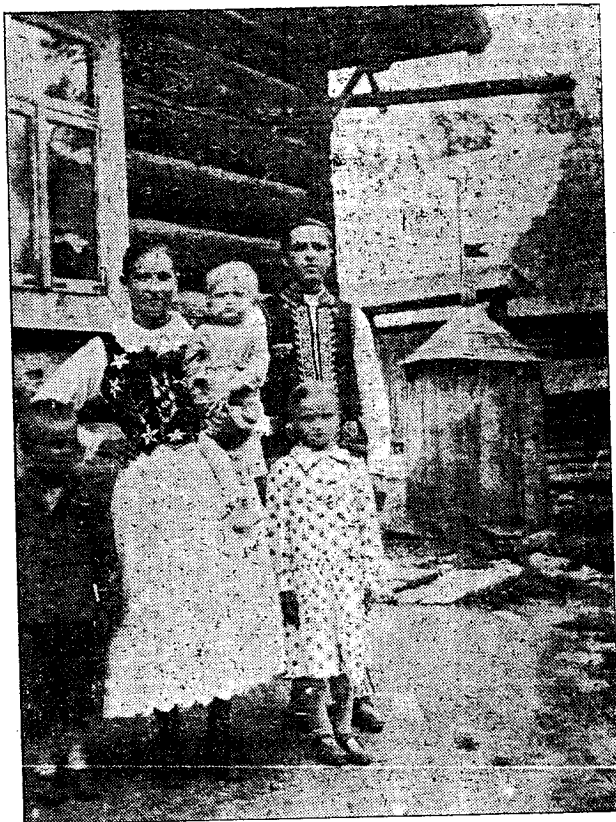
И тот Лемко-Союз уж вырос гнеска на отца, а наш народ, то його дітина, котра береся до світа, но злы люде тоту дітину стараются зопсути и отгваряют наш народ, штобы не слухал свого отца, бо тот отец

ЛЕМКЫ В АМЕРИКІ: Эмигранты из сел Явиркы и Шляхтова, пов. Нов. Торг. Три жены, котры разом стоят, сестры, всі членкыні Л. С. В середині містопредсідателька Л. С. ч. 3. в Детройт, Ирина Петрикович.

Таком маленьком дітином был и наш Лемко-Союз, разом со своима початковыма членами, и отцом той дітины был наш головный уряд и наша газета "Лемко". Они учыли тоту дітину, вели ей, як она мае ити.

Но як при дітині, так и при Л. Союзі

ЛЕМКЫ В СТАРОМ КРАЮ: Четверта се-стра Ирины Петрикович, зо своим мужем, пред своим хыжом, в Явирках.

йому зле хоче. А мы видиме, што тот отец добри хоче, штобы и мы, лемкы, выросли на народ, котрый бы знал постояти за свои права на жытя. И мы уж повинни вырасти раз с того, уж нам час, штобы зме не слухали злых людеј, уж нам час познавати, кто нас кламе, а кто нам добри хоче, кто нам правду открыват и веде нас добром дорогом. Зошмарме тоту систему, што ищы меж нами пануе, што сліпый ви-

дящого сліпым называт и хоче го вести, хоче, жебы зме його слухали, же он ліпше знає, як тот, што видит. Тот сліпый не хоче, жебы тот, што видит показал дашто другому, он хоче, жебы вшыткы сліпыма были.

Мы, дороги братья лемкы, подобны до той дітины маленкой, што ей голову закручуют на вшыткы страны, бо мы ищы мало занималися политиком и мало ей розуміеме, зато каждый хоче накрутити нас на свою страну, жебы нас зробити його рабами и корысть з нас тягнути для себе.

Знайме, братья лемкы, што в теразных часах уж не можеме жыти без просвіты и политики, бо пропадеме так ту, в Америці, як и там, на своей землі, в старом краю. Так ту, як там, останеме рабами и за даякий час всі жывы соки из нас выссут. А штобы могли из нас безкарно тоты соки ссати, омотуют нас, як пауки, паучыном темноты, учат нас фальшивой науки, а мы такы люде податны, што будь-што им повіримо и сами в паучыну летиме, як тота муха нерозумна.

Я вам ту подам примір, як то из нерозумного лемка мож будь-што зробити, на будь-яку народность, або віру можна го преробити. Лемко такой легковірний, добродушний, што каждому чужому повірит, най лем он буде егомость, або пан — а свому не хоче повірити. Он думат, што свой не може ліпше знати, як чужий. Я вам подам примір на собі.

Треба вам знти, што я приіхала до Америки барз завзятом националистком украинком. Чудно ся вам зробит, где в Явирках взялися украинці, правда? И мі гнеска чудно, як то могло статися, коли знам, што до моих часов никто у нас не чул за нияке украинство, мои родиче знали, же сут руснакы и веце их нич не обходило. Но пришол до нас егомость и учитель и почали нас, дітей, учыти, што мы не руснакы, а украинці. Но и як не повірити егомостям и панам? Та они ліпше знают, як мы, про-

сты люде. И так мене научыли, што тоты нашы 4 села в новоторжском повіті належат до украины, а я украинка. И як мі дакто вспомнул, же то неправда, то зараз была ем го била, така-м была завзята украинка. И тота фантастична украина в мойой голіві здавалася моя, а нашы лемкы дораз за границом, на Спишу, здавалися мі уж чужы люде, не нашы люде.

Аж коли я зачала чытати газету "Лемко", я познала, же я была на блудной дорозі, же тото украинство нам, лемкам, нич не даст, же нам треба старатися найперше о себе самых, треба нам учытися, як на світі жыти, як боротися за свои права, за справедливость для бідного народа. Я дозналася, што украинска наука, котра каже ненавидіти русский народ, наука фашива, што то зараза нашого народа, бо мы всі братья и не можеме едны з другыма боротися, а разом всі мусиме боротися за наше обще жытя.

Того учыт нас наша газета "Лемко" и наша організація и учат нас добри, як тот наш добрый отец, котрый хоче, штобы мы выросли на добрый, культурный народ.

Зато я стою в той організації, чытам, предплачам газету "Лемко" зато, думам, повинни мы всі лемкы стояти в той організації и чытати тоту газету. Зато мы повинни стояти за свою організацію, помагати ей духовно и материяльно, горнутися в тоту організацію, учытися от ней, чытати газету "Лемко", учыти других, бо много ищы у нас таких, котры не зато относятся ворожо до нашей організації, штобы хотіли зла нашому народу, а зато, бо ищы не розуміют, што ту росходится о добро нашого народа. Они ищы збаламучены такыма "вірами", "правдами", як я была збаламучена "украинском віром". Але як я познала, што моя віра была блудна, як на мене час пришол, так приде час на каждого лемка.

Ирина Петрикович.
чл. отд. Л. С. ч. 3. Детройт.

Сповідь Ваня з Ровен

КОЛИ Я жыл ищы в старом краю, на нашой милой, хоц и бідной Лемковині, уж буде тому понад 30 літ, памятам из мого хлопячого жытя дуже интересну историю и тоту интересну историю из жытя нашего народа николи не забуду. Не лем ей не забуду, але тепер, на емиграции, в старших роках, тота история все стае мі яснійша, бо служыт найліпшым приміром для нашего жытя.

Раз пред ярьом выбрали зме ся оба з няньом на друге село Л., бо треба нам было даякого centa. А тото село Л. славилося на нашой Лемковині тым, што там люде грошы мали, бо ходили с товаром по світу. Взяли мы з няньом по маці овса на продай и пустилися коротшыма стежками до села Л. Дорога была дуже тяжка, бо то было пред ярью, сніг праві таял и воды было всяди полно, где лем рушылся. шли зме, хоц уж зме и на дорогу вышли, по косткы в болоті, бо знате добри, якы тоты дороги у нас были, а може ищы и до гнеска такы сут. Забрало нам добры дві години, зачым зме пришли до сусіднього села . . .

Ищы зме добрый кавалок от села были, коли зме встрітили человека с того села на полю, котрый роззерался на всі стороны по полях и зеленых лісах, котры шуміли на розмаиты голосы, так як бы даяка музыка грала. Подходиме мы до того человека ближе. Няньо гварят до мене по тихы:

— Я того человека давно знам . . . А потом голосно:

— Дай боже счастья, Ваню! Та што вы ту робите? Збератесь ярувати?

Але Ваньо якбы не чул спочатку, старался нас не видіти, но нияк не мож му было не отповісти, бо зме были такой коло него и няньо крикнули голосно. И по хвили озрілся и рече нехотячы:

— Дай боже и вам, чаденка. Што я роблю, а так вышол ем си за село, штоси мі барз на сердци тяжко. Видите, што уж я старый, голова цілком посивіла, силы мя опускают с каждым дньом, уж недалекый тот час, коли треба ити на другой світ . . .

— Та тото вас, Ваню, не мае што тур-

бувати, бо каждому з нас там дорога . . . — потішыли няньо Ваня.

— Ба, але не каждому еднака! Еден иде з лекшым сумліньом, а другий с тяжшым. Біда моя тота, што я мам тяжке сумліня, я грішыл тяжко против Бога и людей, ціле свое жытя я жыл ошуканьством ближнього и тепер на старость мя тото барз грызе. — Е, не грызтеса зато, бог милосердный, вшытко отпустит — гварят няньо.

— Хоцбы який Бог был добрый и милосердный и вшытко отпустил, та мое сумліня и так не успокоится, бо я жыл з людской темноты, а робити не хотіл на кусок хліба. Я попросту, выдерал нераз остатний кусок хліба бідным дітям, брал от бідного остатнього centa . . . А где вы так идете с тыма тлумачками?

— Та идеме до Л., може продаме, бо ніт centa соли купити . . .

— Та пидеме разом, а по дорозі вам росповім свое жытя, може мі улекшат на сумліню. Ищы я того никому не росповідал, а пришла мі тепер велика охота оповісти дакому, даякому доброму человеку о свойом марном жытю. Здаеся, што зближылася уж моя година смерти . . .

И почал свою историю Ваньо зо села Л. так:

“Ищы ем был молодой хлопец, як ем ся пустил за границу, под москаля, с клітком на плечах, з розмаитыма смирами штобы даяк жытя робити, як другы мои сусіде робили. Але дуже тяжко приходило то то жытя робити. Не раз трафилосся, што ем ходил по цілых днях, а не вторгувал тельо, штобы собі хліба купити, и не раз и не два треба было голод терпіти. Зайду до хыж, прошуся, ци не треба им товару, а бідны люде гварят, што треба бы им было, але не мают гроша. Барз народ на світі капе без того гроша. Часто треба было дати за ідло, але часто и ідла дома не было, така біда в людях. И на мене была біда, што за даякого centa купил товару, то треба было проісти, а на другий товар centa не было. И уж гет ем на банкротство зышол, пропал на своей професии.

Але одного дня, а было то в субботу, зашол я до корчмы, штобы переночувати и отпочыти через неділю, бо в неділю невольно было и так продавати. Прихожу я до корчмы, уж поздно вечером а там нахожу свого краяна, той самой професии. Знял я с плеч кросна, поставил до кута и привитался зо своим краяном, тай слово по слові повідам му, як на мене біда, што я нияк не могу выжыти с того гандлю. А мой краян смеіся з мене и повідат:

— Ты, Ванцю, такой, якбыс ся вчера на світ народил! Та думаш, же я жыю с того гандлю, што ношу на плечах? Та тота клітка лем так, ст ока! Я Ваню, другий гандель веду, и тот другий гандель барз добри поплачат. И ты, як хочеш во світі жыти с клітком на плечах, то мусиш тот другий гандель запровадити . . .

— Та чымже ты занимаешся? Звідуюся краяна.

— Ворожу! — шепнул мі до уха. — Без того я бы давно збанкрутувал. А так мам и грошы и шацунок у людей. Глупого народа по світу дост и человек з розумом може собі добре и легке жытя устроити. И я даколи голоден ходил, як ты тепер, але тепер мам уж и грошы в банку и поле купил . . .

Повечеряли зме оба, преночували, рано поспідали. За вшытко мой краян заплатил. Через неділю побесідували зме, краян мя поучыл, як треба ворожыти, як, по якой ціні и розышли зме ся . . .

От того часу я почал ворожыти, где попало, кто лем хотіл. А было барз дуже таких, што або им дакто здравя одобрал, або молоко корові, або поробил, што дітей не мали. Наибольше бідны ждали на ворожку. Чым біднійшы люде, тым ліпше вірили во всякы чуда, отпусты и ворожков. Тоты остатне отдали, жебы им поворожыти, ци ся им их доля поправит. Розуміеся, што всім бідакам я ворожыл, што будут богачами, дівкам ворожыл, што богато выдадутся, хлопцям, што богато оженятся. Находил чаровниц и чаровников, выганял злых духов, лічыл поробениска людам и статку, отганял и наганял мышы и щуры. Вшытко обіцувал, а людиска вшыткому вірили.

И так я провадил свое жытя долги ро-

кы. Но сумліня мя все грызло, што я бідных людей так ошукою, што так выкорыстую их глупоту и темноту. И раз, уж по долшых роках такого ошуканого жытя, пришла до мене скруха и задумал я вернути на свою отцовизну, на кавалок поля и ту, честном роботом, дочекати смерти. И одного року я уж не выбрался в дорогу, а остал зо женом газдувати. Діти уж выросли, розышлися тыж кажде в свою страну. И може бым и доховался смерти честным трудом, але што-ж, коли я в дорозі не лем злінивіл, але и газдовску роботу, и того што-м ищы знал з молодости, то ем забыл, так што не знал уж, з котрой страны почати, што кому речы. И пришла яр, а я не знам, чого хватитися. Выйду орати, то моя конина, хоц и німина, ліпше знае обернутися при ораню, як я. Але при помочы мого старого коня и мойой старой, якоси я тоту першу яр закончыл. По яри пустил коня на зелену пашу и барз ем был задоволенный, што найтяжша работа того року уж закончена, най собі з богом росне, а я собі полежу. Но недолго того мого отпочынку было, бо треба было траву косити. Слабо я косил, ани добри косу тримати не знал, но стара знала, што тому речы и показала мі. И на загороді я якоси покосил и конич ся мі дост добри косила. Стара мі помогла того до порядку принести. Але ту треба было ити косити на поляну, тверду кустрицу, бо той вшыткой потравы, котру зме на загороді зобрали, старчыло заледво для нашой старой коровины, а для коня треба было ищы зберати.

Одного дня вечером, гварит стара до мене:

— А ты, старый, нич не отпочывай, лем ид на поляну косити кустрицу, покаль ищы не высохне. Встан завтра до свита, поклеп косу и иди на поляну. Я ти вынесу обід и потрясу валкы . . .

Встал я ни барз вчас ни барз поздно, поклепал косу, як ем знал, и пустил ся на поляну тоту мою лучку косити. Нич я там дошол, то уж солнце было высоко. Роса уж доцяп высохла. Заострил косу, почынам косити, лем ся коса звозит. Але прешол я на друтий конец с першым валком, обызрюся, а валкови ани сліду! Где якы сухы стебла постинал, то вітер забрал, а кустрицу коса ани не рушыла. Почал я

другий валок, притискаю косу што сили, але нічого с того не выходит, кустрица твердша, як коса и моя сила. Не хлоп я до кустриці, думам собі и обтираю пот с чела.

Не долго я думал, а взяв косу на плечы и пустился до хыж, штобы жену ищы дома застати, жебы надармо не ишла так далеко. Коли пришол до хыж, жена уж была готова ити, уж мала горнята повязаны. Вытрищыла на мене очы:

— А ты што? Уж ес покосил?

Я справляюся, што кустрицу я не могу косити и робити не могу, бо мя плечы болят. Гварю, што выберуся зас с кроснами, та може якого centa роздобуду, то волю дакому заплатити за роботу, як сам робити . . .

Взяв я кросна на плечы такой в тот день и пустился понад село, бо селом ем ганьбился ити. Та и до сусідного села ем не зышол, бо ем ишол полями, понад село, бо там мя люде знают, то не хотіл ем ся з нима стрічати. Аж коли ем дошол до тых сел, што мя люде не знают, спустился до села. А было то уж добри темно. Коли-м пришол до села, уж ем был добри змученый и голодный. Треба было позерати даде, в котрой хыжы бы преночувати, а може бы дашто и зісти дали. Якраз иду коло обыстя, што газда на оборі штоси коло воза поправят, тай гварю:

— Дай Боже добрый вечер! —

— Дай Боже, дай! — гварит газда — а где вы так добрый чловече идете?

— Подорожный ем. Може бы сте мя преночували — реку.

Газда, видно же ищы молодой, нич ми на то не отповіл, лем скочыл до хыж, а по хвили вертат и кличе и мене. Зложыл я свои кросна в снях, а сам гвошол до хыж, повіл ищы раз добрый вечер и сіл на запецку, тай отпочывам. Газда вернул на обору докончыти свою роботу, а газдыня занялася вечерьом. Я думал о своей кустриці: Ци буде она до зимы скошена, ци ей сніг прикурит. И позераю на газдыню. Газдыня молода, шумна, але якоси невесела ходит коло той вечери. Уж и вечеря готова, ставит на столі, входит газда, сідают при столі и мене кличут. Сіл я з нима, смотрю по них, але они обое невеселы штоси. Але я подчас вечери не вспоми-

нам нич, аж по вечери слово за словом, розбесідували змесь з газдыньом, тай коли муж деси вышол, газдыня ми гварит, што не эле ся им газдуе, лем едно их грызе, же дітей не маю, а уж три roky, як ся побрали . . .

— Та тото, гварю, не великий згрыз, газдыню! То вам една жена поробила в часі вашого весіля, зо зависти, што идете на добрый грунт, а она хотіла свою дівку ту выдати. Але то можна каждый раз отробити, лем кто знае як. А я тото знаю. Едно лем біда, што то кус задорого стоит, бо треба такого зіля, што в далеких, теплых краях росне и мало го росне, зато тото зіля дост дороге. Але я и тото зіля мам.

— Ой, та мы не дбаем, кельо тото коштуе, бодай бы зме діти мали — гварит втішна молодича.

— За вашу вечерю и зато, што я ту у вас преночую, я вам тото задармо отробю, а зіля буде коштувати 20 срибла, но вы лем половину дате, значыт 10 ринских, а по другу десятку приду за рок, як уж будете мати дітину.

Цілу ноч жена расповідала своему мужови и преконувала го, же ей поробила Матрона, а бог прислал такого доброго чловека, што ей отробит, лем на зіля треба. Хлоп тыж был легковірный и коли рано встали, проситя мене ищы раз, кельо то буде стояти. Я ищы раз повторил и хлоп вынял десятку и дал, а я выбрал зо своих кросен, с торбы, якисой сухой коничы с травом и казал жені варити с той травы чай, котрый мали обое пити. А пруч того, гварю, мушу остати сам з газдыньом, жебы ей отробити чары. Покрутил я ся кус коло газдыні, вымовил пару малярских слов, тай попрасался з нима и обіцял, што до рока будут мати дітину, и до рока я верну по другу десятку.

Я дале не ишол, а вернул до дому, попросил кисців, жебы мою кустрицу скосили. Скосили ми кустрицу за кварту палюнкы, добру закуску и пачку дугану. Стояло мя пару корун.

И познал я, што я уж до ниякой газдовской работы несущый, што то для мене работа тяжка и што я могу далеко лекше и ліпше жыти шпекулянством. И хоц не все,

але от часу до часу, коли мі бракло гроша за роботу, або до корчмы, я брал кросна на плечы и ишол даде на дальшы села врожыти. И все дашто принюс.

Деси за два roky иду я понад тото село, где я отраблял жені и продал зіля за десятку. До села уж не схожу, бо ся бою. Аж ту выхадит хлоп з ліса, смотрит за мною и кричыт: "Гей, почкайте!" Я в ногы: Озерамся, а хлоп за мною летит и кричыт. Он, видно, хлоп молодой, а я старый, а ищы и кросна на плечах. Догонил он мене, хватил за кросна и гварит:

— Та то я, ваш найліпший приятель, у котрого сте ночували два roky тому назад. Я вам должен ищы десятку за тото зіля, што мойой жені помогло. Маме хлопця! Вы мусите зо мною ити, я вас хочу погостити и долг вам отдати.

Я ся прошу, як могу, же не мам часу, бо боюся, што хлоп лем так хытрит, жебы я ишол з ним, а потом мя добри набье за тото ошуканство. Але газда хватил мя за гуньку и не выпускает, а тягне долу убочом.

— Тепер уж пришла моя кара, покута и заплаата за мои учынкы — думам я собі, але иду, бо мушу ити. Приходиме до хыж, смотрю; а там колыска стоит при постели. Аж ем подскочыл з радости. Газдыня мя обняла, поцілувала и наварила такую вечерю, як для якого пана: Стяла молоду куру, газда принюс доброй палюнкы. Уложили мя спати до постели, до перин.

Рано наклали мі до торбы розмантины и дали десятку и просили, же коли лем буду преходити тыма сторонами, то жебым все вступил, а они мя привитают як найдорожшого гостя.

Так переходило мое жытя при ворожыню. Мало коли, як ем гварил, дал мі ся ошукати богатый, а бідный все. Не раз и не два наробил я сварні и ненависти меже двома родинами, несознательныма, темныма женами, и то лем зато, жебы с того скорыстати.

А гнеска, на старость, тоты мои гріхы стоят мі пред очами. Гнеска и во сні привиджаются мі тоты жены, котры я ошукал, пустил одну на другу. Може и так было, што одна другу убила в великом гніві. Знаю, што много родин, много жен, до смерти будут жыти в незгоді, а причыном той незгоды я грішний, котрый корыстал

з их глупоты и темноты.

Тоты мои гріхы такы, што поправити не дадутся, а ту я уж старый, смерть за плечами и треба буде отходити с тяжкым сумліном. Але вы певно не знате, што то тяжке сумліня? Я знаю. То так, як жебы камин в грудях тяжыл. И того камня я нияк выняти не могу, он там остане в грудях аж до смерти и понесу го до гробу. . . . Заплакал старый Ваньо. Няню старалися го потішыти, але Ваня не мог никто потішыти. Все смутный ходил и плакал. Люде позерали на него, як не сполна розума. И помер Ваньо не сполна розума. Здаеся, што никому не признался веце до своего "ремесла", лем нам, же му улешкат. Але потом ту уж в Америкі мі повідали, што николи му не улешкало

* * *

А тепер подумайме, дороги чытателі, ци у нас не ест за вельо таких Ваньов з Ровен, што жыют лем з ошуканства, з ворожбитства для нас и далеко ліпше жыют, як жые бідный, ошуканный народ. Рижниця меж нима и Ваньом з Ровен лем така, што Ваня грызло сумліня, а в тых наших ворожбитах тото сумліня якисе деревяне, бо их оно не грызе.

Таких ворожбитов мы, лемкы, маме дост не лем в старом краю, але и ту, в Америкі. Они ищы хытрійшы от того старого Ваня, они мают веце способов, веце зіль, они могут чарувати едных людеј ціле их жытя и тоты люде все, аж до смерти вірят, што тоты ворожбите им помогут, хоц бідніе народ, а не може порозуміти, што го ошукуют.

Мы ту в Америкі будували великы запомоговы организации, богаты церкви, ставили зме и для себе дома, бо ворожбите ворожыли нам, што мы будеме богаты, лем треба так робити, як они нам кажут. И што ся тепер показуе? Што вшытко тото. На што мы робили, што мы будували, находится в руках ворожбитов. И то ищы не вшыткы видиме, бо як бы зме вшыткы виділи, то бы зме тых ворожбитов уж раз прогнали от себе. Но темна масса нашего народа все ищы тым ворожбитам вірит и все ищы их ховат своим тяжкым трудом. Та уж и труда для нас ніт, уж нас на жебраков обернули, и мы ищы и жебранином ділимся з ворожбитами.

Ліщынян.

Барин и Балышкин

ГЛЯДАЮТ наши протоереи, ци Гунянка был у Деникина, ци не был у Деникина? А коли был, то яку мал рангу, становиско? Ци был "благородие", ци "высокоблагородие"? Уважают, што то штоси таке, як Гунянка был у Деникина, што мусит тепер ити разом з нима и разом з гитлерами и араками. Але што патриоты не можут повірити тому, штобы можна быти у Деникина, а потом стояти за Сов. Союз и Сов. правительство, то нияк непевны, ци Гунянка был у Деникина, ци не был у Деникина?

Хоц я нераз уж писал о том, но напишу ищы раз, жебы вшиткы знали, што Гунянка был у Деникина. Правда, не можу похвалитися, што был даякым благородием, або высокоблагородием, бо был ем лем простым Гунянком, але мимо того не лем же не жалую, жем был у Деникина, але дуже рад тому, бо лем тому завдячую, што ем познал русских білогвардейцев, хоц вшиткого был ем там лем три місяці. Тоты три місяці были для мене найліпшом школом, за тоты три місяці я порозуміл причину русской революции.

Мы, студенты карпатороссы, смотріли на Россию, до войны, из заграниці, России совсім не знали, лем по истории и географии мы знали тоту Россию, яко огромну державу, а тым самым дуже сильну державу, котра сама в силі розбити Австрию и Германію и освободити нас национально. Не могли мы нияк припускати, штобы така огромна держава не могла устояти против наших угнетателей. И коли стара царска Россия розвалилася, коли ей били праві на всіх фронтах, мы не могли порозуміти, чом ей бют?

Правда, наши патриоты старалися звалити вину на революционеров, котры бунтували народ и армию против царя и його правительства. Но чом тых революционеров было лем в России столько, и чом лем в России они были такы завзяты, трудно было порозуміти. Трудно было порозумі-

ти, чом тоты революционеры хотят за всяку ціну розвалити тоту Россию. И нас, карпатороссов, тото барз боліло, што такы революционеры в России находятя и мішают той России нас освободити. Мы ненавиділи тых революционеров. Нас так учыли наши патриоты, што тоты революционеры, то найбільшы врагы русского народа, а православный, русский царь, русскы министры, русскы владыкы, генералы, офицеры, всіма силами стараются, працюют и готовы посвятити свое жытя для добра русского народа, соединения того народа и освобождения подъяремной Руси. Так нас учыли, такы нам давали чытати патриотичны русскы книжки. Так само учыли нас, як учыли польскы патриоты свою молодеж.

Зато мы не могли нияк порозуміти, як тоты революционеры могли збунтувати русский народ против таких добрый патриотов и святых, православных владык. Русска революційна литература к нам не попадала и мы смотріли на Россию лем из патриотичной стороны, из стороны национальной . . .

И штобы порозуміти тоту трагедию национальной России, я хотіл познати остаткы той России, тых русских патриотов, котры скупилися около Деникина.

В 1919 року, из Чехословакии, мал выхати отділ, организованный из русских плінных, под предводительством якиого курлянского полковника, барона. Я попросился в тот отділ, штобы, таким способом, достатися даром. Но раз, я совсім не знал ниякого военного ремесла, а з другой стороны полковник (здаеся барон Ек) нияк не хотіл вірити моим добрым намірениям, коли выпросился мою историю, так што лем за протекциом одного карпаторусского патриота принял мене в отділ, на його ответственность.

Отділ тот, то был еден из отділов, якы организовали из русских плінных союзники, для борьбы с Сов. Союзом. Такой отділ

складався из офіцерів і простих. Прості, селяне і робочі вступали в такі відділи з тим згодою, щоб якомога швидше дістатися до батьківщини. Офіцери для боротьби з більшовиками.

Інтересно, що прості солдати полюбляли швидко, а офіцери ненавиділи. А коли відділ заїхав в Крим, не знали, яку службу для мене вибрати, бо знаходили, що на війну я зовсім не потрібний.

Після пари днів відпочинку, цілий відділ, яких 200 солдатів і пару офіцерів вислали на фронт. Більша частина офіцерів залишилася при "базі", в місті, во главе з бароном полковником, а из простих: Сапожник, портняж, двоє інвалідів, "деньщик" полковника Балышкін і я.

Я мав задачу якогось посланця: на пошту, в штаб, дивитися там людей из того відділу, бо скоро половина пала жертвою тифу.

За час трьох місяців я порозумів причину російської революції і повернувся в Чехословаччину. А причиною російської революції було безмежне нахабство привілейованої, дворянської, офіцерської, білогвардійської, духовної і взагалі багатого класу. В західних державах того грубого нахабства, грубого пониження робочої і селянської класу не було, пані старалися і до цього старалися закрити цю ризницю, старалися затерти цю ризницю в обхід, в розмові, знають підходити до бідного чоловіка по "демократичному", хоч го ошукують, але не так грубо, як в старій Росії.

Возьме хоч би того Балышкіна, "деньщика", пущера барона полковника. Той Балышкін, то був тип багатого російського селянина. Он еден из простих солдатів був завзятым протибільшовиком. Он еден чув, що більшовики зроблять му кривду. Коли я Балышкіну розповідав, які реформи будуть запроваджені сов. правительством на селі, в земледілії, Балышкін заявив, що ніколи на такі реформи не згодиться. Селянин не буде робити лем на своїм фалатку поля, лем так, як буде сам господарем і буде сам розпоряджати своїм роботом і плодом своєї роботи.

Балышкін був чесним, тверезим і працьовитим чоловіком. Так і обслуговував барина. Полковник знав, кого собі вибрати для послуги. В цілому відділі кращого не бы-

ло для цієї роботи. В той час багато річей бракувало. А Балышкін все якось знав дістати для свого барина і пахляче мило, і пиріг і сметану і блинов му напук і дров видобув, що в полковницькій комнаті все було тепло, хоч другим, а і самому Балышкіну було холодно. Нам всім було холодно і голодно, а полковнику було тепло і сито. А то була заслуга Балышкіна. І Балышкін був на то багач, що он знає вигадати барина.

А що барин? Барин то брав так, як би вівся всякого закону і святого права то йому, і лем йому належалося. Як би і сам Балышкін йому належалося, і то лем йому самому. І Балышкін був так свято переконаний, що так належить, що он об'язаний обійти свого барина якомога краще, як мати свою малу дитину. А може думає, що барин виразив дяку за його Балышкіну? Ніколи. Все обходилося з ним грубо. Ци згодою, щоб не понизити себе, ци згодою, щоб не попусти Балышкіна, не знати. Но Балышкін не жадав от него ніякої благодарності, ані знання. Часом цілий день бігав за дякою спеціальними картами до грона, або дякою спеціальним варенем до чаю. Хоч повернувся с тим, барин, замісто знати його труд, виругав го грубими словами, якими знали ругати лем царські офіцери. Балышкін придивився, думав, що інакше бути не може. На то он барин і полковник, а Балышкін, лем Балышкін. І був би наш Балышкін осталим таким добрим Балышкіним аж до самої смерті, а барин до самої смерті осталим бароном і скоро осталим може дяким генералом, може би разом з Деникіним, або Врангелем ци Кольчаком розгромив більшовиків.

Но що раз зробив Балышкін, а що барин?

Страшний мороз був на дворі. В той рік хватили в Криму незапам'ятовані там ніколи морози. Повідали, що цілий відділ кадетів замерз на Перекопі. Єдно рано встал замерзнений Балышкін зо своєю койкою і думав, де би то взяти дакус дерева, щоб затопити в комнаті барина? Загорнувся Балышкін як міг, а же люди спали, то Балышкін одорвав десь дві дошки і прив'язав ку касарні. Порубав тоті

дві дошки, позбрав на наручо дярва и иде палити барину. Барин собі спал смачно. Поздно пришол. Накрытый был добри. Зимы и морозу не чул, хоц и білом паром дыхал. Може быти, же снил о даякой красавиці, бо усміхался солодко.

Вошол Балышкин з дровами, на пальцях, потихоньки, хотіл и на землю потихоньки положить, но дярва як дярва, розума не мают и скотилося пару полін з верха на подлогу и наробили стуку, такого стуку наробили, што барину прервали солодкий сон. Открыл барин очы просто на Балышкина. Але не долго на него смотріл, а скочыл, заклял по царскы и вымірил пару раз в "морду" Балышкину. Як жебы нич не зашло, положылся назад спати и старался надвязати прерванный, солодкий сон.

Но Балышкин стряс головою, погладиля по гамбі и штоси му блисло в голові, якбы електрика прешла. Але подал по собі, што он такий. Балышкин, як и был. Роспал в пецу потихоньку и вышол.

Никому Балышкин не признался, што ся му стало, лем мі. Таке якисе довірие чул до мене. Коли росповідал, плакал, розжалился, як дитина. Боліло го, што барин не признал його шырых услуг...

От того часу Балышкин перемінился. Зненавиділ свого барина и його кляссу.

— Най уж и большевикы, штобы лем не они...

В том нахальстві и грубости русских білогвардейцев крылся успіх Русской Народной Революции.

Ваньо Гунянка.

ПОГОДИЛИСЯ

Она: — Мы, любый Янку, не можеме женитися, бо мы не той самой религии...

Он: — О, то нич не шкодит! Ты пидеш дримати до своей церкви, а я до своей.

НЕ ДОПУСТИТ

— Та твой муж не допустит нияких горячих напитков дома?

— Но, лем принесу, то дораз выпье выштытко...

НЕ ПОРОЗУМІЛ

Молодец: — Я бы хотіл женитися на вашей Мери...

Отец: — Ты пьеш, молодой чловец?

Млодец: — Дякую, але перше бым хотіл справу женячкы покончыти...

ШТО КОТРА НАШЛА

— Коли ем іхала на "векейшен", то-м наказувала своему старому, штобы тримал дома порядок. Але як ем вернула, то-м нашла полно пороху, што ледво-м вычистила.

— А я ищы веце нашла, бо пруч пороху нашла-м полны румы флашок...

РОЗСУДНЫЙ ВАЦЬМАН

Два вацьмане пришли вечером до билдинку, тай дораз роскладают собі "лонч". А коли собі поили, просится еден другого:

— А ты не маш кавы?

— Но, я вечером каву не пю, бо не можу спати. Каву пю аж як верну зо службы.

ЧОМ ЗАБАВИТ В ГОСПИТАЛЮ?

— Мой стрык забавит в госпиталю пару місяц...

— Так тяжко хорый? А виділ ес його доктора?

— Но, я доктора не виділ, але виділ його норску.

ЯК ЗРОБИЛ ГРОШЫ?

— Минушого місяця я зробил 100 тысяч на вискі...

— О, я не знал, што ты бутлегер...

— Боже храни, я не бутлегер, але мой богатый стрык напился муншайну и умер...

БИЗНЕСОВО

Молодец (до отца улюбленной): Я бы хотіл женитися на вашей донькі.

Бизнесмен: — Добри, можеш мі оставити свое имя и адрес, як ліпше нич не трафится, то ти дам знати

Сміх и Правда

Проперта

МАЕТОК — по американски називають “проперта”. Проперта ділять на дві партії: Проперта рухомы и проперта нерухомы. Рухомы проперта має каждый американец, хоцбы лем на собі, хоцбы лем овергозы мал, то уж має проперта. Зато тоты рухомы проперта в Америці ани нияк не рахують за проперта, и такого американця, у котрого лем рухомы проперта, не цінят. Такий американец ани не цілий ситизин. Где лем зайдете, то найперше звідують вас, ци мате проперта. Розуміють нерухомы проперта. И люде в Америці ділять по пропертах. У кого веце пропертов, тот векший и ліпший американец, перший и ліпший ситизин. Почетны ситизини Америки: Рокефеллери, Меллоны, Форды, Морганы. Потом идуть все ниже и ниже, по пропертах рахують и сходять аж до тых в овергозах. А и тоты в овергозах ищы не еднакы. Едны мають новы овергозы, другы уж подерты. Тоты, што мають цілы, кус гонорнійшы и не можуть нияк зровнатися.

Але вернийме до нерухомих пропертов, о рухомих ніт што говорити и писати. Не оплатится. Хоц мі як прикро, а мушу признатися, што я ищы в жытю нерухомих пропертов не мал и здається уж треба так зыйти с того світа, што не буду мал. Лем подумайте: Никколи мое мено не было втягнуено в мапу, же: Ваньо Гунянка там а там, на той а на той земной парцелі вкоренений, записаний. И люде тото знали. Где лем пришол на даякий плейз, ци в краю, ци в Америці, ниякого почтения, повагы. “Такий собі голодранец, без порток, а ищы розумы роспушат...”

Не барз оно мі тото приємно было, же мя зато не поважають, але зарадити тому я нияк не был в силі. Бо раз, што грошы ся мя нияк не тримали. Як даяк ускладав пару стовок, дораз даяку книжку, календар, або газету писал. Така уж моя хо-

роба, так, пребачте, як даякий налоговый пиячыско. Лем ся даякий цент явит, та уж пропье. Так и я. Правда, у других народов таких людей хоробливых на книжки и газеты больше, у нашого народа мало трафится. У других народов часто тоты книжники и газетяре и проперта мають, у нашого народа хыбаль даякы запомоговы редакторе, што сконечности мусит быти редактором. Выберут, хоче ци не хоче и мусит быти, мусит писати, хоцбы и не хотіл и не знал, бо, повідають, што другы народы газеты мають, то и мы мусиме мати. А редактора мы хочеме такого, жебы мал страх божий. Жебы нас учыл страху божого, бо людского страху маме дост. Зо вшыткых стран. И ту и в старом краю. Нам треба якнайвеце божого. И зато редактором хочеме протоерея, або пана превелебного, а што найменше даякого дяка, най нас учыт страху божого...

Таки редакторе набыли проперта и мають честь и повагу. Я пропертов не мам, бо, як вспомнул, не мам зашто купити, а подруге не вірю, не привязуюся до пропертов. Уж небожка бабка повідали, же з мене нич не буде. И правду мали. Не вышло з мене нич и до смерти нич не выйде. До смерти не буду мати пропертов.

Але почкайте. И у мене вышла с тыма пропертами история, а то така:

Плаче стара и нарикат:

— Вшыткы, гварит, порядны люде, мають проперта, якисий, гварит, мають грунт под ногами, а мы нич не маме, ниякого грунту под ногами. Мала-м, гварит, пару центов и тото ес взял и промарніл на тоты книжки и газеты. Я хочу даякы проперта на старость. Што я буду робити, як ты умреш.

А оно правда. Взял я от старой \$600 на тоты книжки и газеты и все мя сумліня грызло, же взял, а не отдал. Бо друга моя

хороба тота, што мушу оддати, коли пожычу. Як не отдам, все сумліня мучыт. И почал я складати на тот долг, думам, до смерти ишы ускладам. И зложыл уж \$400 — уж \$500. — Я, гварю, складам на долг, хочу ти ишы оддати, до свойой смерти тоты центы.

Жена дораз почала позерати за пропертами. В Америкі о проперта барз легко. Як мате 500 дол., то добры проперта можете купити. И дид вам дадут, мапку нарысуют, втягнут вас таксу платити. Словом, за 500 дол. наберете почтения и повагы. И папери всякы скорше достанете, и где лем зайдете, о што просите, то инакше с вами говорят, с почтением говорят, як с ситизиним. Правда, на ваших пропертах долг, моргеч, але тот долг, як вам счестя послужыт, легко можете сплатити. А так платите лем якбы рент, 10 або 20 літ, повідають, што сплатите гавза. Но за 10 або 20 літ придут, оглянут “ваш” гавз зо вшыткых стран, попукают и ошацуют, што “ваш” гавз не вартат ани того моргечу, што ишы остал, и спытают вас, ци хочете доплатити, ци выйти, ци вас мают вышмарити.

Я на такы приміры смотріл своима очами, сам обрахувал и даю таку раду жені, штобы гавза не купувала, бо шмарит свои грошы, як до воды. Сподабалася ей гавзина, што такой на выглед было го видно из нашого рума. На продай был. Сяде коло выгледцу и смотрит, на него. Не може на-смотрітися. Молоко нераз вызбігат, каша ся приварит, запражка припалит, а жена все на окно на того гавза смотрит. А як не смотрит, то напевно пошла до агента годитися.

Виділ я, што нич не пораджу, што жена далеко кріпче залюблена в гавза, як в мене. Покаль не вылічытся с пропертов, то никто ей не порадит. Купити мусит. И купила. Дала \$500. \$2,000 треба было платити. Процентом тельо, як и моргича.

Змуфували до “свого” гавзу. Смотріме, пивница якоси так сфигсувана, што вода собі тече. Як дощ ліе, рыбы мож розводити. Ажи чути рыбами в слотны дны. Вырахували, же треба \$80, жебы поправити. Але ишы не такий сміх вышол!

Моя стара барз пунктуальна. Рада пла-

тити, коли платити час. Иде дораз платити текс, и то з великом пыхом, што раз и она дочекалася, што от свого гавза текс платит. Иде она там, где платят текс, з дидом, тай гварит гордо:

— Пришла я от свого гавза текс запла-тити.

Старый паниско посмотріл в дид и там деси ишы в книжку и якису мапу и повідат зло:

— Што ты жено плетеш о гавзі? Ты ниякого гавзу не маш, а порожный лот! Маш кусок землі и от той землі маш платити текс, а гавза ниякого не маш! Жена мало з ног не упала.

— Та я, гварит, купила лота, а на лоті гавза, а вы мі повідате, же на лоті гавза нит? Якже то може быти?

— А так може быти, гварит тот паниско и зазерат до книжок и мап, же гавз ест на лоті н-р 6, а тобі продали порожный лот н-р 7. Так ту стоит в мапах. Тексу, гварит, тепер не плат, аж будеш знати, от чого платиш, ци платиш текс за себе, ци за другого, ци маш гавза, ци лем лота?

Біжыт она до банку, повідат, як и што. В банку головою крутят и повідають, што купила гавза и лота. Біжыт до агента, агент повідат, што купила лота и гавза. Але там мают записано лем лота, бо гавза никто не записал и не треба писати, бо як записе гавза, то треба веце податку платити, треба платити от лота и от гавза, а так лем от лота. Не треба было говорити, што ма гавза, лем же мае лота. Право-таке, же што на лоті, то вшытко належыт до того, чый лот. Ту ничого против права ся не робит, лем ся менше тексу платит, то вшытко. Так робят вшыткы, котры мают проперта, як лем ся им удаст так зробити. И наконец агент назвал ей гринорком. Просилсся, ци ситизинка. А коли довідался, же не ситизинка, махнул руком. Не чудо, гварит, што не знаш, як в Америкі робитсся. Я ти тому нич не винен.

— Волілам не купувати гавза — гварит, коли пришла до хыжы. И оповіла мі, як то выходит тепер. Же треба больше и тексу платити . . . Слава Богу, думам, уж ей ліпше . . .

— Зараз бым продала, якбым могла . . .

— Но, продати не продаш, хыбаль лишыш,

але и того добре, што-с ся научыла о американских пропертах в так коротком часі. Не жалуй тых \$500! За школу треба платити тыж. Тепер, в кризисі, лем тоты люде, котры вылічени с пропертов, могут здорово думати. Котры ищы хоры на свои проперта, здорово думати не могут. Забуд тоту страту, бо она вартат того.

И жена помаленки забыла, хоц стратила.

А кто заробил на том гавзі? Найперше банк, потом агент. Оба заробили в грошах. Тельо заробили, кельо взяли. То их чыстый заробок. А третій заробил я. Заробил так, што ани ем ся не сподівал. Я, человек без ниякого почтения и повагы — набыл того почтение и повагу, а нич мя того не стояло. Як блискавица рознеслося, што Гунянка купил гавза. Я о ничым не знал. Але смотрю и чудуюся. Лемкы бесідуют мі "галлоу мистер", относятся с почтением, кличут на пиво и то такы, што дотепер ани позерати на мене не хотіли, люде с пропертами. Протоереи величают: "Гунянка купил гавза" співають, вмісто "Господи помилуй". Ажи в церковных газетах ем вычитал, што я купил гавза. Єден лем-

ко цілый тыжден нич инше не робил, лем писал на всі плейзы, где лем знал даякого лемка, што Гунянка купил гавза. Выдал на папер, инк и стемпсы цілый тыжневый заробок.

И где лем тепер не явлюся, зараз вижу, што на мене смотрят, як смотрят на порядных, уцтивых, поважных. Повідают "галлоу", просят зайти до них, честуют. Та и пишут уж инакше, не поневерають так, як поневерали, сварилися, прозывали: "Ты, гварят, голодранче, нисенито якысе, та ты мене описал? Та я грішник? Ты сам грішник! Бо мі бог дал и дає, а тобі нич не дал, ани ти николи не даст, голый ес ся вродил и голый вмреш!"

А Бабы? Та попросту бити хотіли, строилися, што набют. Але коли довідалися, што я уж на своих пропертах, цілком ся змінили, с почтением и решпектом относятся, як и до других поважных люди...

Словом, я аж тепер порозуміл, што значыт мати свои проперта. И зас біда. Жена вылічылася с пропертов, а я зачынам хоріти на проперта. Но але як их достати?

Ваньо Гунянка.

Чуда в Колпмант

НАШЫ ЛЮБЫ читателі, кцете да што знати? — Сядте собі, возте "Лемка", зачныйте читати! — "Лемко" не с тых, што туманят, бо го каждый знає — на митинкы го не хотят, зато выштыко знає! — "Лемко", правду всім повідат, така його вдача — хоц го дакто и рахує за нич, за смаркача...

— А тепер я вам зачну, всю правду казати — хоц барз добри я знам того, же мя будут кляти: — Як горіла церков раз — на березі высше нас — едны вірны плакали — другы с втіхы екакали — и кричали гой-да-да — тепер для нас нагода — Поставиме собі свою — я о тоту уж не стою!

— Бо я человек уж постаріл — з егомосцьом ся посварил — выкричал ем, як гадують! — (егомосць уж не фундуют.) — Так ся мі недобри стало — што мало мі не пукло сало! — Таж я такий вірник был — птаха до церкви купил — о чым егомосць найліпше знали — бо на тым птаху

казаня кричали — И птах тот згоріл, хоц был посвяченый — як ем вышол видіти, то уж был впеченый — и так лежал пару неділ в тому згарищови — аж нарешті взял егомосць, продал рексменови! Меже така лют набрала! А був бым, бым, бым! Свою церков ставил бым!

— Взял я народ бунтувати — и о попя ся старати — абы пришол нам співати — нашы грошы позберати — бо мы тераз, неборакаы — не робиме долги рокаы — часу пленти на копаня — фундаменту выбераня!

— Але ту зас инша біда! — бо не годят ся сусіде. — Коллекторе зашли двічы — зберати на рижны річы — тот не дає, тамтот не даст — ту бабиско вылітує — кне и грішыт, вымахує — и зачынат так ся дерти: — Ты бортаку, не маш жерты — а на попя збераш грошы? — Для попя прошиш роскошы? — Тай идеме горі стритом,

гварю до бодия: — Та кельо зме назбери-ли? буде парафія?

— Ид до чорта! бодий гварит — Та за два доляры? — Ліпше подме до “клуб-руму,” выпем по погарі . . . — И то добри, не со гріхом, бо человек освіжат — лем треба нам позерати, ци люде не грішат! — Бо видиш, же нашим людем не выгодиш нияк — уж и чартер зме им дали и так нам не вірят . . . До бискупа зме ходили, просили, як хлопа: — Будте ласка, наш владыко, дай на Колпмант попа! — А владыка, з бородою махнул гев и там: — Дайте чартер, мон діти, я вам попа дам . . .

Так, псы выют, коты мьвчат, куры куд-кодачут — а колпманскы парафіяне на бискупа плачут: — Ци он дурный, збожево-ліл, який допуст з неба? — Та он незна, што нам грішным на Колпманті треба?! — А може ся часом боит, же мы не робиме — и отцьови добру пейду зас не ухвалиме . . . Ухвалиме, наробиме, мы ся не боиме — в земли угля лежыт вельо, мы му наносиме! — А он з угльом буде знати, што мае робити! — Потовче го, потом продаст, добри буде жыти . . .

Така наша господарка гев, на нашом плейзі! — Як сой человек, кус роздумат, повіст, же мы крейзи! — За народне, “говди гелл” з земныма дарами! — Лем ся за то файтуеме, што там, за хмарами!

* * *

— На Покровы кермеш был, в нашой русской гали — бы помочы нашим лемкам, жебы памятали . . . Але то даремный труд! — Дадны лемкы такы сут: — як тикета попродали — то грошы сой поховали — и всьо зышло на капут!

— Гварил я му здесят раз: — Отдай грошы, бо уж час — бо я хочу их выслати — в Лемко-Союз записати . . .

— Але шкода клапканя, а и мого пыска — хоц то сам пан, скул-директор, мудрый не от гнеска . . . — Вшытко едно таким мудрым, што свищут на носі! — Може коли ся дознают, же и лемкы штоси . . .

* * *

— А тепер ся верну зас до той парафії — и дашто вам росповім про новы події:

Уж я жыю не от гнес, и хоц жыю худо — але я ищы не виділ таке чудне чудо:

— Было то деси в новембру, в неділю, не будня — наш егомосьць выіхал сой деси так сполудня. — В церкви огня не было, бо свічки выгасли . . . Я ту слухам, што за мара? Вшыткы трубы прасли! — и дуют што ест силы, файер-трок уж гонит — люде кричат, же церков горит, а никто не звонит . . . файермены кренту венту, гозы сприкручали — выміряли на святых, а воды не мали. Не пустило им воды, здаеся, што чудо — я сам виділ и виділи вшыткы вколо люде! — И згоріла наша церков, згоріла до чыста — зашто такой божий допуст для нашого міста? — Тепер люде ставят нову, боженьку всьо прийми — уж велику, мурувану, як в Єрусалимі. — Уж владыка посвятили край угольный камин — и два хоры заспівали: вікы віков амин . . . С филаделфии “Америка” 8 вересня — знана вшыткым газета украинска “чесна” — пише “гість” в ней “Для Бога и людий”. Вшыткы церкви спрозывал, же шопы и буды, а лем нашу одну хвалит с стильом украины — бо “гість” того не виділ: Тече в середину! — Правда, день был красний, файно отепліло — але думам, што “гостеви” в очах ся двоило — бо згадуе за “похід” и за два “прапоры” — а то не был лем еден, што стоял до горы — и то лем “Юнайтед”, а не з украины. — Але може пняный “гість” взял фартух Марины — за тот другий свой “прапор”, прапор украины. — Дальше наш “гість” згадуе про чудесны дзвоны — што ся голос розносил гет на всі стороны — голос дуже голосный и голос шырокий — што го чути в Мт. Кармел и чути в Шамокин . . .

А ту присям, Палку, ту, на мою душу — хоц дакто и злый бы был, а повісти мушу:

— Вышол я до церкви — так было зав-часу — душа мі затліла — пиду выпю пи-ва! — Выпил одну-другу, чекам, як одутый — еден блок от церкви, а звона не чути. — Дальше гость згадуе о выступлениях братских — плете штоси таке, якбы напомацкы: — Брейда братства нема, Ашлянд украинця — а колпманці на митингу не дошли до кин-ця . . . — Едно гость выповіл, нашто кредит

дасться — же ціла заслуга то ест отця Капця! — Люде ся ним тішат, як Хаим сынамі — же то наш егомосьць, мудрый меже нами . . . — Лем едно не видят, с той його мудрости — же як зачне нас стричы,

то стриже до злости . . . — Жебы я так здравый здох, як неправду пишу — а я вірю твердо в того, же правдом не грішу . . .

Парафіян.

Колпмант, Па.

Карпатскы Великане

ТАРИЙ дідо Сивестер повідал мі даколи, коли я был ищы маленький, што в наших горах Карпатах жыли даколи великане. Жыли люде малыя и жыли великане. Великанов не было так вельо, бо престалися множити, а малыя людзей было штораза веце, бо малыя людзе барз множилися, як мурянкы. И так выглядали тоты малыя людзе для тых великанов як мурянкы. Повідал дідо Сивестер, што раз ишла, крачала з горы на гору една великанска баба, за грибами ходила. Розумієся, што и грибиска для тых великанов росли спеціальны, великанскы, што шапки тых грибов гет понад ялиці и смереку было видно. Зато и глядати их великанам не было так трудно, як нам, малыя людям по гушыках, по кряках.

Так иде она, тота баба великанска, смотрит, а там рушаються якыси хробачкы чудны, еден подобный до человека, а два инакшы, и тоты хробачкы рыют землю. И сподобалися той бабі великанской тоты хробачкы мурянкы и взяла их до запаскы и понесла до великанов. А был то газда лемко, котрый собі орал под лісом, под овес. Великане тоты подавали собі сокыру з горы на гору, такы долги ручыска мали. Маленький человек барз мусіл стеречыся, штобы го такой великан не задопнул до землі.

Я просился діда Сивестра, што ся стало с тыми великанами, ци ищы они даде жыют, ци уж знищали. Дідо Сивестер повідал, же малыя людзей ся так намаожыло, што великане им нияк рады не могли дати, што тоты малыя людзе змудрили и побороли великанов. А и природа уж не могла тых великанов, што ищы зостали, выжывити, так што повымерали до одного.

Хоц я не барз вірил дідови о тых вели-

канах, як я был маленький, а тепер, коли ем постаріл, почиам вірити, што на правду такы великане в Карпатах даколи жыли, бо якбы не жыли, то скади бы взялися нашы карпаторусскы великане тепер? А никто заперечыти нам не може, што мы маме и тепер своих великанов. Може ніт? Кто чытат нашы карпаторусскы газеты, то знає наших великанов. А кто не знає чытати, най ся звідат Пацюты, Варзалия, Югаса, Ганулі, Тидика, Такача, Жатковича и других наших великанов, то они вырахуют му, кельо мы, карпатороссы, маме тепер великанов, ту и в старом краю, а кельо зме мали, што уж поумерали, але их великанский дух прешол до жыющих великанов и стократ розмножил их. Никто, ниякий народ в світі, не ма тельо великанов, што маме мы, карпаторусский народ.

Нашы великане діляться на православных и греко-кактолическых великанов, а греко-кактолическы діляться на восточных и западных великанов. И нашы великане далеко преросли тых старых великанов, о котрых повідал мі дідо Сивестер! Тамты великане и совсім не ниякы великане при наших, карпаторусскых великанах. Тамты великане подавали якуси сокыру еден другому з горы на гору. Нашы великане, што тепер жыют, што мы, малыя людзе на них смотриме, з ниякыма там нашыма горами не бадруються! Як уж подають собі дашто, то подають из Питтсбурга и Пряшова до Рима, або даде до Токио, або до Пешту, до Берлина, або до Прагы, Белграда, Варшавы, або воюют цілу Россию, Украину, диктуют им, як там мают газдувати, якого царя класти! Што там тамты дурны великане против них, против наших великанов? Тамты лем по Карпатах ходили, нашы по світу крачают.

А скади тоты нашы великане происходят? Та розумієся, што в их жылах мусит плысти кров тых наших карпаторусских великанов, о котрых оповідал мі дідо Сивестер. Инакше и быти не може, бо другы народы не маюти таких и тельо великанов, як мы карпатороссы.

Хоцбы взяти и нашого, бывшего великана губернатора, дай му боже царство небесне. По смерти нашего губернатора вынашли, што його руки сягали аж до Пешту. Што едном руком зберал грошы в Карпатах, та и в Америці, а другом руком складал аж в Пешті. Миллионы, гварят, зложены там, в Пешті.

Розумієся, што сут у нас векшы и меншы великане, сут в старом краю, сут в Америці. Каждый пан превелебный, каждый учитель, каждый дяк, у нас великан, в каждом плыне кров тых старых наших карпатских великанов, о котрых поповідал мі дідо Сивестер.

Бесідую, приміром, з одним учителем. Чловек, як чловек, на око ани незамітно, што великан. Но бесідує, бесідує, о "русскости", як и от кого мы "происходиме", а нарешті, коли видит, што я той його "русскости" не чудуюся, повідат, што он вечерял с Фордом, и што як он захоче, то у Форда дораз таку роботу достане, яку лем хоче, таку роботу, якої нищы ани до тепер ніт. "Я, гварит, с Фордом, як два брата, барз мя Форд любит и уважат. Але я думаю, што я ліпше дам ся высвятити на священника. Але вы, гварит, не думайте, што я в тото вірю! Я не вірю, але покаль дурному народу буде потребный поп, та все буде попу найліпше на світі жыти . . . Зато я иду на попа. Вы, гварит, думате, же вы дашто зробите? Шкода ваших мук, гварит. Народ за вами не поїде николи . . . Я, як бым был вами, то я бым найперше зостал попом, а так народну роботу робил. За попом народ наш и до огня скочыт, а за вами каменями буде метати и мече. Я знам, что я ділаю" . . .

И не можете му нич заперечыти, бо великан вшытко знає, всяди был, вшытко виділ . . .

Взяти даякого секретаря, кассира, председателя "Русского Дня." Он вшытко знає. Он знає, што то "русскость" и он стоит за "русскость"

Николи нияких лемков великан не призначат, бо "лемковизмус", то "сепаратизмус", "социализмус" и "коммунизмус", як пише Пацюта. Лемкы не великане. Великане не лемкы, бо лемкы барз малыны люде.

Нич великанам до "русскости" не бракує, лем, як сами чуют, того твердого "русского языка", што то аж коло Москвы говорят. Але с того собі великане вельо не робят, бо то легко русский язык изучыти. Вшыткого два слова треба знати: "Как" "это." Слова дуже короткы. Коли знає тоты два слова, то уж бесідує "чысто по литературному" и пише "чысто по литературному" . . .

Тот "русский литературный язык" наших великанов дуже интересный, так интересный, што мусиме познати го ближе. Таким языком не могли бесідувати ни нашы малыны предкы, ни не бесідує нияка частина русского народа сегодня, ани не пише таким языком, ани думати на таком языку не може. Таким бесідом могли бесідувати тоты нашы Карпатскы Великане, што оповідал о них дідо Сивестер, што з горы на гору еден другому сокыру подавали, што баба згорнула маленького орача лемка разом з волами и сохом до фартуха для забавы.

Так тота бесіда тых старых великанов дуже подобна, як видно, до бесіды новых великанов, котра появятся и тепер в наших карпаторусских великанских газетах.

Перепечатуєме одну статью на той бесіді, в котрой великан автор подає свои рецепты, розумієся не на людскы, а на великанскы хоробы. Перепечатано из "Русского Вѣстника", от 2 ноября, 1933, ч. 43. на 6-ой стр. котрый издаєся нашыма великанами в Питтсбургѣ, во славу "русскости" и Единой, недѣлимой Руси Православной" . . . Перепечатано дословно. И так:

РЕЦЕПТЫ ОБЪ ПИЩЕВЫХЪ ВРЕДИТЕЛЯХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ЗДОРОВЯ И КАКЪ БОЛЬНОМУ НЕДОПУСКАТЬ СЕБЯ ВЪ СЛАБОСТЯХЪ ОТЪ ЗАБОЛѢВАНІИ ВРЕДНОЙ ПИЩИ.

(Опытъ изъ собственнаго изслѣдованія — автора рецептъ).

Пища вредительная или не вредительная.

Эта пища, которую ѣсть человекъ можетъ быть сприяющей для человеческого желудка, однако можетъ быть и не сприяющей и очень вредной для человеческого здоровья. Пища есть такой, что человекъ сприяетъ ему къ окрѣпленію его здоровья, или просто остается вредителемъ и приводитъ человека къ слабости и заболѣванію.

Вотъ н. пр. ѣсть очень толстое мясо, ѣсть свѣжую свинину, или ѣсть такую пищу, что она за много есть омашеной свинскимъ саломъ то одно изъ этихъ здороваго человека можетъ привести въ заболѣваніе. Черезъ невозмѣрную омасту толстаго мяса, или просто омастой саломъ приготовленная пища стается этимъ вредителемъ, что въ человеческомъ животѣ возбуждаетъ боль и рвоты. Конецъ концомъ тотъ человекъ черезъ подобную пищу остается больнымъ на рвоты и безпрестанно принуждаетъ его уходить въ нужникъ съ отходами человеческого каала...

Ну, если человекъ ѣсть пищу совсемъ не омашенную, даже тогда если къ пищѣ не пользуется омастой, какъ олѣмъ или оливой то такая постная пища остается этимъ вредителемъ, что человекъ заболѣваетъ на запоръ. Кромѣ не омашенной пищи, кто часто ѣсть молоко съ булкой, а не уживаетъ иной пищи, то тоже человекъ упадетъ на заболѣваніе запоровъ. Больной на запоры переноситъ тяжелый животный боль и черезъ желудковый запоръ не можетъ выпускать калъ — человеческія отходы, при чемъ чувствуется въ великомъ терпѣнію.

Къ вредительной пищѣ тоже принадлежатъ испорченные продукта какъ н. пр. колбасы изъ гнилаго мяса, смердящее застарѣлое масло, гнилые яйца, недоваренная рыба, заразное мясо изъ курей, старый засмердѣлый сыръ и тому подобное. Вре-

дительнымъ продуктомъ для человеческого нездоровья и заболѣваній изъясняются его вредителями, кто зъ людей ѣсть н. пр. незрѣлые яблока или на половину гнилые грушки и бананы. Кто изъ людей ѣсть на половину гнилые сливки и виноградъ. Эти испорченные или незрѣлые фрукты не лишъ что вносятъ внутреннюю болѣзнь человека, но имѣютъ они возможность вызвать въ человекѣ заболѣваніе на лихорадку.

**

Какъ вредительная пища излѣчиваетъ заболѣваніе на иную вредительную пищу.

Эта самая пища омастная, что она есть вредительной на боль живота и желутка съ насиловательномъ отходомъ человеческого каала, то теперь служитъ какъ излѣчитель на человеческія запоры. И эта самая не омастная пища, что она въ человекѣ запоры, то на теперь является излѣчителемъ на вредительній боль живота и желутка въ насилванію человеческихъ отходов — каала.

Чедезъ такой же способъ, сало, масло, свѣжая свинина, олѣй и олива излѣчаютъ запоры, а молоко съ булкой, или рожовый (житный) сухарь на половину перепаленый служитъ излѣчителемъ на боль живота въ насилванію человеческихъ отходовъ.

По дѣлу подобныхъ заболѣваній слѣдуетъ пользоваться слѣдующими способами. Кто изъ людей остался больной на насилваніе человеческихъ отходовъ, тотъ черезъ 3—4 дня долженъ ѣсть молоко съ булкой, долженъ еще пить черную каву или чай съ сухаремъ рожового (житнаго) хлѣба и этимъ способомъ излѣчится.

Кто изъ людей попалъ въ заболѣваніе на запоры то на эту слабость слѣдуетъ только одинъ разъ ѣсть свѣжей свинины или сала и эти же излѣчаютъ запоры. Кто въ запасѣ не имѣетъ свѣжей свинины или сала, тогда онъ можетъ пользоваться олѣмъ или оливой. Черезъ 3—4 дня больной каждого дня утромъ и вечеромъ долженъ выпить кружку на 20% однаго лѣтра. Отъ однаго или отъ другаго омастнаго средства человекъ скорѣе освободится отъ запоровъ, чѣмъ тамъ отъ аптекарскихъ и медицинскихъ лѣкарствъ.

**

Пища которая само больше сприявает для человѣческаго здоровья.

Къ этимъ пищевымъ продуктамъ, что они само больше сприяютъ человѣческому здоровью суть ими слѣдующія: Первымъ продуктомъ изъясняютъ яйца и яичнца изъ приготовленная на разные способы. Вторымъ продуктомъ служить хорошо свареная капуста съ разными приправками всякой прочей зелены и пахучихъ продуктовъ. Третьимъ кормительнымъ продуктомъ изъясняется русскій борщбураковый съ добавленіемъ гороху, морквы, цебуль, апію, томатъ и прочее изъ зелены. Четвертымъ продуктомъ изъясняется рыжь переваренный съ коровячимъ молокомъ. Пятымъ продуктомъ изъясняются бобы свероные съ приправкой какъ къ тому способенъ поваръ или поварная хозяйка. Кромѣ сихъ же продуктовъ пищевыхъ какъ рожевой (житный) хлѣбъ.

При семъ слѣдовало бы сказать и это, что къ такимъ же пищамъ о коихъ мы выше говорили, надо додавать омасту только въ своей мѣрѣ по его количеству, ибо кто черезъ свою мѣру къ нимъ додасть за много омасти, этимъ же вредитъ на человѣческое здоровье.

Вы знаемъ это, что наши русскія любятъ ѣсть рыбу, но надо помнить это, что недовареная рыба или недопеченая служить убійцей человѣческаго здоровья. Тоже не слѣдуетъ рыбу уживать за пищу, если эта рыба смердитъ вонячимъ запахомъ, ибо такихъ же рыбъ кто ихъ ѣсть можетъ сдобуть себѣ слабость лихорадки.

Такъ какъ для дѣтей самой лучшей пищей служить молоко и хлѣбъ или булки. слѣдовало бы сказать еще одно это, что очень не разумно дѣлаютъ эти матери, которые своимъ дѣткамъ какъ возрослымъ даютъ пить каву и что даютъ имъ ѣсть сахаръ и иные сладкія сахарныя продукты. Сахаръ, кава, а тоже и медъ дѣткамъ портятъ зубы, которые остаются беззубыми. Правда это, что согнившіе зубы вырываютъ и замѣщаютъ золотыми зубами, но эти же зубы нельзя цѣнить съ зубами природными.

Не досвѣдченные люди думаютъ себѣ, что кто больше ѣсть мяса, тотъ больше

сильный, больше крѣпкій, больше здоровый и доживаетъ глубокой старости. Ну, какъ на оборотъ, кто ѣсть мясо или очень масно, то онъ скорѣе толстѣетъ, а эта тѣлесная толстота созрѣваетъ и конецъ концомъ скоро постепенно перестаетъ — жизнь ближайшая лишь лопнуть и вотъ все кончится, что оно было жизнью.

По изслѣдованію ученыхъ врачей — хирурговъ есть извѣстно то, что только не многія “толстяки” и это въ самой большой рѣдкости доживаютъ они глубокой старости. Изслѣдованіе намъ приводитъ и это, что кто въ своей жизни лишь по своей мѣрѣ пользовался омастой и саломъ, а отъ мяса ѣсть недопускался, такіе люди доживали глубокой старости.

**

Что портитъ зубы.

Наши русскія люди, корые родились въ старомъ нашемъ родномъ краю и которые сегодня живутъ въ Америкѣ, — они же прекрасно знаютъ это какъ плохо живутъ наши крестьяне. Тамъ наши крестьяне зимой пропитываются одной квашеной капустой и квашеными огурцами. И черезъ это пропитаніе нашихъ русскихъ крестьянъ вы увидите съ бѣлыми и здоровыми зубами съ твердостью желѣза. Сей часъ пойдите и загляньте въ богатые дома и вездѣ вы увидите, что почти всѣ беззубые, или снаходятся съ зубами но не природными, а лишь золотыми, или выготовленные изъ кой иной массы.

Мы лишь подумаемъ себѣ и скажемъ: развѣ черезъ какой то способъ эти богатые людишка остались безъ природныхъ зубовъ? — Потеряли они свои природные зубы просто тому, ибо они ѣдятъ очень сладкую пищу съ искусственными приправами, сахара меду и всего сладка. Эта же сладость испортила имъ зубы и они принужденные замѣнить золотыми зубами.

Наши русскія люди прибывшіе въ Южную Америку какъ у тепломъ краю, вездѣ познакомились съ сахарной тростиной и нѣкоторые изъ нихъ начали грызть сахарную тростину и стали высисать тростиновые соы. И что случилось позже? Они остались беззубыми.

Зубы тоже портитъ табакъ черезъ куре-

ніе трубки (люльки) и сыгарь, ибо тотъ табакъ имѣетъ въ себѣ опиумъ высокаго градуса, который нищитъ зубы. Тому то, кто изъ людей нестойтъ за своими зубами и допускаетъ къ нищенію, — то все это представляетъ, что не печалится о своемъ здоровью.

**

Что портитъ глаза (очы) и что вредитъ человѣческому зрѣнію.

Вредителями глазъ (очей), или просто кто есть глазами убійцами, то этими же являются слѣдующія: 1) противный вѣтеръ съ.путевымъ прахомъ; 2) приближеніе къ огню, тамъ гдѣ страшно курится; 3) чтеніе при лучахъ солнца, или чтеніе ночью при лучномъ свѣтлѣ; 4) чтеніе при электричной лампочкѣ безъ всякой заслоны; 5) чтеніе при плохомъ свѣтлѣ малой кухонной лампочки; 6) праховая пыль изъ керпичъ (цеголь); 7) паръ при открытію кипящихъ горшковъ; 8) дымъ изъ курительной трубки исыгарь; 9) искры падающія при перепаленію желѣза, коей работой бываетъ занятъ кузнецъ; и 10) запорошеніе глазъ (очей) всякой нечистотой.

Однако же, самымъ большимъ врагомъ и вредителемъ глазъ (очей), является вѣтеръ и дымъ. Путешественникъ, который черезъ нѣсколько дней путешествуетъ при сильномъ повѣву вѣтра, или тотъ рабочій что часто работаетъ на вѣтрѣ, то этимъ же вѣтромъ настолько вредитъ, что въ глаза (очи) вдерается кровъ и своимъ кровнимъ обликомъ заступаеътъ человѣческое зрѣніе. И кому по неволѣ приходится работать въ дыму, или дымовомъ мракѣ, то тотъ же дымъ настолько вредитъ глазамъ (очамъ), что вытискаеътъ слезы, а съ слезами теряется процентъ зрѣнія въ меньшомъ, или большомъ каличествѣ. Нельзя забывать и это, что стрѣльный порохъ есть убійцей человѣческаго зрѣнія. Доказъ изслѣдованія, намъ приводитъ, что если съ оружія стрѣлить человѣку въ его глаза, то оружейный порохъ моментально выпалуетъ глаза, причеъмъ остается темнымъ и въ такомъ несчастію врачебная помощь оказываеътся немощной, чтобы человѣку возвращать зрѣніе.

Въ защитѣ глазъ можна пользоваться очками (окулярами) съ глазами обложками, но такая защита возможна предъ напоромъ вѣтра и при работѣ кузнечныхъ искръ, но такъ предъ напоромъ дыма нѣтъ тамъ никакой защиты. При такой то случайности, каждый человѣкъ долженъ знать это, что вредитъ глазамъ а что помагаеътъ глазамъ.

В мнгихъ случаяхъ встрѣчаеътся, что нѣкоторымъ людямъ возрослымъ и не возрослымъ закисаютъ, или закаправѣютъ глаза. Надъ вѣками глазъ появляются въ родѣ крупъ масные спленки, которые съ наружи высеятъ надъ глазами. Все это появленіе вредитъ глазамъ и человѣческому зрѣнію. Ну, на закисаніе глазъ снаходясь домашнее лѣкарство, которое излѣчаеът и очищаеът глаза отъ не чистаго закисанія. Лѣкарствомъ этимъ служить свѣжее коровячеъе молоко. Больному на глаза слѣдуеътъ взять чистый бѣлый платокъ или шматку вмочать въ молоко и тотъ же приложить къ закислому глазу и держать его на сколько это возможно. Пользоватся такимъ прикладомъ, больной черезъ одну недѣлю можеът излѣчитъ отъ глазныхъ капрей.

* * *

Як видиме, то так тот язык, як и тоты "Рецепты", не относятся до нас, маленьких людей, лем до великанов.

Ваньо Гунянка.

АЖ ПО КОЛЛЕКТИ

— Може ест кто меж вами, мои дорогы вірники, што му тяжыт даякий гріх на души и хотілбы, штобы помолитися за ним — гварит духовник до своих вірников.

— Я грішу, отче, тым, што барз грошы розмітую, а мои діти голодны — гварит брат Акакий . . .

— Добри брате, помолимеся за тебе всі, але аж збереме коллекту.

ДЛЯ КОГО АДВОКАТ

Жена: Ты ничгоде! Я беру с тобом розвод.

Муж: Я найду найліпшого адвоката.

Жена: И найліпший адвокат ти нич не поможе.

Муж: Я не для себе, а для тебе найліпшого адвоката найду!

Біда

(Из великорусского)

ЕГОР ИВАНЫЧ, по назвиску Глотов, мужик зо села "Гнилы Поточки", два роки складав грошы на коня. Мало и планно іл, шмарил куриня, а што тычыцца палюнкы, то забыл, який смак мае. То ест, як бы ножом отрізал — не памятал, який смак мае палюнка, хоч убий!

А тягнуло го припомнути собі. Але кріпился мужик. Барз му был потребный конь . . .

— Вот куплю, — думал, — коня и втды сой позволю. Будте спокойны.

Два роки складав мужик грошы, и на третий порухувал свои капиталы и почал збератися в дорогу . . .

А перед самым ярмаком, явился к Егору Иваницу мужик из сусідного села и предложыл купити у него коня. Но Егор Иваниц предложение тото откинул. Ажи пре-страшылся.

— Што ты, добрый чловеце! — повідат. — Я два роки солому жер, ждал ярмаку. А ту, як на злость — купи у него коня . . . Таке купно, якбы и не купно. Ніт, не страшмя, брате. Я уж ліпше до міста, на ярмак пиду. Штобы вшытко было, як належится. —

И вот Егор Иваниц позберался. Окрутил грошы в онучу коло ноги, наділ скирни, взял палицу в руки и рушыл.

А на торговици Егор Иваниц дораз сподабал собі коня.

Была то шкапа звычайна, газдовска, з надутым брюхом. Серсти неопределенной — штоси, якбы барвы сухой глины, помішаной з навозом.

Продавец стоял при коню и удавал, што йому не розходится, ци дакто купит у него того коня, ци не купит.

Егор Иваниц покругил ногом в скирни, помацал грошы и, ласкаво оглянувши коня, гварит:

— Што-ж то, добрый чловеце, реку, ты продаеш тоту конину, ци лем тақ?

— Того коня? — недбало звідался торговец. — Та уж, думам, продати. Розуміється, же продаю . . .

Егор Иваниц тоже хотіл удати, што йо-

му не потребный конь, што он може обыйтиса без коня, но не вытримал, лем гварит зо сердца:

— Коник мі, добрый чловеце, барз потребный. До зарізу мі потребный. Я, милый мой, три роки солому жер, складав грошы, штобы купити коня. Вот, як мі коник потребный . . . А яка ціна буде того твого коня? Лем гвар до річы . . .

Торговец повіл ціну, але Егор Иваниц знал, што то не правдива ціна, лем так для торгу, та не позлостился, лем взялся обмацувати шкапу.

Он несподівано дул ей в очи и уха, жмуркал на ню, мляскал ей языком, махал головом пред самом ей мордом и так розрушал и настрашыл тиху шкапу, што она, до того часу спокойна, почала бити задом, але лем так для себе, не зато, штобы ударити Егора Иваница.

Коли уж шкапа была оглянена, Егор Иваниц зас помацал грошы в скирни, мругнул торговцу и гварит:

— Так значыт, конина твоя на продай?

— Чом, могу продати — гварит торговец, якбы ображенный . . .

— Так . . . А кельо же ты хочеш за тоту шкапу ? . . .

Торговец повіл ціну, и почался торг. Егор Иваниц бил себе в груди, два раз знимал скирню и выберал грошы, два раз ховал грошы и надівал скирню, божылся, заклинался, вытерал рукавом слезы, говорил, што он шесть літ іл солому и што йому до зарізу треба коня — торговец пушал в ціні покус.

Наконец зышлися в ціні.

— Най уж буде, бер коня — гварит торговец — Доброгос коня купил. И серсть крас и расовый и до работы единый . . .

— Што до серсти, до ей барвы, то уж до ничого. Такого кольору я ищы не виділ, нияк неинтересный кольор серсти . . . Опуст дашто . . .

— Та нашто ти кольор? Конь не квіток, пахати не будеш?

Пораженный таким аргументом Егор Иваниц посмотріл оторопіло на клячу, шмарил

шапку на землю, придоптал ногом и крикнул:

— Най же уж буде!

Пак сіл на камень, знял скирню и вынял грошы. Долго и з жалем перерахував их, подал торговцу и отвернулся, бо барз му было прикро позерати, як торговец рахував його грошы . . .

Наконец, торговец сховал грошы до шапки и гварит Егору Иванычу уж на "вы":

— Конь ваш . . . берте и ведте . . .

И Егор Иваныч повюл. Он вюл торжественно, цмокал языком и называл шкапу Марусьом. И лем, коли вышол с торговиці и нашолся на бочной улиці — порозуміл, яке велике событя в його жытю сталося. От великой радости пукнул шапком о землю, здоптал ногами, што он так хитро и мудро торгувался. Пак рушыл дальше, розмахуючы руками.

— Купил . . . Коня купил . . . Матичко боска . . . Оманул ем го, торговца . . .

Коли кус охолоднул от избытка радости, Егор Иваныч, хитро сміючыся собі под носом, почал мургати на прохожих, якбы им показувал очами свою покупку. Но прохожы проходили и не смотріли . . .

"Хоц бы тепер даякого земляка, кума встрітил, для сочувства . . ."

И акурат, смотрит, иде мужик, земляк из третьего села . . .

— Куме! — крикнул Егор Иваныч. — Куме, подте-ле гев!

Чорный мужик подошол лівиво и, не поздравкавши, посмотріл на конину.

— Смотте, куме . . . я коня купил . . . того, о! — рюк Егор Иваныч.

— Коня, — рюк мужик, а же не знал, што дальше речы, або звідати, додал: — Видно, што ес не мал коня?

— Так и было, куме — рюк Егор Иваныч — не было у мене коня. Коли бы был, не купувал бы. — Подме, я хочу дашто казати . . .

— Обляти значыт? Литкуп? — звідался земляк и облизался. — Можна. Тото можна. Што можна, то можна . . . В "Ягодку" пидеме?

Егор Иваныч кывнул головою, ляпнулся по холяві и повюл за собом клячу. Земляк ишол на переді.

Было то в понеділок. А в середу рано

Егор Иваныч вертал до дому. Коня не провадил. Чорный мужик отпроваджал Егора Иваныча до німецкой слободы.

— Ты не турбуйся — потішал го. — Не мал ес коня, а и тота шкапа не конь. Ну, пропил, та зато нич. Зато, братку, ес облял купно. Вартат вспомнути . . .

Егор Иваныч шол похмурно, молчаливо, сплювал жолту слину. Аж коли дошли до німецкой слободкы, стали прощатися, Егор Иваныч рюк тихо:

— А я, куме, два рокы солому жер . . . надармо . . .

Земляк махнул сердито руком и вернул назад.

— Стой! — закричал Егор Иваныч страшным голосом: — Стой! Дядя милый?

— Што тобі треба? — остро звідуюся мужик.

— Дядя . . . милый . . . братичку, — гварит Егор Иваныч и клипкат очами. — Як же то? Два рокы я солому жер надармо . . . Чом то, за што то . . . палюнку продают?

Земляк махнул руком и рушыл до міста . . .

Михаил Зошенко.

НА ШТО ГО ПРЕВЕРНУЛ?

Прохожий видит, як еден хлопец превернул другого, сіл на него и окладат го пастуками. Жаль му ся зробило того на споді и подходит, тай гварит тому на верха:

— Ты не повинен го бити. Ци ты не знаш, што лежачого не бют?

— Гей?! А нашто я го превернул? — гварит хлопец.

ОБХОДИТСЯ ЕДНЫМ СЛОВОМ

— Я обыйдуся едным словом в бесіді зо своим женом . . .

— А яке тото слово?

— Так.

ОТ ПРОСТУДЫ

— Мой сусід дуже часто простуджатыся . . .

— А ци он знае, што на простуду найліпша виска?

— Зато он так часто простуджатыся, бо знае.

Дереvence

Засадил лемко деревце,
Почал подливати,
Жебы скорше му выросло,
Жебы овоч мати . . .

А сусіде завистливы,
Завистливы люде —
Повідали, же овочу
З деревця не буде . . .

Бо то земля до ничего,
Постна, камениста
И деревце не даст овоч
Ани за літ триста!

А деревце собі росло
И квітя пустило,
Пришло літо, пришло "Спаса",
Овоч зародило . . .

А злых людей того грызе!
Бо злы люде такы,
Як, видите, под деревцом
Шкодники хробакы . . .

И почали подгрызати
Наш Союз Народный . . .
Лем же лемко наш не дурак,
Але человек годный:

Шкодников он дораз познал,
Очистил коріня —
И наш Союз дае лемкам
Овоч и насіня . . .

ГОДИНКА, ШТО БЕ

Гость: — Я мушу встати рано. Маш таку годинку, што бе?

Газда: — Сама не бе, хыбаль як ньом до мя жена шмарит . . .

СЕЙЛСМЕН

— Мамо, при дверях стоит сейлсмен, з баюсами . . .

— Повіч му, што мі не треба баюсов.

ПОМЫЛИЛИСЯ

Жена: — Ты зауважыл, старый, што наш пан превелебный часом мылится в отправі . . .

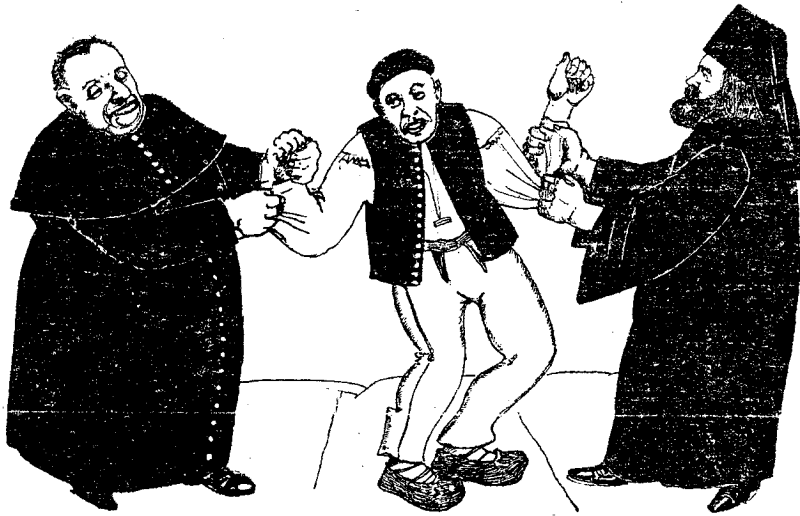
Муж: — Найбарже помылится, коли нас благословил при слюбі.

КОЛИ ЧУЕ ?

Доктор: — А ци чуєте даколи боль в горлі, коли пете?

Хворый: — Но, лем втоды, як мя жена за него хватит . . .

Роздерли на Двоє

— Спасение лем в Римі найдеш,

Лем Такач даст раду!
Бо лем папа має ключы,
Што ся в небо здадут!

— Не слухай го “менший брате”! —

Протоерей рече:

— Лем Виталий може спасти,
Под за ним чловече!

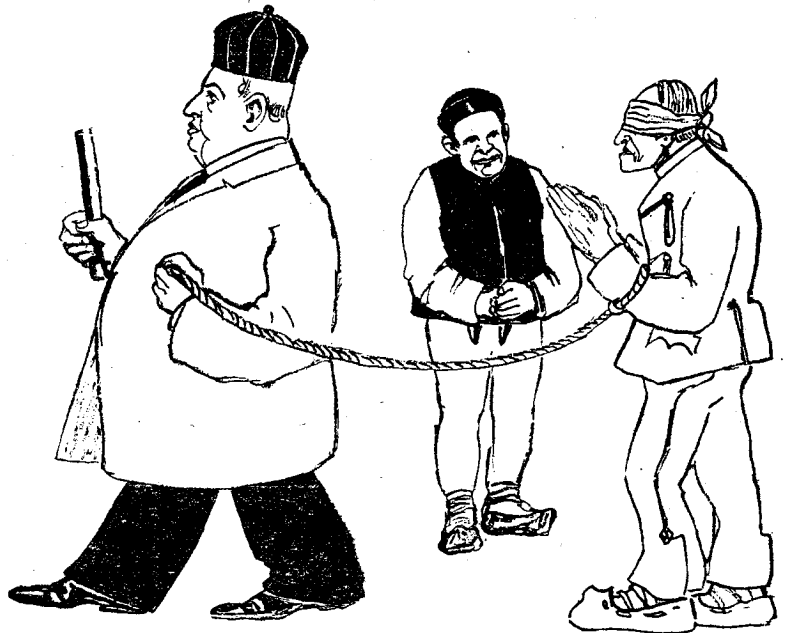
И друт лемка на два боки,
Каждый хвалит свое . . .
Тай роздерли лемка попы,
Роздерли на двое . . .

Там на нашой Лемковині,
В обох стран границі
Учат лемков целибаты
Ружны небылиці:

Же як будут им зносити,
Остатне давати,
То по смерти будут в небі
Вічно царствовати . . .

Стары лемкы их слухают,
Даются водити . . .
И ци могут, неборакы
Так на світі жыти? . . .

1. Кум: — Где он вас, куме, тот целибатяра веде?

2. Кум: — Повідают пан превелебный, же до царства небесного . . .

ВІРНЫЙ МУЖ

Жена: — А будеш ты мя любити, коли мои волосы будут сивы?

Муж: — Чом бы ні? Ци я не любил тя, коли твои волосы были черны, червены и жолты?

КТО КОГО?

Мати: — И ты, доню, хочеш выйти за муж за такого старого белея и мучытися ціле жытя?

Доня: — Не бойтеса, мамо, я себе мучити не буду, лем його!

Петлюракы

Сут на світі ружны люде,
Мудры и чудаки —
Але найвекшы чудаки,
Нашы петлюракы!

Не знают сами, што хотят,
Зашто ведут “війну”,
Бо знам: сами нич не вірят
В свою “самостийну” . . .

Але й они жыти мусят
Людам на потіху . . .
Не было бы петлюраков,
Не было бы сміху . . .

ШТО МОЖ ДОСТАТИ ЗА ДАЙМУ

На головной улице, пред перворядным рестораном, просит стоячий прохожого:

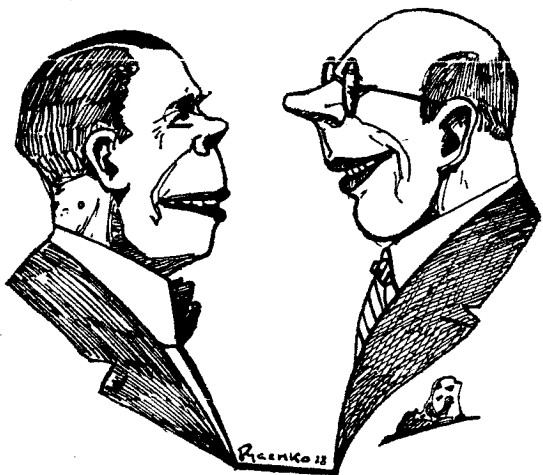
— Добрый чловече, дайте мі дайму, я хочу зайти до того ресторану . . .

— Та што ты, бідный чловече, за дайму достанеш в том дорогом ресторані?

— Горнятко кавы, зо дві срибны ложки и новы калап.

Рахунок не Вышол

1 Кум: Вы стоите, кумцю любый,
В Лемковском Союзі?

2 Кум: Стою, стою, дем союза

Мі того за дуже!
Я си думал, же на “питник”
Будут муншайн брати,
Же вторгую дашто от них!
Жаль бесідувати!

1 Кум: А я думал, же в салуні
Ся будут сходити —
А выходит, на союзі
Не мож заробити . . .

2 Кум: Но и што нам зо союза?
Най же он пропаде!
Преверныйме! Я спереду,
Вы восте зо заду.

(И сиятятся, превертают,
Союз ся не боит,
Чым весте ся напружают,
Союз кріпче стоит).

Будучност Нашых Запомоговых Організацій в Америкі

Народны Надіи

Нашы емигранты в Америкі, кромі многочисленних православных и уніяцкых церквей, создали тут цілый ряд запомоговых організацій для асекурации посмертного на случай смерти. Гдєкотры из тых організацій отпраздновали уж 40-ву рочницу своего существованя.

Што церкви с их огромном арміюм священников и дяков не зробили ничого для просвіщения и культурного поднятия нашего народа в Америкі, то признае нынѣ уже каждый. Если оглянутися назад, на минувшы десятилітия нашей эмиграции в Америкі, то просто жаль бере, што наш народ тут потратил такую массу грошей и энергии на будову и утриманя церквей, а так мало получил взамін за то. А с яком віром и надійом будувал наш народ церкви и глядал священников и дяков для них! Он робил то, бо вірил, што при церквах он подвигнеся культурно и сохранит свою русску народност не лем сам, но и передаст то своему потомству тут в Америкі.

С подобном віром будувал народ и запомоговы організації. В них глядал он не лем самой асекурации, бо асекурацию мог бы достати и в загальных американских асекураційных обществах и компаніях, дуже часто даже на лучших условиях, но свои організації он создавал больше из народного почутья, из патриотизма, штобы в тых організаціях сохранить свои народны традиции и розвивати свою національну культуру. То видно в уставі каждой запомоговой організації, где постоянно говорится о моральных и народных цілях, о розвитку своего народного духа и сохранению культурной связи с цілым русским народом. В истории каждой запомоговой організації можеме найти десятки самоотверженных организаторов, братских секретарей и других урядников и членов, котры, можна повісти, ціле свое жытя посвятили для своей організації, котры ходили постоянно и тратили час и грошы, штобы придбати больше членов для організації и двигнути ю выше других організацій. А то робили из патриотизма, бо за свою

работу в огромном большинстве случаев не получали ниякой надгороды. Они и не очекували ниякой надгороды, бо им наилучшом надгородом было то, што их работа приносила добры плоды, бо організація росла. В рості своей організації они виділи рост русского народного діла в Америкі и гарантию того, што наша национальна культура, буде тут сохранена. На жаль, треба сказати, што неоден из тых самоотверженных организаторов позднійше, як попал в біду и не мог заплатити своей місячний взнос до братства на час, то был выкиненный из той самой запомоговой організації, для котрой столько труда положыл.

Народ обманулся в своих надіях

Тепер каждый може застановитися над слідующим пытаньем: Если церкви не дали нашему народу майже ничого для его культурного развития за всі тоты огромны жертвы, потрачены на них, то який рекорд мают запомоговы організації в том отношении? Ци можна повісти, же они выполнили тоты надіи, які покладал в них наш народ?

Запомоговы організації, подобно як и церкви, завели наш народ в его надіях. То и не дивно, бо запомоговы організації были всегда тісно связаны с церквами и находились под тым самым вліянием, што и церкви. Куда ишли церкви, туда ишли и запомоговы організації. Достаточно указать на духовных управителей во всіх запомоговых організаціях, на постоянное участие их в религиозных борьбах, на поддержку того або другого епископа газетами запомоговых організацій, того достаточно, штобы перекопатися, што нашы запомоговы організації в Америкі не были николи самостоятельными и не мали своей політики в народных ділах, а находились постоянно под контролем духовенства и церкви.

Запомоговы організації, маючи свои отділы по всіх центрах нашей иммиграции, а при том свои газеты, типографии и значительны грошевы фонды, мали полную возможность сорганізовати наш народ и для

культурной работы и перевоспитати его. По всіх місцевостях можна было мати свои Народны Дома, а при них читальні, галі для театральных представлений и лекцій, школы для дітей и для взрослых. Но ничего из того не робили и не старались робити наши запомоговы организации, хотя в уставах своих обіцували членам, што будут заниматься культурно-просвітительном роботом. Обіцянки были записаны до уставов и там остались мертвом буквом. Можеме перейти всі наши запомоговы организации в Америкі и прослідити их діяльність, то трудно нам буде найти хоц лем пару приміров, штобы они устроювали поучительны лекции для своих членов и помагали братствам на місцях в культурной роботі. Но много ест приміров, што запомоговы организации гамували и убивали початки прогресивной культурной работы среди своих членов.

Нынѣ в наших запомоговых организациях чуеме жалі на то, што новы члены не приступают до них, бо рождена тут в Америкі молодеж не интересуея ними, а иммиграция заперта, и ддятого всі запомоговы организации, созданы с таким трудом и жертвами нашего народа, упадают. Но правду сказати, было бы чудо, если бы наша американска молодеж интересовалася нашими запомоговыми организациями. Кто ю подготовил до того? Ци запомоговы организации старались о то, штобы діти научылися по русскы читати и писати, и штобы познакомилися с минувшыном своего народа и полюбили его? Запомоговы организации не думали о том, оставили молодеж совершенно самопасом, а потом, коли та молодеж подросла, то чудуются, што ті молоды люди не интересуются ними и не хотят вступати в члены до своих народных организаций.

Яке воспитание получила молодеж

Воспитание молодого покоління запомоговы организации оставили всеціло церкви и духовенству. Они думали так: "Ддячого нам старатися русском школом для дітей, коли сут церкви, а при каждой церкви ест русска школа?" Вот в том то и была фатальна ошибка наших запомоговых организаций в Америкі.

Церковны школы были и діти до них ходили цілыми роками, но чого научылися они в тых школах? Мы аж тепер видиме, же тоты русскы школы были для парады, а не для науки. На каждом приходи встрічаме такы факты, што дітина ходила по 6 и по 7 літ до русской церковной школы, по 6 раз на тыжден, а не знае писати ни читати по русски и не интересуея совсім русским языком. Русска церковна школа заміст научити дітину по русски, привила ей лем погорду до русского языка и русского народа.

И рядом с тым можна привести приміры, што родовиты американцы, котры дома у себе николи не чули ни слова по русски, начинали учытися по русски и, беручи по три лекции тыжднево, в продолжении 6 до 10 місяцев овладівали дост прилично русским письмом и могли говорити лучше по русски, як наша русска молодеж, котра провела в церковных школах по 6 літ.

Вывод из того може быти лем оден, а именно, же в русских церковных школах, священники и дьякы, котры учыли дітей або сами не знали русского языка, або не хотіли научити дітей правильно по русски. Дуже возможно, што в большинстві случаев та друга причина грае головну роль. Священники и дьякы просто не хотят, штобы наша молодеж в Америкі знала добре русский язык, бо если бы она попри знанье английского языка знала ищы добре русский язык, то она была бы мудрійша от тых священников и дьяков. А дальше, если бы тоты молоды люди серьезно заинтересовалися русским языком, полюбили его и сами начали изучати его лучше, то скоро могли бы переконатися, што большинство отцов духовных и дьяков не знают того языка. Так лучше было дурити рідичей, што при церкви ест русска школа, и учыти в той школѣ так, штобы никто в ней ничому не научылся, хоцбы и ціле свое жытя ходил до ней. Родиче были задоволены, бо-ж посылали дітей до русской школы и платили попу и дьяку, значит, старались дітинѣ дати образование, а поп и дьяк тоже были задоволены, бо тримали школу и получали "пейду," и только тепер всі видят, што ученикы ниякой пользы из тых школ не вынесли.

Культурный и моральный занепад.

В результаті всього того наші запомоговы організації в Америці очутилися в печальном положенню и ниякой культурно-просвітительной роботы не дають. В тих організаціях потворилися маленькы партии, котры лем борются за руководство в тих організаціях, штобы достатися на платны уряды и там як найдольше триматися. Конвенции тих організацій перемилися на ярмаркы, где идут торгы за уряды и подкуп делегатов. В послідны часы в руководство тих організацій влилося дост много молодой крови, т. е. родженых тут в Америці молодых людей, но от того моральный характер конвенций совсім не поднялся, но опустился ищы ниже. Стары урядники хоц мали немало стыду, бо чытали в краю різкы осуды против хруней, продающих голоса за колбасу, и если перекупували делегатов на конвенциях, то хоц старались робити то тайно, а тепер молода кров не лем не стыдятся, но ищы гордится тым, як бы даякым геройством. То, што робится на выборах в американской политикі, они переносят и на конвенции наших народных организаций.

Для приміра можно указати на послідны конвенции О.Р.Б. и О—ва Взаимопомощи. На конвенцию О.Р.Б. группа молодых урядников из Мейфильд привезла поверх 40 гальонов муншайну и парудесят фунтов колбасы, загнала делегатов до одного готелю и там цілу конвенцию распивала их и с пьяными головами переводила конвенцию. А на конвенции О—ва Взаимопомощи, коли бракло старым урядникам голосов, бо оппозиция оказалась сильнійшом, як они сподівалися, то на четвертый день конвенции, перед самими выборами, послали автомобиль до Мейфильд и привезли собі ищы чотырох делегатов.

Не дивно, же при таких методах случается, што одни и тоты сами урядники занимают свои уряды десятками літ. И такы урядники сут заинтересованы в том, штобы ниякой культурно-просвітительной роботы не робилося по братствах, штобы не было меже членами ниякой лекции, ниякой просвіты, бо если бы члены начали интересоватися світом и прогрессом, то начали бы интересоватися и порядками в своей орга-

нізації и не тримали бы ни дня таких пустых и продажных людей на отвѣтственных урядах.

Нынѣ наш народ в Америці домыл до такого положенья, што як раз тоты институции, на котры он найбільше покладад надїи, што будут охороняти его народну культуру и воспитувати его молоде поколінье в русском народном духу, тоты институции стоят нынѣ як найбільшы колоды на пути прогресса и культурного поднятия нашего народа. Сталося то потому, што и духовенство в церквах и головны заправили в запомоговых организациях боятся всякой перемины, всякого прогресса народа, бо при прогрессі народных масс тоты заправили могут стратити свое значение и свои посады.

Ци ест выход из того положенья?

Само собом насуватся пытанье, ци можна ищы оживити наші запомоговы организации в Америці и поставити их на такую дорожку, где они могли бы розвиватися, расти и служити тым культурным цілям, для яких были созданы. Розумієся, што можна. При желании народ може зробити и чуда, бо в народной массі, коли рушится с міста, сут силы, яких перше и не подозревалося. Но для такого оживленья наших запомоговых организаций в Америці потрібно:

1. Отділити запомоговы организации и братства от духовенства, штобы они могли розвиватися и вести свою культурно-просвітительну роботу самостоятельно в народном духу. Для того всюду по плейзах братства и отділы запомоговых организаций повинны постаратися мати свои Народны Дома, галі на митингы и на предприятия. Центральный Уряд мае помочи братствам в том ділі, даючи моргечы на такы будинкы всюду, где сут сильны братства. А где братства одной организации слабы, то там братства двох або трех наших запомоговых организаций повинны спольными силами постаратися о такы народны дома.

В таких Народных Домах можна розвивати культурну роботу, устроювати лекции, диспуты, представления, концерты и другы предприятия.

2. Постаратися о свои русскы народны школы для дітей и школы грамоты и поучны курсы для дорослых. Если будут Народны

Домы, то буде свое помещение и половина трудности буде усунена.

3. Штобы устранили раз на все такы порядки, где оден и тот самый головной урядник може сидити по 20 літ на своем уряді и умертвляти розвитие организации, треба дати до уставу постановление, же такы руководящы урядники, як председатели, касиер, контролеры и тростисты, або председатели гол. суда, не могут занимати свои уряды больше, як два разы без перервы, подобно як и президент Соед. Штатов не выбирается больше на свой уряд, як два разы. А такы роботны уряды, як секретари, менеджер, и другы меньше важны уряды можна оставити без тых ограничений, бо тоты урядники и так самостоятельно ничего не робят и зависят от указаний гол. уряда.

4. Каждая запомогова организация отдельно або пару из них совместно повинны постараться отворити літны "кемпы" для дітей своих членов, як то робят другы американскы запомоговы и культурно-просвітительны организации, котры хотят сохранили влияние на молодеж.

То не так трудно осуществити. В подходящих місцевостях можна купити кусок поля и устроить его так, штобы туда на літо могли приїзжати из тисных городов діти и провести літны час на свіжом и здоровом воздухе, а притом учытися русского языка и воспитуватися в русском народном духу.

5. Всю культурно-просвітительну роботу розвивати на прогрессивной рабочей базі и в таком духу воспитувати и молодеж, бо лем так воспитана молодеж може тримати с нашим русским народом в Америкі, котрый складатся из рабочих, а не из капиталистов, и мусит боротися с капиталистами за свой кусок хліба.

Никто не може предсказати ныні, яка судьба жде запомоговы организации и аскураційны компании в сей страні в будущности. Можна быти певным, што в Америкі скоро будут приняты законы о державном социальном обеспечении, где рабочие будут мати державну аскурацію против болізни, каліцтва, безработья и обеспечение на стары рокы. Як то буде зроблено державным за-

коном, то приватны аскураційны компании и запомоговы организации утратят отчасти поле діятельности, бо буде державна аскурация. Но культурно-просвітительной работы державна аскурация не переберет на себе. И на той базі нашы запомоговы организации могут создати собі ищы шыроке поле діятельности и не лем утриматися, но и розвиватися и рости на пользу народа.

Поднимаются также часто голоса о объединению наших запомоговых организаций в Америкі. Ныні при тых порядках, які завелися в запомоговых организациях, трудно о том думати. Если гол. урядники одной организации сидят на своих урядах по 20 літ, то розуміється, што они не пойдут на то, штобы их организация злучылася с другими, бо при большом числі делегатов на конвенции им бы трудно было попасть на свои уряды в новой объединенной организации. Объединити нашы запомоговы организации в Америкі можна лем тогда, коли руководство в них перейде в руки рабочих, и коли тоты запомоговы организации станут на прогрессивной рабочей программе, и будут интересоватися тым, што добре и полезне для простого народа, для рабочего. Штобы объединити тоты организации треба влити в них рабочий дух, а для того, треба выбратьи до гол. урядов больше простых рабочих из фабрик и майн, а не разных спекулянтов и политиканов, котры утратили всяку связь с рабочем классом.

Такы организации, як оба Соединения, О.Р.Б., О—во Взаимопомощи, Любовь, Кливлендске Соединение, могут соединитися, бо во всіх членами сут сами рабочие, а у рабочих интересы одинаковы. Но повторяме ищы раз, доки они находятся под поповским контролем и в руках поповских прислужников, то о соединении не може быти и бесіды. Дятого дорога к объединению веде через очыстку каждой запомоговой организации от старых колод и старого поповского влияния и через установление всюда полного рабочего, т. е. членского, контроля.

Д-ръ С. Пыж.

Привіт Лемкам в Америці

Сижу старый тай думаю,
Што я днеска ускладаю,
Ускладаю и напишу,
Вас людонькы всіх потішу.
Пишу вершкы в шыром поли,
Где природа вся говорит.
Вся природа воскресае,
Птичка чудно нам співае.
Сижу собі на поляні
Под Кригівськым лісом,
Люди в поли вішта, гетта,
Так и я сой в поле вышол.

Всюда мило и весело,
Сердце в груди бьеса
Жайворонок чудно співат
И в воздуху вьеса.
Там на горах, на Корнута,
Шматы снігу лежат,
Птичка гуртом и стадами
Скоро до нас вертат.
Лем то місяц минул часу,
Снігу была верства,
Смутно было в лісі, в поли,
Земля была мертва.
Днеска уже дватцетого
Марта наступае,
Ой як мило, брате, в поли,
Вся природа грае.
Птичка співат в ріжний голос,
А ворона краче,
Старый Сицьо на Фирдеі
Свои козы пасе.
Ой як мило, як весело,
Подумайте собі,
Як соловей чудно співат
В Подлипского горбі.
Ой як мило, як весело
И малой дитині,
Як то щыгол красно співат
В Цаповой долині.
Солнце світит, пташок співат
Дітям для потіхы,
А канарок выспівуе
В потоці Кузмихы.
Як далеко оком глядеш,
Вся природа грае,
А за морем под землею
Краян наш страдае.
Як далеко оком глянеш.—

Радость, чоловіче,
А твой братко в темной майні
Чорну скалу січе.
Солнца гріют теплы лучы,
Вітрец от полудня,
А сестричка там за морем
В мурах сидит бідна.
Солнце тепер уж високо,
Птичка все щебече,
Но сестричка на чужыні
Нераз сой заплаче.
Пастух собі выспівуе
Деси на Голицы,
Но за морем там сестричка
В чорной каменици.

Хотя біда в краю,
Пісний борщ сербаю,
Водом и воздухом
Больше прожываю.
Хотя біда в краю,
Сухий хліб кушаю,
Но як выйду в поле,
Про вьсо забываю.
Квітки уж по садах
Гордіются красом,
Горе мы забыли,
Хоц лем іме часом.
Коло хаты тепер
Садок ся розвиват,
А пан когут ко кур
Так як дружба співат.

Всюда мило и весело,
Уж радостна весна,
Скільки втіхы нашим дітям
Она им принесла.
Уж и бабы будут жытя
Нове начинати,
Одной — другой гуска зыйде,
Будут тыркотати.
Давно, братя, вы не чули
За родное село,
Хотя бідно в старом краю,
Але барз весело.
Давно, братя, вы не чули
Певно за Розділя,
Почуете тепер вшыткы
В бозі ест надія.
Почуете, братя лемкы,
Ест надія в бозі

ЮНКЕРС, Н. І.

Русска Лондра

Всѣ русскы люде въ Юнкерсѣ дають свое прадло до русской лондры, бо мають на томъ практику, што тамъ имъ зробяць чысту роботу, на часъ и недорого.

О томъ знають и чужы люде и дають прати до русского.

Yonkers Perfect Laundry

300 NEPPERHAN AVENUE
YONKERS, N. Y.

Tel.: YOnkers 3123

РУССКИ ПОГРЕБНИК В ОКОЛИЦИ
НЬЮ ЮРКА

Иван Ковальчик

Лайснесованный Погребник и Ембальмер на Нью Юрк и Нью Джерзи Стефты. Вынаимат Автомобили для всяких вы- падков по уміренной ціні.

В разі потреби, удавайтесь до своего краяна-лемка, где достанете добру и честну услугу.

John Kowalchuk

FUNERAL DIRECTOR & EMBALMER

79 SUSSEX ST.
JERSEY CITY, N. J.

Phone:

BErgen 4-5131

364 NEPPERHAN AVE.
YONKERS, N. Y.

Phone:

NEpperhan 4897

КЛИФТОН, Н. ДЖ.

ВУДЛОУНСКА МОЛОЧАРНЯ

Пастеризоване молоко грейд А и всякы молочны и набілевы продукты.

И. И. СЕРЧАК

представитель.

73 HURON AVE. — CLIFTON, N. J.

Phone: PAssaic 3-3324-M.

НЬЮ ЮРК, Н. І.

ГРОСЕРНЯ И ДЕЛИКАТЕСЕН ШТОР
нашого краяна

ГАРРИ ТУРЧИНА

Можна все достати доброго и свіжого товару. Чыста и честна обслуга, то знають свои и чужы.

Просиме не забывати

И от своего купувати!

HARRY TURCHYN

640 E. 9-th St. — New York, N. Y.

ТОРОНТО — КАНАДА

КРАВЕЦКА ФИРМА МУЖСКИХ
УБРАНЬ.

ROBINS BROS.

340 Queen St. W. 492 Queen St. W.

TORONTO, ONT

Убраня зроблены под вашу міру с га-
рантиом, што будут допасованы—ціна

\$22.50

Phone: ADelaide 9554

ГАРФИЛЬД, Н. ДЖ.

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

нашого краяна

А. БИЩАКА

У Бищака достанете все свіжий и до-
брый товар и добру, честну обслугу,
то всі нашы люде повинны купувати
у своего краяна.

A. BISCHAK

40 Van Winkle Ave. — Garfield, N. J.

Phone: PAssaic 2-2677

Перворядна Гросерня и Бучерня**І О С И Ф А М О Н Ч А К А**

До Іосифа, до Мончака
 Ідуть люде из далека,
 Не лем русскы, а и чужы,
 Бо всі знають, же обслужыт,
 Ци то свого, ци чужого,
 Ци малого, великого
 Однаково справедливо,
 Честно, скоро, што аж мило . . .
 Єст у него свіже мясо,
 И то все, не лем так "часом,"
 Ци Вам треба из "бучерні,"
 Ци зас дашто из "гросерні,"
 Вшытко там достанете
 И так, што не пожалуєте!

JOSEPH MONCHAK

112 VAN RIPER AVE. CLIFTON, N. J.

GROCERIES AND MEATS

Tel.: NEpp. 544

ЮНКЕРС, Н. І.

Іоанн Малютич

В шторі Малютича Іоанна,
 В полудне, в вечер и зрана
 Свіжий товар достанете,
 Николи не пожалуєте!
 Он наш краян з села Ріпок,
 Всьо продає на ужыток!

JOHN MALUTICH

GROCERIES — DELICATESSEN

* ** *

Ice Cream, Soda, Cigars and Cigarettes
 131 YONKERS AVE.—YONKERS, N. Y.

ЮНКЕРС, Н. І.

Владимір Гончарик

У Гончарика Владимира
 Найліпша вага, найліпша міра,
 И все свіжий товар — мяса,
 Бо тот штор, то перша клясса,
 А Гончарик справедливый,
 С каждым гречный,
 С каждым милый!

Wl. Honcharyk

GROCERIES AND MEAT MARKET

46 Benett Ave. — Yonkers, N. Y.

Tel. Yonkers 5703-J.

Phone. SHadyside 0161

**Карпаторусска Гросерня и
Бучерня****Е. В л а д ы к ы**

Свой до свого!

Коли мешкате поблизко —
 То не минайте мене,
 А тым, што подальше
 Радо доведеме!

**Parma Grocery &
Meat Market**

5297 STATE ROAD. CLEVELAND, O.

ПАССАИК, Н. ДЖ.

Привіт и пожелания
для членов Л. С.

от

АДВОКАТСКОЙ ФИРМЫ
Patlen & Amlicke

Attorneys at Law
308 MONROE ST.

PASSAIC, N. J.

ПИВНА САЛОНА И РЕСТОРАН
ТЕОДОРА ДОКЛИ

Лемка из Ясунки. Для своих гостей
даст всегда добры напитки, и обслу-
жыт честно и по приятельски. Як бу-
дете в Нью Йорку за потребом, то
вступте до краяна.

BEER GARDEN & RESTAURANT

233 E. 3-rd St. — New York, N. Y.

ПАССАИК, Н. ДЖ.

Привіт членам Л. С.
и всім русским людям
в Пассайской околици

от

Адвокатской фирмы
Tulenko
and
Micklus

126 MARKET ST.

PASSAIC, N. J.

ПАССАИК, Н. ДЖ.

Привіт для всіх
лемков на
Пассайской околици
и наилучшы пожелания

от

Николая и Михаила
Мандаков

представителей асекурацийных
компаний.

Nickolas Mandak

and

Michael Mandak

ALL FORMS OF INSURANCE

50 MONROE ST. — PASSAIC, N. J.

Phone: PAssaic 2-0317

Phone: MAin 0885

**ПАВЕЛ
ГОЛОВЧАК**

Русский Погребник
и Бальзаматор

Вынанимае автомобилі на всякы оказии.
Братья Лемки — в потребі удавайтесь
до своего!

2387 PROFESSOR ST. CLEVELAND, O.

Tel. PAssaic 2-8782

Бучерня и Гросерня Захария Мерены

У Мерены, лемка и крайна,
Ци в полудне, в вечер, зрана
Все товары перша клясса,
Гросерия и колбаса!

Свіжы мяса и ярины,
Привозят все каждой днины,
Бо Мерена бизнес знае
И старого не продае.

Z. MERENA

Best Meat and Groceries

127 Ackerman Ave.

Clifton, N. J.

КЛИФТОН, Н. ДМ.

Лемковска Салуна
КОНСТАНТИНА СОРОКЫ

Свіже пиво, сода-вода,
Така гнеска нова мода.
У Сорокы все весело
За столиком, ци при касні
Забавитесь прекрасні.

KONSTANTIN SOROKA

85 CENTER ST. — CLIFTON, N. J.

Phone: MAin 0040

РУССКИЙ АДВОКАТ
Attorney at Law

William Bawolak

Як мате даякы справы судовы або
иншы потреби, удавайтесь до своего
адвоката, он радо Вам посовітуе
и поможе:

942 Standard Bank Bldg.
Cleveland, Ohio

ПЕРВОКЛЯССНА РУССКА БУЧЕРНЯ
ОНУФРИЯ ЮНАКА

Даю Вам знати, Лемкы братья,
И Вам там из Закарпатья,
Тоже от Дніпра и Волгы,
Што у мене колбасы добры и долгы.
А и куркы, гуси, солонина,
Всяке мясо уженина
Першой кляссы и то така —
Достанете лем в Юнака.

312 E. 71-st ST. NEW YORK, N. Y.

Phone: MEtuchen 6-0885

ГРОСЕРНЯ И БУЧЕРНЯ

Юанна Губика

Гей, краине, памятайте,
И я лемко, о том знайте,
Тай и мене не минайте!

SOUTH END STORE

First Class Groceries, Meats—Provisions.

137 S. MAIN ST. — METUCHEN, N. J.

Русский Народный Дом

В ПАССАИК, Н. ДЖ.

Ціла околиця знае Русский Народный Дом в Пассайкі, на 4 ул. Кто лем из русских людей приде в Пассайк, тот найперше приходит до нашого Р. Н. Д., где достане информации о всем, што му треба знати.

Не оминайте свого Дома, ци поодиначку, ци робите весіля, гостину, забавы, представления.

* * *

RUSSIAN NATIONAL HOME

159 FOURTH ST. PASSAIC, N. J.

Phone: LAkewood 6488-W.

Тимофтей Гамбаль

РУССКИЙ БУДОВНИЧИИ

Коли мате до будовы новый дом, або иншу роботу коло будинков в околиці Кливланда, то звернийтесе до свого краяна карпаторосса-лемка, а даст Вам добру пораду, первокляссну и честну роботу за приступну ціну

* * *

2149 LEWIS DR. LAKEWOOD, O

ГАЗОЛИНОВА СТАНЦИЯ

Pure Oil

и штор с кендами, сигарами и т. д.
нашого краяна-лемка

Василя Поливкы

SALISBURY CENTRE, N. Y.

При стейтовой дорогі № 29, 2 милі на
полноч от

Dolgeville, N. Y.

Коли вам трафится переїзджати тыми
сторонами, не забудьте вступити до
свого краяна, члена Л. С.

Te!. STamford — 3-4705

Samuel A. Telep

FANCY FRUIT & VEGETABLES

MEAT, GROCERIES

and

DELICATESSEN

Компанічны бизнес-шторы
Нашы вспольны сут ворогы,
Бизнесмена, работника
И бідного человека.
Не купуйте у ворога
И сдалека го минайте,
Зато свого Вы шторника,
Все в потребі посіщайте!

779 ATLANTIC ST. STAMFORD, CONN.

Прочітайте то Уважно!

Пару Слов к Людям Добраї Волі

Мы призываєме всіх людей, котрых здоров'є не єст в добром стані, начати ужывати **Лекоторію**, лікарство, приготовлене из ружных європейських цілебных рослин, котре было зареєстроване в Вашингтоні, в федеральном бюро патентів.

Независимо от того, як долго Вы хоры и яки медицины Вы ужывали перше безрезультатно, начнийте ужывати **Лекоторію** и по ужыттю одной бутелькы согласно предписанію Вы сами переконаєтеся, яким помочным лікарством єст **Лекоторія**.

Найбольше недовірчывы хоры люде мусят признати, што **Лекоторія** єст правдиве, честне, помочне лікарство, если ужыют цілу бутельку регулярно так, як предписано.

1. Ци Вы терпите на запор, газы в жолудку, катар жолудка и кышок, згагу, отрыжку, нестравност и утрату апетита? Если так, то купте собі велику бутельку **Лекотории**, ужывайте ю регулярно, як предписано, и увидите, же буде Вам ліпше.

2. Если у Вас не в порядку почки або печенка, если терпите на вздутост, боли головы и боли в мускулах, заворот головы, бессонницу, безпричинне огорченьє, то купте собі велику бутельку **Лекотории** и ужывайте, як предписано, а увидите, же поліпшат Вам.

3. Если мате нечысту або слабу кров, на-кожны выметы, лишаі и сухы струпы, прыщы на тілі або на лиці, предвчасны зморщкы, и возможно Вы ужывате всякы масти и помады, котры не помагают, а умножают прыщы, то купте велику бутельку **Лекотории** и начнийте ужывати регулярно, як предписано, а увидите, же по первой бутельці прыщы начнут высыхати и крушытися. Природный румянец появиться и тіло стане здоровым и свіжым.

4. Если терпите на ревматизм або астму, не можете оддыхати свободно и кашель Вас мучит, не можете їсти ани спати, то начнийте ужывати **Лекоторію** постоянно и регулярно и увидите, же буде Вам ліпше.

5. Если Вы в старшом віку и чуєтеся так ни не здоровым ни не хорым, як то звычайно быват со старшыми людьми, котры потратили силы в жыттю, то начнийте принимати одну столову ложку **Лекотории** перед спаньем, и увидите, же буде Вам ліпше.

6. **Лекоторія** дуже помочна и в других недомаганьях, запричинєных неправильном роботом жолудка, захолоджыньом и слабом и нечыстом кырвьом.

7. Если Ваша хворота тягнєся долго, то Ваша кров, жолудок, кышкы и цілый Ваш организм єст отравлений нечыстотом,— в таком случаю ужывайте постоянно хоц три великы бутелькы **Лекотории**, и увидите, як много то Вам поможе.

8. Оно трудно повірити, штобы одно лікарство было так помочне против многих слабостей, но мате очы и мозок, то если будете ужывати **Лекоторію**, як предписано, переконаєтеся сами.

Ціна за 16 унцову бутельку \$1.95; 3 бутелькы \$5.40; 6 бутельок \$10.00.

KORNAČK---AMBROSIA COMPANY

Box 190, Dept. 25

Scranton, Pa.

Учение — Світ! Незнання — Тьма!

ЧЫТАЙТЕ И РОСПРОСТРАНЯЙТЕ

ЄДИНСТВЕННУ В АМЕРИКИ

карпаторусску народно-робочу газету

“ЛЕМКО”

Придбайте больше читателей для той
газеты.

* * *

Адрес:

2490 PROFESSOR ST. CLEVELAND, O.

У КАЖДОГО КАРПАТОРОССА-

ЛЕМКА МАЄ БЫТИ

Мапа Лемковины

Точна мапа западной части Карпатской
Руси от Попрада по Уж и Сян. Кажде
наше русске и наименьше село означене
на той мапи.

* * *

Стінна, на полотні ----- \$2.00

На перері ----- 0.50

* * *

LEMKO ASSOCIATION

2490 Professor St. Cleveland, O.

В ЕДНОСТИ НАША НАРОДНА СИЛА!

Ставайте

В РЯДЫ ЧЛЕНОВ

Лемко-Союза

ОБЪЯСНЯЙТЕ

Идеи, задачи и ціли

НАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

НАУЧТЕСЯ САМИ И СВОИ ДІТИ

ЧЫТАТИ ПО РУССКИ ИЗ

КАРПАТОРУССКОГО БУКВАРЯ

ВАНЯ ГУНЯНКИ

* * *

Буквар выпущеный в роспродажу по
15 центов примірник.

8 примірников за \$1.00.

* * *

LEMKO ASSOCIATION

2490 Professor St. Cleveland, Ohio Pa.